

**BOSTON
PUBLIC
LIBRARY**

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

СОБРАННЫЯ

А. Н. АОНАСЬЕВЫМЪ.

Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова.

Цѣна 1 руб. сер

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп

1859.

~~27355~~

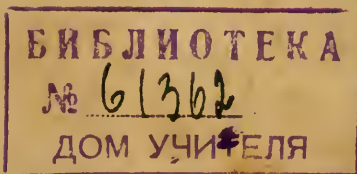
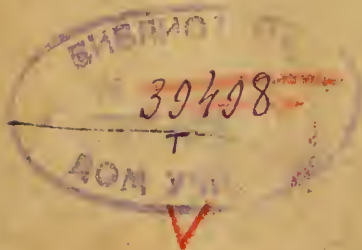
Д. Н. (Ивановъ) Николаевичъ
Александръ, 1871
МОСКОВСКАЯ АКАДЕМІЯ

5-212
1871
1871

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, декабря 4 дня 1859 года.

Ценсоръ Д. Наумовъ.

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *legendъ*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятая юными новообращенными племенами, должны были найти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ

народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обратилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ заимствованный матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противоположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ несостоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія; такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угольниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолюдинъ смотритъ на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейской оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давнопрошедшаго времени, когда благочестивый лѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двоевѣрнымъ*.

Если они и уцѣляли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторыя яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтическаго творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ мифовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надѣлять ихъ умомъ и волею, и касаясь событій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

б) Въ старину незапамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и давай онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окаянная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотрять. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и щедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалился надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Былъ-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашель житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали разыскать такого человѣка изъ старыхъ людей, которой могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходитъ о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; та-

¹⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у нѣмцевъ: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kornähre»). Г. Терещенко сообщаетъ еще два преданія о *пчелѣ* (ч. V, стр. 46—47).

кого жита я не съваль и не знаю; можетъ, отецъ мой помнитъ. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костыль. Спросили о зернѣ; онъ тожъ говоритъ: «я не съваль и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣль такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началь его царь спрашивать: «къмъ это жито съвано»? — Я его съваль, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владѣль, чужимъ не корыстовался». (Записано въ архангельской губерніи.)

с) Ивановской свѣтащійся жукъ *кереница* (*kersnica*) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталь по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщаль колыбель святаго младенца. ¹⁾

d) Когда архангелъ Гавріиль возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искунитель, — она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами ²⁾; между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряютъ, будто кам-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

²⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

Х

бала потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походитъ на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ¹⁾: знакъ, что древне-языческое преданіе получило у насъ подѣ влияніемъ христіанства и другой смыслъ, и другую обстановку.

е) Когда родился Христось и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая лошадь всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а волъ не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ. ²⁾

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ трески, произошли отъ того, что апостоль Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. ³⁾

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подѣ этимъ корытомъ?» — Свинья съ тремя поросятами, отвѣчалъ Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

¹⁾ Сынъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

²⁾ Записано въ харьковской губерніи.

³⁾ Московск. Вѣдомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины. ¹⁾

h) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы ривили отъныни и до вика!» Съ той самой поры и етали они медвѣдями.

Такой разсказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губерніи; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблюю и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегіи существуетъ разсказъ о превращеніи одной женщины въ *дятла* (Norweg. Volksmärchen, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготавлила хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдѣлила для странниковъ

¹⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отдѣлила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестокосердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel. ¹⁾

Русскіе поселяне также рассказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-пить! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дожда собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дожди остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надоѣдая людямъ, жалобно просить пить, пить!» ²⁾

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегіи разумѣется *rothhaubichte Schwarzsprecht*.

²⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 47.

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ шикливымъ чрикашемъ; жида увидали Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ разсказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ гредали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чрикали: умеръ, умеръ! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробьѣ разсказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вѣтъ въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. ¹⁾

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидала жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Дала, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвины стараются топить печи до зари, чтобы воробьи не видали выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ птица эта сильно повредитъ крестьянскимъ посявамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

этотъ жареный каплунъ полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *пльтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! ¹⁾

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ происшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гумманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ человека уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христось на небеса,
 Расплакалась нищая братія,
 Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
 «Ужь ты истинный Христось, царь небесный!

¹⁾ Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. поэзіи, стр. 85.

Чѣмъ мы будемъ бѣдныя питаться?

Чѣмъ мы будемъ бѣдныя одѣваться, обуваться?»

— Не плачте вы, бѣдныя, убогіе!

Дамъ я вамъ гору да золотую,

Дамъ я вамъ рѣку да медвяную...

Тутъ возговоритъ Иванъ да Богословецъ:

«Вѣдь ты, истинный Христосъ да царь небесный!

Не давай ты имъ горы золотыя,

Не давай ты имъ рѣки медвяныя;

Сильныя-богатыя отнимуть:

Много тутъ будетъ убійства,

Тутъ много будетъ кровопролитья.

Ты дай имъ свое святое имя;

Тебя будутъ поминати,

Тебя будутъ величати:

Будутъ они сыты да и пьяны ¹⁾,

Будутъ и обуты, и одѣты».

Тутъ возговорилъ Христосъ да царь небесный:

«Ты Иванъ да Богословецъ,

Ты Иванъ да Злотоустой!

Ты умѣлъ слово сказати,

Умѣлъ слово разсудити»... ²⁾

По народнымъ сказаніямъ, Спаситель вмѣстѣ съ апостолами и теперь, какъ нѣкогда — во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя страннической видъ убогаго; испытывая людское милосердіе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и ску-

¹⁾ Т. е. будутъ напоены, не будутъ мучиться жаждою, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

²⁾ За сообщеніе этого прекраснаго стиха приносимъ благодарность П. А. Безсонову.

пыхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. ¹⁾ Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ, какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: «Речеть Царь⁹ сущымъ одесную его: приидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоите мя, страненъ бѣхъ — и введосте мене, нагъ — и одѣясте мя, боленъ — и посѣтитесте мене, въ темницѣ бѣхъ — и приидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща — и напихомъ, или жаждуща — и напоихомъ, когда же ты видѣхомъ странна — и введохомъ, или нага — и одѣяхомъ, когда же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ — и приидохомъ къ тебѣ? И отвѣщавъ Царь речеть имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ — мнѣ сотвористе». (Еванг. отъ Матвѣя, гл. XXV, ст. 34 — 40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христосъ является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представляемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе интересные, въ переводѣ:

¹⁾ Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ странствованій Спасителя. (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1, статья Максимовича, стр. 78.)

1. КТО МЕНЬШЕ ЖЕЛАЕТЪ, ТОМУ БОЛЬШЕ ДАЕТСЯ.

Было три брата; ничего больше не имѣли они на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного грушеваго дерева, и стерегли то дерево по очереди: одинъ оставался подлѣ груши, а двое другихъ уходили на поденщину. Однажды Богъ послалъ ангела посмотреть, какъ живутъ братья, и если плохо — то надѣлать ихъ лучшимъ пропитаніемъ. Ангелъ Божій сошелъ на землю, обратился въ нищаго, и подойдя къ тому, который оберегалъ дерево, попросилъ у него одну грушу. Этотъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ его и удалился. На слѣдующій день остался другой братъ стеречь дерево; опять пришелъ ангелъ и попросилъ одну грушу. И этотъ сорвалъ ему изъ своей доли, подалъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ и ушелъ. Когда настала чередъ третьему брату оберегать дерево, опять подошелъ ангелъ и попросилъ удѣлать ему одну грушу. И третій братъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Когда настала четвертый день, ангелъ сдѣлался монахомъ, пришелъ рано поутру и засталъ всѣхъ троихъ братьевъ подлѣ избы. «Идите за мною, сказалъ имъ ангелъ; я надѣлю васъ лучшимъ пропитаніемъ». Они пошли за нимъ, не говоря ни слова. Приходятъ къ большому, бурливому потоку; «чего бы ты желалъ?» спросилъ ангелъ старшаго брата. А онъ въ отвѣтъ: «чтобы изъ этой воды сдѣлалось вино, и досталось бы мнѣ». Ангелъ перекрестилъ посохомъ ручей — и вмѣсто воды потекло вино: тутъ готовятъ бочки, тутъ вино наливаютъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ старшему брату, и

оставилъ его на томъ мѣстѣ, а съ двумя другими пошелъ дальше. Вышли они на поляну — всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросилъ ангелъ средняго брата: «чего ты желаешь?» — Чтобы всё это были овцы, и принадлежали бы мнѣ. — Ангелъ Божій перекрестилъ поле своимъ посохомъ — и вмѣсто голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, однѣ бабы доять, другія молоко разливаютъ, третьи снимаютъ сливки, иныя сыръ дѣлаютъ, иныя масло топятъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ; взялъ съ собой младшаго брата, пошелъ съ нимъ по полю, и спросилъ: «а тебѣ чего-бъ хотѣлось?» — Мнѣ ничего другаго не надо, только бы далъ мнѣ Господь жену отъ праведной христіанской крови. Тогда сказалъ ангелъ: «о, это не легко достать; во всемъ свѣтѣ только и есть три такія: двѣ замужемъ, а одна дѣвица, и за ту двое сватаются». Идучи долго, пришли они въ одинъ городъ, въ которомъ былъ царь, а у него дочь отъ праведной христіанской крови. Какъ пришли въ городъ — сейчасъ къ царю просить у него невѣсту, а тамъ уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидѣлъ ихъ царь, сказалъ своимъ приближеннымъ: «какъ-же быть теперь: эти — цари, а эти — словно нищія передъ ними?» — «А знаете-ли что?» сказалъ ангелъ. Сдѣлаемъ-ка такъ: пускай невѣста возьметъ три лозы и посадитъ ихъ въ саду, назначивъ каждому изъ жениховъ какую хочетъ; на чьей лозѣ будетъ поутру гроздь, за того пускай и выйдетъ замужъ.» Всѣ на то согласились; царица посадила въ саду три лозы, и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозѣ бѣдняка гроздь. Тогда царь, нечего дѣлать, отдалъ дочь свою младшему брату, и обвѣчали ихъ въ церкви. Послѣ вѣнца отвелъ ихъ ангелъ въ лѣсъ и оставилъ тамъ; здѣсь жили они цѣлой годъ. А когда исполнился годъ, сказалъ Господь ангелу опять: «пойди, посмотри, какъ живутъ тѣ сироты; если въ нуждѣ, надѣли

ихъ больше». Ангель спустился на землю, обратился опять въ нищаго; пришелъ къ тому брату, у котораго потокъ лился виномъ, и попросилъ у него чашу вина. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по чашѣ, такъ и вина не достанеть!» Когда услышалъ это ангель, тотчасъ перекрестилъ посохомъ — и полился потокъ, какъ прежде, водою. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ старшему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Затѣмъ удалился оттуда ангель; пришелъ къ другому брату, у котораго все поле овцы прикрыли, и попросилъ у него кусокъ сыра. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по куску, такъ и сыра не достанеть!» Когда услышалъ это ангель, тотчасъ перекрестилъ посохомъ поле — и намѣсто овецъ вспорхнули голуби. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ среднему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Послѣ того пошелъ ангель къ младшему брату посмотреть, какъ онъ живетъ; приходитъ — а онъ съ своей женою живутъ въ лѣсу бѣдно, въ хижинѣ. Ангель попросился къ нимъ переночевать; они охотно, отъ всего сердца, его приняли, и стали упрашивать не поставить имъ того въ вину, что не могутъ угостить его такъ, какъ бы желали: «мы люди бѣдные!» говорили они. «Ничего, отвѣчалъ ангель; я доволенъ и тѣмъ, чтò есть.» Что будешь дѣлать? мукѣ у нихъ не было, чтобы замѣсить настоящій хлѣбъ; такъ они толкли древесную кору и изъ той приготавливали хлѣбъ. Такой-то хлѣбъ замѣсила теперь хозяйка для своего гостя и посадила въ печь. Стали они разговаривать; послѣ глядь — готово ли? а передъ ними настоящій хлѣбъ, и такой славою, такъ поднялся высоко... Увидя то, мужъ съ женою возблагодарили Бога: «слава тебѣ, Господи! чтò можемъ угостить странника». Подали хлѣбъ гостю, принесли кувшинъ съ водою, и только стали пить — а въ кувшинѣ вино. Въ то время ангель перекрестилъ своимъ посохомъ хижину, и на

томъ самомъ мѣстѣ сталъ царской дворець, а въ немъ всего много. Ангель благословилъ ихъ и оставилъ тамъ, и прожили они счастливо весь свой вѣкъ. ¹⁾

2. ХРИСТОСЪ - СТРАННИКЪ.

а) Однажды Христосъ и апостоль Петръ пришли поздно вечеромъ въ деревню. Господь хотѣлъ искать ночлега въ бѣдной избушкѣ, но св. Петръ настаивалъ, что они могутъ пойти въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, гдѣ во всемъ достатокъ. Господь не удерживалъ его; позволилъ ему идти, а самъ присѣлъ подлѣ бѣдной избушки. Петръ отправился въ самой что ни есть богатой домъ. «Здѣсь во всемъ изобиліе, здѣсь дадутъ намъ добрый ужинъ и хорошій ночлеги!» думалъ онъ; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: нѣтъ у меня для бродягъ ни ужина, ни ночлега! Разсердился Петръ, однако не потерялъ надежды и пошелъ въ другой домъ. И здѣсь, и въ третьемъ домѣ получилъ онъ точно такой-же отказъ. Съ досадою вернулся онъ наконецъ къ Спасителю. «Пойдемъ, поищемъ въ этой избушкѣ» сказалъ Господь, и оба вошли въ хижину. Они застали хозяйку съ дѣтьми за столомъ. Повсюду замѣтна была нищета. «Ну, хорошо мы будемъ приняты, подумалъ Петръ; у бабы у самой нѣтъ ничего!» Но онъ ошибся. Когда Господь попросилъ ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвѣчала: «если вы не побрезгаете тѣмъ, что есть у меня, — я очень рада васъ угостить». Господь былъ всемъ доволенъ. Вдова тотчасъ встала и вышла; немного погодя воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что супъ не довольно-жиренъ; она охотно бы приготовила его

¹⁾ Српске народне приповиѣтке, стр. 99—103.

жириѣ, да масла нѣтъ. «Петръ, сказалъ Спаситель, считай *глазки* ¹⁾, что въ супѣ плавають!» Апостоль сосчиталъ глазкѣ; ихъ было болѣе шестидесяти, и то считая непристально. Когда они поѣли и стали сбираться на чердакъ, гдѣ приготовила вдова имъ постели. — Спаситель отсчиталъ столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ *глазкѣвъ*, и подарилъ ихъ вдовѣ. Бѣдная женщина не знала, что дѣлать отъ радости.

Рано утромъ пошла она въ сосѣдній богатой домъ за молокомъ, чтобы изготавить странникамъ хорошій завтракъ, и рассказала тамошней хозяйкѣ, какъ щедро наградили ее странники за плохой супъ: они дали столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ *глазкѣвъ*. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдовѣ, чтобы та ничего не варила для странниковъ, что она сама желаетъ ихъ пригласить, что у ней всего много и супъ можетъ быть изготавленъ лучше. Когда передала о томъ вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказалъ: «пойдемъ, Петръ!» Они пошли въ домъ той крестьянки, сопровождаемые благословеніями вдовы. Богатая крестьянка приготовила имъ жирной-жирной супъ. «Если они такъ щедро заплатили за худой супъ, думала она; то какъ-же заплатятъ за хорошій!» — «Петръ, сказалъ Господь, считай *глазкѣ*, что въ супѣ плавають». — «О Господи!» воскликнулъ Петръ, которому супъ показался очень вкуснымъ, «супъ такъ хорошъ, что весь жиръ на немъ слился въ одинъ глазъ. Хозяйка заслуживаетъ, чтобы ты вознаградилъ ее вдвое больше». Уходя, Господь подарилъ крестьянкѣ только одинъ золотой. Она была недовольна этимъ, однако Господь не далъ ей ничего болѣе: «сколько *глазкѣвъ*, столько и золотыхъ!»

¹⁾ Плавающіе поверху кружкѣ растопленнаго масла.

Дорогою осуждалъ Петръ Господа, но Господь сказалъ: «Петръ, не въ величинѣ достоинство дара, а въ той внутренней цѣли, съ какою онъ дается. Истинно говорю тебѣ, что худой супъ бѣдной вдовы въ шестьдесятъ разъ болѣе стѣить, чѣмъ вкусной супъ богатой крестьянки».

б) Разъ пришелъ Спаситель въ деревню и увидѣлъ убогаго старика, который со слезами вышелъ изъ богатаго дома. «О чемъ ты плачешь, старикъ?» спросилъ Господь. — «О Господи! жаловался нищій, я голоденъ и не могу выпросить ни кусочка хлѣба. Вездѣ бабы трудятся надъ коноплю; всѣ мнѣ отказываютъ, говорятъ: некогда, и ни одна не хочетъ удѣлить на столько времени, чтобы отрѣзать мнѣ ломоть хлѣба!»

Господь велѣлъ ему обождать, и пошелъ въ тотъ домъ, изъ котораго нищій былъ прогнанъ. Хозяйка и работницы были заняты дѣломъ: онѣ вязали коноплю, чтобы потѣмъ ее намочить. Спаситель попросилъ кусочекъ хлѣба. «Ишь таскаются толпами, одинъ за другимъ! заворчала на него крестьянка. Проваливай! Мнѣ некогда вамъ прислуживать!» И когда Господь все-таки продолжалъ просить, говоря, что Богъ заплатитъ ей за то, что сдѣлаетъ она для бѣднаго, — раздраженная крестьянка закричала: «мнѣ не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствія я не кину работы!» Господь удалился, и пошелъ въ другой домъ, гдѣ не лучше ему посчастливилось. Вездѣ ему отказывали. Тогда Господь сказалъ крестьянкѣ, къ которой обратился онъ съ просьбою послѣ всѣхъ: «попомни меня — на будущее время васъ ожидаетъ двойная работа за коноплей!» Съ этими словами онъ удалился и взялъ съ собой нищаго. Съ того времени приходится бабамъ дважды дергать коноплю: сначала посконь

(der männliche Hauf), а послѣ ту, что семена приносить (Saathanf). ¹⁾

3. НАГРАДА И НАКАЗАНИЕ.

Въ одной деревнѣ жили два сосѣда; у одного было сто овецъ, у другаго только три. Бѣдный сказалъ богатому: «позволь моимъ овцамъ пастись вмѣстѣ съ твоими, тебѣ вѣдь это все равно!» Самъ-же онъ не имѣлъ никакого пастбища. Богатый не хотѣлъ было, но послѣ позволилъ; мальчикъ бѣдняка погналъ свои три овцы на поле къ сосѣдскому стаду, и остался тамъ замѣсто пастуха.

Спустя нѣкоторое время случилось, что король прислалъ къ богатому мужику и потребовалъ отъ него одной жирной овцы. Мужикъ не могъ отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну изъ сотни собственныхъ своихъ овецъ; поэтому онъ приказалъ своимъ работникамъ поймать одну изъ трехъ овецъ бѣдняка и отдать ее королевскимъ слугамъ. Работники такъ и сдѣлали. Сынъ бѣдняка горько плакалъ, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскорѣ послѣ того потребовалъ король у богатаго мужика другой овцы; этотъ опять приказалъ своимъ работникамъ отдать одну изъ тѣхъ, что принадлежали бѣдному. Такъ и было, и мальчикъ еще болѣе плакалъ, когда увели у него другую овцу. «Король, подумалъ онъ про себя, скоро потребуетъ еще одну овцу, а работники богатаго сосѣда возьмутъ у меня и эту послѣднюю; лучше убраться мнѣ, пока есть

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mährer und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, 1857, Leipzig, стр. 90—92.

время!» Онъ такъ и сдѣлалъ и ушелъ далеко, далеко на высокую гору; тамъ нашлось довольно корму и свѣжей воды, и овцѣ его было привольно.

Спустя нѣсколько дней сказалъ бѣдной самъ себѣ: «пойду— посмотрю, что дѣлають мои овцы и мальчикъ!» Когда пришелъ онъ къ стаду и спросилъ работниковъ о своемъ ребенкѣ, они отвѣчали: «двѣ изъ твоихъ овецъ отданы нами, по приказанію хозяина, королю; а съ послѣднею ушелъ куда-то твой мальчикъ». Бѣдной сталъ жаловаться; «гдѣ я теперь его найду?» говорилъ онъ; но тотчасъ-же оправился и пошелъ искать. Долго не было примѣтно никакого слѣда. Онъ спрашивалъ у Солнца, не можетъ ли оно указать ему путь-дорогу. Къ сожалѣнію, Солнце не знало дороги. Наконецъ онъ пришелъ къ буйному и свирѣпому Вѣтру, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ находится его сынъ? «Да, я знаю; я отправляюсь туда, и охотно возьму тебя съ собой!» Тутъ подхватилъ его буйный Вѣтеръ и въ одно мгновеніе перенесъ на гору къ сыну; мальчикъ находился въ долинѣ, которую никогда не озаряло солнце. Бѣдной мужикъ обрадовался, увидя сына и услышавъ, какъ онъ сберегъ послѣднюю овцу. «Мы теперь оба останемся здѣсь, сказалъ онъ, и будемъ заботливо за нею смотрѣть; потому что эта овца составляетъ все наше богатство!»

Черезъ нѣсколько времени послѣ того случилось двумъ странникамъ взойти на горы; они пристали къ бѣдному мужику и расположились на отдыхъ. Это были Христось и св. Петръ. «Мы издалека пришли, сказалъ Христось, и такъ утомлены, такъ голодны, что конечно должны умереть, если не достанемъ скорѣ хотя немного мяса.» Бѣдный почувствовалъ состраданіе и тотчасъ отвѣчалъ: «я могу вамъ пособить!» Онъ быстро отправился, взялъ свою овцу, убилъ ее, разложилъ огонь и приготовилъ для своихъ гостей доброй

кусок жаренаго, которое показалось имъ очень вкуснымъ. Послѣ угощенія сказалъ Христосъ мальчику, чтобы онъ собралъ все кости и положилъ ихъ въ овечью шкуру. Мальчикъ исполнилъ, и потомъ все они вмѣстѣ легли спать. Раннимъ утромъ поднялся Христосъ съ св. Петромъ; благословили бѣдняка и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужикъ съ своимъ мальчикомъ, онъ увидѣлъ передъ собою большое стадо овецъ; впереди стояла та самая овца, которую онъ вчера зарѣзалъ, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу записку, въ которой было сказано: «все принадлежитъ бѣдному и его сыну!» Три собаки прыгали около нихъ и ласкались. Бѣдной не могъ скрыть своей радости и счастья, и отправился со стадомъ домой. Когда онъ воротился, собралась цѣлая деревня посмотреть на его многочисленныхъ и красивыхъ овецъ; бѣдному то и дѣло приходилось рассказывать, какъ чрезъ двухъ убогихъ странниковъ досталось ему такое счастье. Зависть не давала покоя богатому его сосѣду; «если такъ, думалъ онъ, то я вскорѣ долженъ получить еще болѣе!» Онъ пошелъ, созвалъ отовсюду бѣдныхъ странниковъ и нищихъ, перебилъ всехъ своихъ овецъ, нажарилъ мяса и предложилъ убогимъ. Потомъ старательно собралъ все кости: въ шкурку каждой овцы положилъ именно тѣ, которыя ей принадлежали, и улегся спать. Онъ однако не могъ заснуть; въ мысляхъ своихъ онъ не переставая до самаго утра высчитывалъ, восколько больше должно быть у него овецъ, нежели у сосѣда, потому что онъ убилъ цѣлую сотню, а тотъ только одну. Когда разсвѣло, онъ тотчасъ вскочилъ, чтобы взглянуть на свое огромное стадо; но передъ нимъ лежали только кости въ овечьихъ шкурахъ, и ни одна не двигалась и не шевелилась. А! подумалъ богатой, такъ я знаю же, отчего эта помѣха: надобно, чтобы удалились странники и пищѣ! «Эй, вы бродяги, убирайтесь-ка отсюда!» Солнце уже стояло

высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не умножилось стократно, оно совсѣмъ пропало! Жалуясь на потерю всего своего добра, онъ пошелъ съ проклятiями и утопился.

А бѣдной сосѣдъ сталъ богатъ и счастливъ; рассказы-ваютъ, что въ послѣдствiи сынъ его женился на одной королеви. ¹⁾

Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ» (вып. 1, стр. 61 — 70; вып. 2, стр. 121 — 128) напечатана нами легенда о Маркѣ-Богатомъ. Сообщаемъ еще одинъ вариантъ:

4. МАРКО - БОГАТОЙ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ купецъ Марко-Богатой; казны и всякаго имѣнiя было у него столько, чтѣ и счесть нельзя! Жилъ онъ, веселился; а нищихъ къ себѣ и на дворъ не пускалъ: таковъ былъ немилостивъ.

Въ одно время приснился ему сонъ: приготовься де, Марко-Богатой, и ожидай — самъ Господь будетъ къ тебѣ въ гости! Поутру всталъ Марко, призвалъ жену и велѣлъ готовить большой пиръ; весь дворъ свой выслалъ алымъ бархатомъ да золотыми парчами и по всѣмъ закоулкамъ разставилъ батраковъ и прикащиковъ, чтобы не пускали никого изъ нищей братiи, а гнали бы въ-зашеи. Вотъ собрался совсѣмъ Марко-Богатой и сѣлъ поджидать Господа: часъ ждетъ, дру-

¹⁾ Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, gesammelt von Joseph Haltrich, Berlin, 1836, стр. 67—70.

гой ждѣть — не видать гостя. А нищїе какъ услыхали, что у Марка-Богатаго приготовленъ большой пиръ, такъ и повалили къ нему со всѣхъ сторонъ за святымъ подаванїемъ; только батраки и прикащики никого не пропускають, всѣхъ такъ и гонять въ-зашей. Вотъ одинъ убогой старичокъ, древнїй-древнїй, одѣтъ весь въ рубище, и зашелъ какъ-то на Маркинъ дворъ. Какъ увидѣлъ его изъ окна Марко-Богатой, закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, вы слуги мои-неслухи! али глазъ у васъ нѣту? Вишь, какой-то невѣжа по двору расхаживаетъ; чтобъ сейчасъ его не было!» Въ тужь минуту подскочили слуги, подхватили убогаго подъ руки и вытолкали черезъ заднїй дворъ. Увидала убогаго одна добрая старушка, и говоритъ ему: «пойдемъ ко мнѣ, нищенкой! я тебя накормлю, я тебя упокою». Привела его къ себѣ, накормила, напоила и спать уложила; а Марко-Богатой такъ и не дождался Господа! Въ самую полночь проснулась хозяйка, и слышитъ — кто-то постучался подъ окномъ и спросилъ: «праведный старче! ты здѣсь почуешь?» — Здѣсь, сказалъ убогой. «Въ такой-то деревнѣ у бѣднаго мужика родился сынъ; какимъ наградишь его счастиемъ?» Отвѣчалъ убогой: «владѣть ему всею казною и всѣмъ имѣнїемъ Марка-Богатаго!» На другой день убогой простился съ хозяйкою и пошелъ странствовать, а старушка сейчасъ на дворъ къ Марку-Богатому и про все ему рассказала. ¹⁾

Марко поѣхалъ къ бѣдному мужику и выпросилъ у него мальчика: «отдай, говоритъ; я возьму его въ прїемыши, выраститъ — добру научу; а какъ стану умирать — все богатство за нимъ запишу». Говоритъ эти рѣчи, а въ головѣ инья

¹⁾ По другому списку: Спаситель въ нищенскихъ лохмотьяхъ попросился почевать къ одному мужику, вошелъ въ избу и легъ на лавкѣ. Спустя немного заѣхалъ туда-же Марко-Богатой; увидалъ убогаго, прогналъ съ лавки и самъ улегся на его мѣстѣ. Въ полночь явился подъ окно Михаилъ-архан-

думки. Взялъ мальчика, поѣхалъ домой и на дорогѣ бросилъ его въ сугробъ: «пускай де замерзнетъ; тогда и увидитъ, каково владѣть Маркиной казною!» На ту самую пору выѣхали въ поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наѣхали на ребенка; взяли его съ собою, выростили и уму-разуму наставили. Прошло много лѣтъ, много воды утекло: случилось Марку-Богатому заѣхать къ тѣмъ охотникамъ; увидалъ молодого приемыша, слово за слово, разговорился объ немъ и узналъ, что это тотъ самой мальчикъ, котораго онъ бросилъ въ полѣ. Сталъ просить его Марку-Богатой: «сходи, говорить, ко мнѣ на домъ, отнеси къ женѣ письмо». А въ письмѣ написалъ, чтобъ его тотчасъ затравить собаками. Бѣдный приемышъ отправился въ путь; идетъ дорогою, а на встрѣчу ему убогой старикъ въ рубищѣ, и то былъ не простой нищій — то былъ самъ Христосъ. Онъ остановилъ путника, взялъ у него письмо и только подержалъ въ рукахъ ¹⁾ — какъ въ тужъ мнунуту все сказанное въ письмѣ перемѣнилось: жена Марка-Богатаго должна принять посланнаго съ честію и тотчасъ женить его на своей дочерѣ. Какъ написано, такъ и сдѣлано. Воротился домой Марку-Богатой, еще пуще осерчалъ на зятя, и говоритъ ему: «вечеромъ де попозднѣе сходи на винокурню да посмотри за работою»; а самъ приказалъ работникамъ: какъ прійдетъ молодець — сейчасъ его, не говоря ни слова, бросить въ горячій котелъ. Сталъ было зять собираться на винокурню, и вдругъ ему попритчилось, напала на него такая хворь, что по неволѣ пришлось дома

гелъ, поступался, и спрашиваетъ: «Господи, Иисусе Христе! здѣсь ли ночуешь?» — Здѣсь, говоритъ Господь. «У бѣднаго мужика сынъ родился, у Марка-Богатаго дочь; Господи, какимъ ихъ счастіемъ, какою судьбою надѣлишь?» Отвѣчалъ Господь: «пускай сынъ бѣднаго владѣетъ и дочерью и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго».

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ:* перебросилъ съ руки на руку.

остаться. А Марко-Богатой, выждавъ время, пошелъ посмотреть, что сталося съ его зятемъ, и таки прямо попалъ винокурамъ въ лапы и угодилъ въ горячій котель! (Изъ собранія В. И. Даля.)

Подобный-же рассказъ находимъ въ издаици: «Ungarische Volksmärchen» (Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, Pesth), № 17, стр. 188 — 193. ¹⁾

Присоединяю еще три легенды о странствованіи Спасителя по землѣ: двѣ — извѣстныя между славянскихъ племенъ и одну — принадлежащую нѣмцамъ:

5. ПѢВЦЫ.

Случилось какъ-то — Христось и святой Петръ странствовали по свѣту. Пришли они въ деревню; здѣсь въ одномъ домѣ такъ хорошо пѣли, что Господь остановился и заслушался: святой же Петръ отправился далѣе. Пройдя нѣсколько

¹⁾ Въ валахскихъ сказкахъ (Walach. Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 6) есть одна подъ заглавіемъ: «Die altweibertage», въ которой также упоминается о странствованіи Спасителя съ апостоломъ Петромъ. Злая свекровь мучаетъ свою сноху трудными работами; наконецъ заставляетъ ее вымыть добблѣ волну, снятую съ черной овцы. Съ утра до вечера трудилась она, руки ея устали, а успѣха не было; съ горя заплакала бѣдная. На ту пору шелъ мимо Спаситель съ св. Петромъ. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ее Господь. Она рассказала. «Будь послушна матерц, возразилъ Спаситель; мой и усталыми руками; да будетъ Богъ съ тобой!» Принялась она снова мыть, и мало-по-малу черная волна обратилась въ бѣлую. Злую свекровь постигло наказаніе: раннею весною она погнала своихъ овецъ на горы и тамъ окаменѣла со всѣмъ стадомъ.

шаговъ, онъ оглянулся назадъ: Христось стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Св. Петръ снова пошелъ дальше; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся въ другой разъ: Христось стоялъ все тамъ-же. Снова дальше и дальше пошелъ св. Петръ; пройдя опять нѣсколько, онъ оглянулся въ третій разъ, и увидѣлъ, что Христось все еще стоялъ и слушалъ. Тогда повернулъ онъ назадъ, и подошелъ къ дому, изъ котораго неслась прекрасная народная пѣсня. Послушали они нѣкоторое время, и двинулись оба въ путь; вотъ подошли къ другому дому, гдѣ также раздавалось пѣніе. Св. Петръ остановился было послушать, но Господь направилъ свои стопы дальше. Пошелъ и св. Петръ; онъ былъ сильно изумленъ. — Что такъ сильно тебя изумило? спросилъ Христось. «Меня то поразило, отвѣчалъ св. Петръ, что ты остановился тамъ, гдѣ пѣлась народная пѣсня, и проходишь мимо здѣсь, гдѣ поются духовные стихи.» Тогда сказалъ ему Христось: «о мой любимой св. Петръ! тамъ пѣли народную пѣсню, но сохраняя всевозможное благоговѣніе; здѣсь-же поютъ духовные стихи, но безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія». ¹⁾

6. АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ.

Однажды рядомъ съ Спасителемъ шелъ апостоль Петръ, весь погруженный въ думы; вдругъ онъ сказалъ: «какъ хорошо, думаю, быть Богомъ! Хоть бы мнѣ на полдня сдѣлаться Богомъ, послѣ я опять готовъ быть Петромъ!» Господь усмѣхнулся и сказалъ: «пусть будетъ по твоему желанію; будь Богомъ до вечера!» Между тѣмъ приблизились они къ

¹⁾ Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmalzer, ч. 2, стр. 175.

деревнѣ, изъ которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала ихъ на лугъ, оставила тамъ, и поспѣшила назадъ въ деревню. «Какъ, ты хочешь оставить гусей однихъ?» спросилъ ее Петръ. — А что, неужли стеречь ихъ и сегодня? У насъ нынче храмовой праздникъ, возразила крестьянка. «Но кто же долженъ беречь твоихъ гусей?» спросилъ Петръ. — Пусть Господь Богъ бережетъ ихъ сегодня! сказала крестьянка и удалилась. «Петръ! ты слышалъ, сказалъ Спаситель. Я бы охотно пошелъ съ тобою въ деревню на храмовой праздникъ; но вѣдь гусямъ можетъ приключиться что и худое: ты сегодня Богъ до вечера, ты долженъ и беречь ихъ.» Что оставалось Петру? Хоть ему и досадно было, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сторожить гусей; но далъ зарокъ, что никогда болѣе не пожелаетъ быть Богомъ. ¹⁾

7. ГОСПОДЬ И ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣшникъ съ большою восковою свѣчею. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца, и въ воздаяніе за этотъ даръ общалъ, что онъ трижды возвѣститъ ему о смерти—прежде, нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ староста зажилъ въ роскоши и въ весельи, ѣлъ и пилъ, пользовался церковнымъ погребомъ и вовсе не думалъ о смерти. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить долѣе такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сгорбилась, и онъ былъ выпужденъ взяться за костыль; немного погодя онъ

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, стр. 89—90.

потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленной, слѣпой и глухой онъ продолжалъ жить все также безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы взять его отъ сего міра. Церковный староста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣстилъ ему, какъ самъ обѣщаль? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ: «Какъ? я не возвѣстилъ тебѣ? А развѣ я не ударялъ тебя сначала по плечу и колѣнамъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ я не наложилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ напоследокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что я тебѣ обѣщаль; теперь слѣдуй за мною!» Староста смиренно сталъ молить о прощеніи: ему, право, непонятны были эти напоминанія, и онъ не приготовился еще къ смертному часу. Кротко взглянулъ Господь на кающагося грѣшника и сказалъ: «пойдемъ, пойдемъ; я не хочу для тебя быть справедливымъ болѣе, нежели сколько милостивымъ!» ¹⁾

Александръ Аванасьевъ.

¹⁾ Deutsche Volksmärchen, von J. Haltrich, стр. 62. Сличъ съ № 177 во 2-мъ томѣ «Kinder- und Hausmärchen» братьевъ Гриммовъ («Die Boten des Todes»).

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Разъ какъ-то принялъ на себя Христось видъ старичка-нищаго и шель черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-ать богатой говоритъ: «много васъ попрошаекъ здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и умѣете, а небось не работаете...» и отказалъ на отрѣзъ.—Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники; да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тѣмная. Пусти, пожалуста! мы ночуемъ хоть подъ лавкою. «Ну такъ и быть! ступайте въ избу.» Впустили странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ съ своими домашними, а имъ ничего нѣ даль), да и ночевать имъ довелось подъ лавкою.

По утру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: «пустите, мы вамъ поможемъ за нос(ч)легъ, помолотимъ за васъ». —Ладно, сказалъ мужикъ; и давно бы такъ! лучше чѣмъ пд-пусту безъ дѣла слоняться-та!—Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христось

и гутарить ¹⁾ хозяйскимъ сыновьямъ: «ну, вы разметывайте адонье ²⁾, а мы приготовимъ токъ». И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почптай цѣлое полъадонье. «Да вы такіе-сякіе совсѣмъ дѣла не знаете!» заругались на нихъ хозяева; «зачѣмъ наложили такіе ворохъ?»—Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, отъ того спорѣ идѣтъ, сказалъ Спаситель и зажогъ покладенные на токѹ снопы. Хозяева ну кричатъ да браниться, днскать весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣло и заблестало въ большущихъ кучахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)шись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: такъ и такъ, батюшка, смолотили, днскать, полъадонья. Куда! и не вѣрять! Разказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: «быть не можетъ! отъ огня зерно пропадѣтъ!» Пошелъ самъ поглядѣть: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое—на диво! Вотъ покормили странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужика.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутарить: «пособите намъ еще денѣкъ-та!»—Нѣтъ, хозяйинъ, не проси; нѣколи, нѣдыть идти на работу. А старшій хозяйской сынъ потихоньку и говоритъ отцу: «не трожь ихъ, бачка; незамай идуть. Мы тапереча и сами знаемъ, какъ нѣдыть молотить». Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно: взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ—сгорить солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось пѣломя на разны

¹⁾ Говорить (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44).

²⁾ Снопы, покладенные въ кучу, скрдь (ibidem, стр. 138).

постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все до голá и погорѣло!

2. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦѢ.

Када-то пришелъ Христось въ худой нищенской одѣжѣ на мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку. Мельникъ осерчалъ: «ступай, ступай, отселева съ Богомъ! много васъ таскается, веѣхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего и не далъ. На ту пору случись—мужичокъ привѣзъ на мельницу смолоть небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и ежалился: «подъ сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпаль ему изъ мѣшка хлѣбъ-ать; отсыпаль почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій веѣ свою кнѣу подставляеть. «Что, али еще отсыпаль?»—Да, коли будеть ваша милость! «Ну, пожалуй!» Отсыпаль еще съ мѣрку, а нищій веѣ-таки подставляеть свою кнѣу. Отсыпаль ему мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зернá такъ самая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ, думаетъ мельникъ, да я еще за помоль возьму; чтожъ ему-то оставеться?» Ну, хорошо. Взялъ онъ у мужика рожъ, засыпаль и сталъ молоть; смотреть: ужъ много прошло времени, а мукá веѣ сыпитея, да сыпитея! Что за диво! всего зернá-то было съ четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось чтó молоть: мукá себѣ веѣ сыпитея, да сыпитея... Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

а. Давно было—странствовалъ по землѣ Христось съ двѣнадцатью апостолами. Шли они разъ какъ-бы простые люди, и признать нельзя было, что это Христось и апостолы. Вотъ

пришли они въ одну деревню и попросились на нос(ч)легъ къ богатому мужику ¹⁾. Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они почевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока—не отеллась къ тому сроку. «У меня, батюшки! говорить вдова, избѣнка малая, и лечь-то вамъ негдѣ!» — Ничего, какъ-нибудь упокоимся. Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ напитать ихъ. «Чѣмъ же мяѣ покормить васъ, родимыхъ, говорить вдова; всего-на-всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока вѣтуть: все жду—вотъ отелится... Не взыщите на хлѣбѣ-на соли!» — И, бабушка! сказалъ Спаситель, не кручинься, всѣ будемъ сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога... Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ напталсь, еще и ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель; гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломти еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...» Переночевали Христось и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говорить вдова своей невѣсткѣ: «подь, поскреби мучицы въ закремъ; авось наберѣшь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходила, и несѣтъ мукѣ таки порядочную махотку (глиняный горшокъ). Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говорить: «тамъ въ закремъ и на другой разъ осталось». Напекла вдова блинковъ и подчусть

¹⁾ *Вариантъ*: Шель Христось съ 12-ю учениками, словно нищенки. Пришли они въ городъ и попросились почевать къ богатому купцу; купецъ не пустилъ...

Спасителя и апостоловъ: «кушайте, родимые! чѣмъ Богъ послалъ...» — Спасибо, бабушка, спасибо! ¹⁾

Поѣли они, попросились съ бѣдною вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ эдакъ по дорогѣ, а въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ на пригоркѣ сѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ ѣды: «Господи! завылъ, я ѣсть хочу! Господи, я ѣсть хочу!» — Пойди, сказалъ ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неѣ корову съ телёнкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что-же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаючи отъ своей коровы телёночка: было бы у неѣ молочко — пропитаніе на всю семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреньемъ промолвила: «Богъ далъ. Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христось и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами ²⁾. Спаситель и говоритъ: «катись, бочка, къ богатому мужику ³⁾ во дворъ!» Апостолы опять усумнились: «Господи! лучше-бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько-же послалъ Гос-

¹⁾ *Вариантъ*: Собрала вдова ужинать, и говоритъ: «я бы вамъ, родимые, блинковь растворила, да муки нѣтути». Христось отвѣчаетъ: «посмотри, можетъ быть найдется». — Нѣтъ, батюшки вы мои! я ужъ въ ларѣ крылушкомъ муку повымеза. «Ступай, посмотри, опять говоритъ Христось; можетъ, и найдется». Пошла вдова и видитъ: полонъ ларъ муки! откуда что взялось! Принесла она муки, сдѣлала растворъ, а поутру встала и напекла блинковь.

²⁾ *Вар.* съ серебромъ.

³⁾ *Вар.* къ купцу.

подъ!» думаетъ про себя. Христось и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Исусе! мы пить хотимъ», говорятъ они Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтеся.»

Апостолы пошли; шли, шли, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ - то срамота, тамъ - то сквернота — жабы, змѣи, лягва (лягушки)... тамъ - то нехорошо! Апостолы, не напившись, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Чтожь испили водицы?» спросилъ ихъ Христось. — Нѣтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотришь-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христось, и пошли они впередъ своею дорогою. Шли, шли; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Исусе! мы пить хотимъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтеся». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо; тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ-бы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студѣная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходилъ?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бѣдной вдовѣ!» ¹⁾. — (Всѣ три легенды записаны издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

¹⁾ *Вариантъ.* Первый колодезь приуготовленъ богатому купцу, а второй бѣдной вдовѣ.

в. Въ давніи времена ходывъ по земли Богъ и зъ святымъ Мыколаемъ и святымъ Петромъ, и уже святой Петро совсемъ обдерся ¹⁾, такъ, що ѡ не стало на йому никакого шматя ²⁾. А Господь каже ему: «пиды, Петре, та украды соби шматя дѣ-ныбудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те лаяты тебе хозяйка, чы ни?» Отъ св. Петро пишовъ и покравъ повишане на тынови людскоее шматя, и убрався пишовъ до Бога, тай каже: «я вже укравъ шматя, алы-жъ хозяйка мене за тее не лаяла, а тильки оглядывшысь сказала: нехай јому Богъ звыдыть и избачить!» А Богъ выслухавъ цее, тай каже: «ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Мыколай вси зашлы въ обидранную хату до одной найбиднищой вдовы-мужычки, упросымысь въ ней на ничъ и стали спрощуваты: «чы ныма чого у тебе понеты?» А хозяйка одвичает: «ныма въ мене ничего. Я бидная, хлибъ соби заробляю, и тильки маю хлиба—що одынь крайчыкъ на полыци». А Богъ до неѡ каже: «дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичает: «та ныма у мене ни якоѡ стравы ³⁾, и ничогисынько не варыла». Отъ Богъ зновъ сказавъ: «погляды лышь, молодыце, добре въ пичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все таки не хоче того слухаты, а дали Богъ якъ причыпывся добре до неѡ: «таки погляды въ пичь, та погляды»—отъ вона, абы витчыпытьця, иде до печи; колы заглянула туда въ пичь, ажъ тамъ богацько всякоѡ всячыны — понавѡрывано разной хорошой стравы и варынухи, тай каже вона: «що це такее на свити значить, я не топыла, ажъ богацько есть понавѡрывано всякоѡ всячыны?» Отъ вона повыньмала все съ печи, и вси воны понајидальсь, тай полягали спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ прѡйшовъ до неѡ. На другой день

1) Ободрался.

2) Платя.

3) Кушанья, ѡсты.

вранци Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставалы, подяковалы гарно ¹⁾ хозяйци, тай пришли дальше, и почулы вони высылне гране ²⁾; ажъ паходятъ вони туда, колы дывятця, а тамъ высылля у одного богатаго мужыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! ходимъ же и мы на те высылля, чы не дадутъ и намъ по чарци горилки та чого појисты?» А Богъ каже: «добре, ходимъ». Отъ вони пришли туда замиesty старцивъ, буцимъ ³⁾ просыты мылостыни, а богатый хозяйинъ теи хаты оглянувшысь до нихъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высылныхъ гостей, богатыхъ хозяйинивъ, а дали ставъ гукаты на свою жинку: «а дай лышь тамъ старцамъ мылостыни». А жинка јого—такавъ убранны, щой куды!—закрычала сердыто: «ты гляды своихъ людей, що частуешь ⁴⁾, и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадыши сыхъ дилывъ ⁵⁾, то й не будутъ черезъ нихъ двери зачыпятьця!» ⁶⁾ Дали погодывши, той хозяйинъ якъ оглянувшысь побачывъ, що довго старци стоять въ хати, та нагумонивъ ⁷⁾ добре на свою жинку,—ажъ тоди вона дала тымъ старцамъ по маленькій чароци горилки и по шматочку хлѣба, тай выпроводыла ихъ за двери. Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ идучи звитыля ⁸⁾, тай каже Богъ: «ну тай богатый же цей чоловикъ, що мы булы въ нѣго на высылля, алы-жъ и крѣпко винъ скупый, а јого жинка ище гирше (пуще) скупища и дуже велыка злоѣдныця, та и обое вони не вмють въ счастья шануватысь ⁹⁾

1) Поблагодарили усердно.

2) Свадебное гулянье, веселье.

3) Какъ будто (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр 21).

4) Угощаешь (Труды общ. люб. рос. словеса., кн. VII, стр. 323),

5) Привадишь этихъ старцевъ.

6) Затворяться.

7) Накричалъ.

8) Оттуда.

9) Держать себя.

и не хотять помогаты другимъ биднымъ людямъ». Отъ Богъ зъ св. Петромъ и Мыколаемъ шишли шляхомъ ¹⁾ и на поля полягали спочиваты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай просыть Бога: «дай миши, Господы, що појисты; бо я цилые сутки вычого не живъ и дуже охлявъ ²⁾ зъ голоду». Богъ выслухавъ цее, тай говорыть: «шиды, вовче, въ село; тамъ есть найбиднища вдова-мужычка, що мы въ неи ночувалы; у неи есть одна тильки ряба корова, то визьмы ту корову тай изъјижъ». А св. Мыколай начавъ просыть Бога: «Господы мылостивый! нащо-жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неи послидней коровы, бо вона буде гирько плакать и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-ныбудь скотыну у того богатыря ³⁾, дѣ мы булы на высплы, бо винъ богатый чоловикъ та ще й дуже скупый». А Богъ каже: «не можно такъ! нехай возме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бядуе ⁴⁾, бо вона на сямъ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до неи, а воны полягали спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ винъ придумуваты, якъ-бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надумавъ и подывывеся. шо Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцимъ ⁵⁾ спыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщій ⁶⁾ побигъ на впереймы ⁷⁾ вовка другою стороною, щобъ вмазаты вдовыну корову болотомъ ⁸⁾, щобъ та корова була чорна, а не ряба, щобъ не зъживъ јиу вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ екорйше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ шо вона зробылась

¹⁾ Дорогою.

²⁾ Ослабѣлъ (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 16).

³⁾ Богача (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 3).

⁴⁾ Бѣдствуеъ.

⁵⁾ Притворился бѣдто?

⁶⁾ Скорѣе.

⁷⁾ Чтобы обогнать, опередить волка.

⁸⁾ Т. е. грязью.

чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ будицьмъ ничого не знае, и каже до св. Петра и Мыколая: «а що вставайте уже, та ходимъ». И тильки що хотили вони идты дальше, ажъ зновъ прибигы до ныхъ той самыи вовкъ и каже: «ныма, Господы, у теи бидной вдовы рябой коровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае, тай каже: «ну такъ изъјижь ту чорну корову». А св. Мыколай бачить, що ничого не вдіе ¹⁾, тай замовчавъ. Отъ вовкъ побигъ до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ и Мыколаемъ началы идты шляхомъ. Отъ идуть вони та идуть, ажъ катытьця противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвичае: «це катытьця бочка съ сребромъ и златомъ до того богатыря, що мы булы у него на высиллы, бо такій јого таланъ и така јого доля; алы все јого счастья буде на сямъ свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удилы-жь съ цей бочки або зъ макитерку ²⁾ для теи бидной вдовы, дѣ мы ночувалы; въ неи-жь вовкъ и послиднюю корову зъјивъ». А Богъ одвичае: «ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты дальше; ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотивъ дуже пыты воды тай каже: «ахъ, якъ мыни хочетця пыть!» А Богъ говорить јому: «колысь я проходивъ чрезъ оцей яръ, що недалеко видъ насъ выдно, тамъ я бачывъ крыныцю ³⁾. Иды туда, тай напьешся воды». Колы пишовъ св. Мыколай туда въ яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачывъ такого богацько темнаго та сираго страшенаго гаду, такого сердытаго, що ажъ кышыть; отъ винъ злякався ⁴⁾ дуже тай насылу звиттыля

¹⁾ Не сдѣлаеть.

²⁾ Макитра—глиняной сосудъ, горшокъ.

³⁾ Колодець, родникъ.

⁴⁾ Испугался. (Словарь малор. Чужбинскаго, стр. 167).

утикъ ¹⁾). А Богъ пытае: «чого ты, Мыколаю, такъ нынче злякався, ажъ поблиднивъ съ переполоху ²⁾, и мабудь ³⁾ не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичае: «не могъ я напытьця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшнаго гаду, то насылу я звиттыля утикъ». Отъ Богъ vysлухавъ цее тай сказавъ: «ну, ходымъ же далл!» И прошлы воны дальше зъ пятыро гинь ⁴⁾, або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: «иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьесся воды». Отъ св. Мыколай пишовъ туда; колы надходыть въ той яръ, ажъ тамъ побачывъ такій ще гиршый гадъ, та такого-жь јого превелькая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищій, якъ попереду бачывъ, такъ що нынче горыть трава. И св. Мыколай завсямъ перелякався та побилнвъ, и насылу велыку звиттыль утикъ, такъ нынче па јому волосья и одежда загорилася! И прійшовъ до Бога тай съ переляху ⁵⁾ насылу разсказавъ, що не можно тамъ напытысь воды, бо ще й гиршей тамъ есть гадъ и далеко злищій отъ першого гаду, що впнъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «ну колы такъ, то ходымъ же дальше». Отъ воны пошлы дальше и довго ишлы, ажъ побачылы вдали третій ярокъ нынче съ садкомъ; тай Богъ каже: «ну иды-жь, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачышь—садокъ выдно, а вже тамъ певне ⁶⁾ напьесся воды». Колы св. Мыколай пишовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скризь тамъ такіи разніи, прихорошіи, пахнючіи цвиткы та ягоды,

¹⁾ Убѣжалъ.

²⁾ Съ испугу. (Труды общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310).

³⁾ Можетъ быть.

⁴⁾ Вмѣсто: *гоней* (*гони*—мѣра разстоянія; смотри Малоросск. словарь Чужбинскаго, стр. 76).

⁵⁾ Съ испугу; *лякъ*—испугъ (см. Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13).

⁶⁾ Навѣрно, непримѣнно.

яблуки, хвыги, мыдалы, розыиыкы ¹⁾ и всякая оwoць, а птыци такъ хороше спивають та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занимательне, що й сказаты и пропысаты не можно. Отъ св. Мыколай не знавъ, що й робыты, чы воду пыты, чы любоватыся та прыглядуватысь; напыетця трохы пахнючой воды, тай оставыть пыты, та все разглядае. И винъ трычи такъ потрѣхы пывъ тую воду, та все разглядувавъ, и не чувся ²⁾ — що винъ не въ примиту пробувъ тамъ цылыхъ тры роки ³⁾, якъ ныначе одну мынуту тамъ бувъ. Ажъ прыходыть туды Господь Богъ тай каже јому: «що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышь, що прошло тому тры роки, якъ ты пывовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «а я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пывъ-свита, покы зновъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслушавши цее, тай одвичае: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло переднищыхъ двохъ крыныщъ, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшенаго гаду, що й прыступыть страшно; а тутынька въ третимъ яру такъ дуже прихорошая крыныця зъ водою и все тутынька росте дуже гарная пахнючая всякая всячина, що й не можно налюбоватыся и наслухатьця птычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хочитця?»—А Богъ одвичае јому: «оце-жь знай, що переднищый яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшенаго гаду, то тее мисто называитця пекломъ и воно определяно для того богатыря, що мы булы у нѣго на высилы, а другий яръ, дѣ есть еще гиршій пристрашеный гадъ, то также приготовано пекло для жинки того-же богача, бо јого жинка ище гирша видъ своего чоловика ⁴⁾; а якъ вони не вмилы въ счастьяи

¹⁾ Изюмъ (Труды общ. любит. рос. словесности, кн. VII, стр. 313).

²⁾ Почувствовать.

³⁾ Года.

⁴⁾ Мужа.

жыты, добре шануватысь, и не хотилы помогаты биднымъ лю-
 дямъ, то за тее по смерти будутъ вично мучытьця въ тыхъ пек-
 лахъ. А опе третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай
 довго такъ тутъ забарывся ¹⁾ черезъ тее, що тутышка дуже
 хороше, называетця рай, опредѣляный для теи бидной вдовы,
 що мы въ неи ночувалы, бо вона на симъ свити цилый викъ
 гирько бидовала, терпила та плакала, но була добрая жинка и
 честнаѧ,—то за тее по смерти буде маты въ симъ раю вичное
 трибогатое счастье. Отъ бачъ, якъ то робытця; будь добрый
 чоловіче, не вповай на земнее счастье, та любви бидныхъ и
 старайся, небоже,—то, якъ кажуть, Богъ въ симъ и буду-
 щимъ вику поможе!» — (Записана въ васильковскомъ уѣздѣ,
 кievской губернии. Изъ собранія В. И. Даля.)

4. ИСЦѢЛЕНІЕ.

Вотъ видишь ли, скажу тваей миласти, былъ адинъ священ-
 никъ бяднѣющій, пребяднѣющій. Приходъ ли у него былъ больна
 (очень) малый, али какъ тебѣ сказать, правду молвить: што
 иное, только, слышь, все малился Богу, кабы въ достаткѣ-та
 быть пасправнѣе. Вотъ онъ всё малился, ды малился, день и
 ночь малился, и Николу миласливава прасилъ всё, кабы спра-
 вица. Агъ нѣтъ—лихъ! не даѣтъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ
 пашолъ изъ дому, куды глаза глядятъ; шолъ-шолъ, всё шолъ,
 и увидалъ онъ: возля дароги сядятъ двоя съ сумками, какъ и
 онъ пѣшіе—ну, знашь, присѣли агдахнуть. Адинъ-атъ мало-
 динькай съ бароткай, а другой-ятъ сѣдинькай старичокъ.
 Адинъ-атъ, знашь, былъ самъ Христось, а другой-ятъ Ни-

¹⁾ Запѣшкался (Слов. малоросс. Чужбинскаго, стр. 7).

кола миласливай. Вотъ онъ абрадавался, патшоль къ нимъ и гаварить: «ну, братцы! вы, какъ и я-же, пѣшкомъ идёте; кто вы дискать таковы?» Ани ему сказали: «мы ворожецы, знахари, и варажить умѣемъ и лѣчимъ». — Ну, слышъ, нельзя ли вамъ взять и меня съ сабою. «Пайдемъ, гаварять ему, только матриай (смотри)— всё по-равну дѣлать». — Знама дѣла, што по-равну. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани все троя вмѣсти. Шли ани, шли, устали и зашли начавать въ избушку. Попъ-ать всё у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашъ, была у него съѣснова. А у Христа съ Николай миласливымъ была адна лишь прасвирачка, и ту палажили ани на полачку у абразовъ да другова дни. На утро попъ всталъ; захатѣлась ему ѣсть, онъ взялъ украт(д)кай ту прасвирачку и съѣлъ. Христось-ать схватился прасвирачки, анъ-лихъ нѣтъ её! «Хто, слышъ, маю прасвирачку съѣлъ?» гаварить папу. Онъ запѣрся, сказалъ: «знать не знаю, я не ѣлъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть. Ветади, вышли изъ избушки и пашли апятъ; шли ани, шли, и пришли въ адинъ гóратъ. Вотъ малодинькай съ бароткай знахарь, знашъ—Христось-ать и гаварить: «въ эвтамъ гараду у багатава де барина есть бальная дочь; ништо не смохъ её излѣчить, айдáте-ка ¹⁾ мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у него падъ акномъ: «пусти-ка насъ; мы, слышъ, вылѣчимъ тваю дочь». Вотъ пустили ихъ. Даль имъ тотъ баринъ лѣчить сваю дочь; ани взяли её и павели въ баню. Привели въ баню, и Христось-ать всеё её разрѣзалъ на части: ана и не слыхала, и не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части её, взялъ и перемылъ всеё нá всеё въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ въ трѣхъ вадахъ и слажилъ её всеё вмѣсти па прежняму, какъ была. Слажилъ вмѣсти, и спрыснулъ разъ—ана сраслась; спрыснулъ въ другой—ана пашевелилась;

¹⁾ Пойдемте. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 2).

спрыснуль въ третій—ана встала. Привели её къ ату; ана, знашь, и гаварить: «я ва веёмъ здорова на прежнѣму». Вотъ баришь тотъ ихъ вдоваль сыто пѣ сыто веёмъ накармилъ и начаилъ. Попъ ѣлъ, ѣлъ, насилу съ мѣста всталъ, а тѣ, знашь, Христось-ать ды Никола миласливай немпошка закусили, и сыты. Вотъ паслѣ баришь-ать аткрыль имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышь, берите, сколько душѣ вашей угодна». Вотъ Христось взялъ горсточку, ды Никола миласливай другую; а попъ началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сапаги — йльно ¹⁾ вездѣ была пѣлна.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та пашли ани апять въ дарогу; шли, шли, и пришли къ рѣчкѣ. Христось съ Николай миласливымъ разомъ перешли легаханька, а попъ-ать съ деньгами шоль-шоль па вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другога-та берегу Христось съ Николай миласливымъ кричатъ ему: «брось, брось деньги! брось, слышь, деньги! а то утопишь». — Нѣтъ, гаварить; хоть утану, а ихъ не брошу. «Брось, брось деньги! а то захлебнёшься, помрѣшь.» — Нѣтъ, умру — не брошу! гаварить попъ, и каѣ-какъ перебрѣлъ онъ съ деньгамъ-та черезъ рѣчку. И сѣли все троя на бережокъ. Христось-ать и гаварить папу: «давай деньги-та дѣлить». А попъ не даѣтъ: «эвта мап деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть была не утанулъ съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — А угаворъ-ать, сказалъ Христось, вить лутча денихъ. Вотъ попъ сталъ выкладыватъ сваи деньги въ кучу, и Христось съ Николай миласливымъ слажили сваи туды-жа. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та сталъ Христось дѣлить деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Попъ-ать гаварить: «насъ де троя; каму кладешь ты ишо четвѣртую

¹⁾ Такъ что (ibidem, стр. 74).

6,7255

ВАНДИОТЕК

№ 61362

ДОМ УЧИТЕЛЯ

долю?» — Четвёртая доля таму, гаварить Христось, хто маю прасвирачку съѣль. «Я, слышь, её съѣль!» патхватилъ попъ. Вотъ Христось-ать съ Николай миласливымъ усмѣхнулись. «Ну, кали ты маю прасвирачку съѣль, такъ вотъ тебѣ эвти двѣ кучки денихъ. Ды вотъ и маю вазьми себѣ-же», гаварить Христось. «И маю, слышь, кучку вазьми себѣ», гаварить Никола миласливай. — Ну, таперь у тебя многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдёмъ адни.

Попъ-ать взялъ все деньги и пашолъ адинъ. Пашолъ, знашь, и думаетъ: чѣмъ дискать мнѣ дамой идти, лутча пайду я адинъ лѣчить; я таперь съумѣю — видѣль, какъ лѣчуть. Вотъ онъ шолъ-шолъ, пришолъ въ гòратъ и проситца къ аднаму багатаму купцу: узналь, знашь, што у него есть дочь бальная, и никто её не мохъ излѣчить. Проситца къ багатаму купцу: «пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили ево. Онъ, знашь, увѣрилъ ихъ, што вылѣчить. Ну харашо, такъ таму дѣлу и быть: вылѣчпть, такъ вылѣчить! Вотъ выпрасиль онъ большой нош(ж)ъ вострай, и павѣль бальную въ баню, и началъ её рѣзать на части: знашь, видѣль — какъ Христось-ать рѣзалъ. Толька нука кричать эвта бальная; кричала, кричала, што ни есть мочи! «Не кричи, слышь, не кричи, будишь здорова!» Вотъ изрѣзалъ её за-мертво на части, и началъ её перемывать въ трѣхъ вадахъ. Перемыль и началъ складывать апять, какъ была па прежняму; анъ-лихъ не складываетца ана па прежняму. Вотъ онъ мучился, мучился надъ нею, каё-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснуль разъ—анъ, слышь, ана не срастаетца; спрыснуль въ другой — нѣтъ толку; спрыснуль въ третій — все, знашь, бѣзъ толку. «Ну, бѣда мая! прапаль я таперь! угажу на виселицу, либа матрай въ Сибирь на катаргу!» Началъ плакать и малйтца Богу и Николѣ миласливаму, штоп(б)ъ паслали ему апять тѣхъ знахарей. И видитъ въ ажошка, што

идуть къ нему въ баню тѣ знахари: малодвижкой съ бароткай и сѣдилькай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался имъ! Бухъ имъ въ ноги: «батюшки маи! будьте атцы радные! Взаяся я лѣчить па вашему, ды не выходитъ...» А эвти знахари апать, знашъ, были Христось и Никола миласливай. Взашли, усмѣхнулись и гаварять: «ты бѣльна скоро выучился лѣчить-та!» Вотъ Христось-атъ взялъ мертваю всеё па частымъ перемыль, ды и слажилъ. Слажилъ, знашъ, па прежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана ераслась, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилась, спрыснулъ въ третій — ана встала. Вотъ попь-атъ перекрестился: «ну, слава тебѣ, Господи! уш(ж)ъ вотъ какъ рат(д)ъ — сказать нельзя!» — Вазьми, сказалъ Христось, и атведи её таперь къ атцу; ды матриай, больше не лѣчи! — крѣико-пакрѣико наказаль ему: а не то прападѣшь! Вотъ знахари тѣ: Христось и Никола миласливай пашли са дварà, а попь-атъ привѣль её къ атцу: «я её, слышъ, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здорова па прежняму. Купецъ нука ево паить, кармить, угаваривать, штопъ астался онъ у нево-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денихъ далъ вдоваль, дошатъ съ павоскай, и попь ушъ прѣма паѣхаль дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станить. — (Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губерніи.)

5. ПОПЪ - ЗАВИДУЩЕ ГЛАЗА.

Въ приходѣ святаго Николы жилъ одинъ попь. У этого попа глаза были самыя поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола-ни двора, ни хлѣба, ни пріюта. Собралъ нашъ попь всѣ ключи церковныя, увидѣль икону Николы, съ горя ударилъ

его по плечи ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пался (попался) ему на стрѣту (на встрѣчу) незнамой человѣкъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! сказалъ онъ попу. Куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи.» Вотъ и пошли они вмѣстѣхъ. Шли, шли они нѣсколько верстѣ, пріуехали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говоритъ ему: «давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ примемся и за сухари». — Ладно, говоритъ ему незнамый, съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на-послѣ. Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семъ-ка, думаетъ онъ, я у него украду ихъ.» Старичекъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попу все смѣкаетъ, какъ-бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичекъ. Попъ стаянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣсть въ-тихомолку. Проснулся старичекъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскричалъ онъ; кто съѣлъ ихъ? ты, попу?» — Нѣтъ, право не я, сказалъ ему попу. «Ну ладно!»

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога раздѣляется на двѣ розетани ¹⁾. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто выльчитъ его дочь, тому полжитѣя-полбитѣя-полцарства, а не выльчитъ — голова съ плечъ, на тычишку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируютсе*, дѣхтурами называются. Выходили изъ царскаго дворца слуги и спрашивали ихъ: «что вы за люди? изъ

¹⁾ Розетань—мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 492.)

какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ надотъ?» — Мы, говорятъ они, дѣхтуры; можемъ царевну вылѣчить. «Ну, коли дѣхтуры, заходите въ палату.» Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избы, обрѣза воды, вострой сабли, большаго стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избы, клали царевну на большой столъ, разсѣкали её вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ дунеть, такъ штука съ штукаю и склеиваются. Склалъ онъ всё штуки какъ надотъ, въ послѣдній разъ дунулъ — царевна встрепенулась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говорить: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — Аминь! отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили-ль царевну?» спрашиваетъ царь. — Вылѣчили, говорятъ дѣхтуры; вотъ она! Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говоритъ дѣхтурамъ: «что хотите вы отъ добра? злата ли, серебра ли? берите». Вотъ они начали брать злато и серебро; старичекъ берётъ пѣсточкой ¹⁾, а пощ горсточкой и всё кладётъ въ сумку свою; покладётъ, покладётъ, да поприздымаетъ ²⁾: заберётъ ли его могутъ ³⁾. Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичекъ говорить пощ: «эти мы деньги въ землю складёмъ, а сами опять лѣчить пойдёмъ». Вотъ они шли, шли; дошли опять до другаго царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитья-полбытья-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго дворца *палируются*, дѣхтурами называются... (Повторяется слово въ слово тотъ-же разсказъ объ излѣченіи царевны.)

¹⁾ Щепоткой, тремя пальцами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).

²⁾ Да приподниметъ (*ibidem*, стр. 177).

³⁾ Возьметъ ли его сила (*ibidem*, стр. 114).

Приходятъ они опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь общалъ тому, кто ее вылѣчить, полжитья-полбытья-полцарства, а не вылѣчить—голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Завиднаго попа мучить лукавый: какъ бы не сказать старичку, а вылѣчить одному, серебро и золото захватить одному бы? Противъ царскихъ воротъ ходитъ попъ, *палируется*, дѣхтуромъ называется. Такимъ-же образомъ просить у царя особой избы, обрѣза воды, большого стола, вострой сабли. Заперевъ онъ въ особую избы, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни кричала, какъ ни визжала, попъ, не глядя ни на крикъ, ни на визгъ, знай рубить да рубить, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обрѣзъ, мылъ, полоскалъ, склалялъ штука къ штукѣ, также какъ дѣлалъ старичекъ; глядитъ, какъ будутъ склеиваться все штуки. Какъ дунеть—такъ нѣтъ ничего! опять дунеть—хуже того! Вотъ попъ ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять приложилъ штука къ штукѣ; дунеть—все нѣтъ ничего! «Ахти *мльциньки!* думаетъ попъ, бѣда!» Поутру приходитъ царь и видитъ: никакихъ нѣтъ успѣховъ у дѣхтура; все тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь велѣлъ дѣхтура въ петлю. Взмолился нашъ попъ: «царь, вольной человекъ! оставь меня на мало время; я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчитъ царевну». Побѣгъ попъ старичка искать; нашелъ старичка, и говоритъ: «старичекъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ: хотѣлъ я одинъ вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотятъ меня вѣшать. Помоги мнѣ!» Пошелъ старичекъ съ попомъ. Повели попа въ петлю. Старичекъ говоритъ попу: «попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Взвели его на другую ступеньку. Старичекъ говоритъ попу: «попъ, а кто съѣлъ мои просвирки?»—Право не я, ей Богу не я! Взвели на третью, опять: не я! Сейчасъ голову въ петлю, и все: не

я! Ну, нечего дѣлать! Старичекъ говоритъ царю: «царь, вольной чело­вѣкъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля, и попу петля!» Вотъ старичекъ склалъ куски тѣла царевнина штука къ шту­кѣ, дунулъ—и царевна встала жива и здрава. Царь награ­дилъ ихъ обоихъ серебромъ и златомъ. «Пойдѣмъ же, поппъ, деньги дѣлать», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всеъ деньги на три кучки. Попъ глядитъ: «какъ-же! насъ двое, кому-же третья-то часть?»—А это тому, сказалъ старичекъ, кто съѣлъ у меня просвирки. «Я съѣлъ, старичекъ! вскрычалъ поппъ; право я, ей Богу я!»—Ну на тебѣ и деньги, да возьми и мон. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей клю­чами Николу по плешу,—сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ ¹⁾. —(Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи, г. Н. Борисовымъ.)

6. ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Жиу адзинъ багаты чалавѣкъ, други бѣдны; багаты—бан­кетъ ²⁾, а бѣдны ницъ (ничего) не мѣу. Прыходзицъ да багатаго дзѣдъ и просицца на́ начъ, дый каже: «гаспадарокъ (хозяинъ), мой галубокъ! ци пусьцпу бы ты мене на́ начъ?» Юнъ ницъ не дау ямѹ, да й гордо отказау: «у мене, каже, никали не на­чавали ни убогіе, ни бѣдные, ни падарожные; дакъ и ты не будзешъ начаваць. Пдзи у тую хату, што небамъ покрыта; тамъ заусіоды начуюць бѣдные, убогіе и падарожные, то и ты тамъ будзешъ начаваць. Цебе тамъ пусьцяць!» Старикъ

¹⁾ *Вариантъ*: «Ну впередъ-же не бей ключами Николу-угодника; вотъ какъ прошибъ ты мнѣ голову!»

²⁾ Пяръ (т. е. задаетъ).

каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! покажи, гдѣ тая хата, што небамъ накрыта?» Гаспадаръ вышоу показываць: «да вонъ дзѣ тая хата небамъ накрыта, гдѣ начуюць бѣдныя, убогія и падарожныя; тамъ и тебе пусьцяць.» Дакъ дзѣдъ паглядзну (погладилъ) гаспадара па галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго нá начъ и каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене нá начъ». — Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогія, бѣдныя и падарожныя. «Кали, гаспадарокъ, я з' каніомъ.» Дакъ іонъ каже: «дзѣдку! у мене поставиць нима гдѣ, и сѣна нима, чаго даць ямѹ ѣць». Дзѣдъ каже: «я-бѣ на дварѣ паставцу, кастрыцы ¹⁾ падкннуу, дакъ и будзе ѣць!» Дакъ бѣдны павіоу каня и паставцу на дварѣ, а дзѣдъ пашоу самъ у хату. На-заутра, якъ дзѣдъ адхадзну, каже: «дарую я табѣ гэтаго каня на твае сирацтво» ²⁾. Гаспадаръ зачау ямѹ дзякаваць ³⁾, и каже да жонки: «жонко! возьміомъ и вывазимъ хату». И вывазили хату ⁴⁾.

Апяць прышоу дзѣдъ нá начъ, дакъ той гаспадаръ не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узлу изноу паглядзну таго каня па галавѣ, и стау іонъ чоловѣкомъ; а бѣдны безъ каня зноу зробиуся бѣднымъ. (Записана въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи, старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитриевымъ.)

¹⁾ Труха, остающаея послѣ льна и конопли. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 91.)

²⁾ На бѣдность, спротество.

³⁾ Благодарить (Этнограф. сборн., вып. 2-й, стр. 116).

⁴⁾ Т. е. навезила дѣсу на новую избу. — Объясняя эту легенду, г. Дмитриевъ говоритъ: «На другой годъ странникъ (дѣдъ, въ видѣ котораго являлся самъ Господь) во второй разъ приходить къ бѣдняку, гладить подареннаго имъ коня, и онъ снова обращается въ богача, который послѣ этого превращенія заказываетъ навсегда и себѣ и дѣтямъ своимъ гордиться, и велить всегда помогать бѣднымъ.»

7. ПИВО И ХЛѢБЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жиль-быль богатой крестьяшинъ; много у него было и денегъ, и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ въ займы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверикъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ, и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдной, что скуднѣй его во всемъ окологдѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, наканунѣ праздника, въ своей избѣнкѣ съ женою и думаетъ: «что дѣлать? люди добрые стануть гулять, веселиться; а у насъ въ домѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣритъ; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумалъ-подумалъ, приподнялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелѣхонько. «Господи! говорить, прости меня грѣшнаго; и масла-та купить нѣ на что, чтобъ лампадку передъ иконою затеплить къ празднику!» Вотъ немного погода приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «здравствуй, хозяинъ!» — Здорово, старичекъ! «Нельзя-ль у тебя переночевать?» — Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ. «Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — тѣмъ сытъ и буду.» Съѣлъ старикъ на лавку и говорить: «что, хозяинъ, такъ приунылъ? о чемъ запечалился?» — Эхъ,

старина! отвѣчаетъ хозяинъ; какъ не тужить мнѣ? вотъ даль Богъ — дождались мы праздника, люди добрые стануть радоваться да веселиться, а у насъ съ женою хоть шаромъ покати. — кругомъ пусто! «Ну, что-жь! говоритъ старикъ, пойдн къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо.» — Нѣтъ, не пойду; все равно не дастъ! «Ступай! пристааетъ старикъ, иди смѣло и проси у него четверикъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ.» — Э, старичекъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра. «Ужь я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверикъ солоду; онъ тебѣ съ-разу дастъ! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ. какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходитъ къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отчеству, и проситъ въ заёмъ четверикъ солоду: хочу де къ празднику пива сварить. «Что-жь ты прежде-та думалъ! говоритъ ему богатой. Когда теперича варить? вить до праздника всего на всего одна ночь осталась.» — Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной; коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ. Богатой набралъ ему четверикъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и понёсъ домой. Воротился и рассказалъ, какъ и что было. «Ну, хозяинъ! молвилъ старикъ, будетъ и у тебя праздникъ. А что есть ли на твоёмъ дворѣ колодезь?» — Есть, говоритъ мужикъ. «Ну, вотъ мы въ твоёмъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною.» Вышли они на дворъ, и прямо къ колодезю. «Высыпай-ка сюда!» говоритъ старикъ. — Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ; только одинъ четверикъ и есть, да и тотъ задаромъ должёнъ пропасть! Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду сму-

тимъ. «Слушай меня, все хорошо будетъ!» Что дѣлать, вывалилъ хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ, была вода въ колодезѣ, сдѣлайся за почъ пивомъ!... Теперь, хозяинъ, пойдѣмъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣетъ такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь.» Вотъ дождался утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говорить: «ну, хозяинъ! теперяча доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнѣхоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похмѣльное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «Начто тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. — Оченно, говорить, нужно; нѣ во что пива сливать. Вздивовался сосѣди: что такое значить! не съ ума ли онъ спятилъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопочеть! — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнѣхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «эй, православные! пожалуйте ко мнѣ пить пиво похмѣльное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да(й)-ка зайдемъ, посмотримъ, на какѹ это хитрость онъ поднялся? Вотъ повалили мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; оченно показалось имъ это пиво: «отродясь де такого не пивали!» И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣеть, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и зачалъ просить бѣднаго: «научи де меня, какой хитростью сотворилъ ты эдакое пиво?» — Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной; дѣло самое про-

стое, — какъ принёсъ я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, сдѣлайся за ночь пивомъ! «Ну, хорошо же! думаетъ богатой, только ворочусь домой, такъ и сдѣлаю.» Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что ни есть лучшей солоды и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и вѣрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой, пиво-то у меня будетъ лучше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышла богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотритъ: какъ была вода — такъ и есть вода! только мутнѣе стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ задаромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сущая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику, и спрашиваетъ: «послушай, хозяинъ! сѣялъ ли ты хлѣбъ-ать нынѣшнимъ годомъ?» — Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не сѣялъ! «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдимъ на поле да и поѣдемъ.» — Какъ теперича сѣять? отвѣчаетъ бѣдной; вѣдь на дворѣ зима трескучая! «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воротился и говоритъ старику: «все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на поле, розыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному, ступай домой и дожидай лѣта: будешь и ты

съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него все крестьяне, что онъ середь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются съ него — да и только: «эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну хорошо; дождался весны, сдѣлалась теплынь, снѣга растаяли и пошли зеленые всходы. «Да(й)-ка, вздумалъ бѣдной, пойду—посмотрю, что на моей землѣ дѣлается.» Приходить на свою полосу, смотреть, а тамъ такіе всходы, что душа ни радуется! на чужихъ десятинахъ и вполонину не такъ хороши. «Слава тебѣ, Господи! говоритъ мужикъ, теперича и я поправлюсь.» Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочеть съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ созывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются все мужики бѣдному: земли онъ не пахалъ, сѣялъ середь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажилъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдитъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купитъ что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой и думаетъ: «да(й)-ка и я зимой посѣю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ которой сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна красна; пошелъ богатой на поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а возлѣ на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такія зеленя, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи! много издержалъ я на семена—все иѣтъ толку; а вотъ у моихъ должниковъ ни паха-

но, ни съяно — а хлѣбъ самъ собой растетъ! Должно быть я — великой грѣшникъ!» (Изъ собранія В. И. Даля.)

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Одинъ старикъ, умирая, завѣщаль своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ яицъ христосоваться съ нищею братіей, хоть и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищею, и позвалъ его парень на домъ къ себѣ разговѣться. Какъ увидела мать нищаго, больно осерчала: «лучше, говорить, со псомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣлись и пошли отдохнуть. И видитъ сынъ: на старикѣ одѣжка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говорить старецъ, крестами мѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень, коли я захочу — такъ куплю себѣ эдакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣняться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторникъ на Святой. «А дорога, говорить, — вонъ ступай по той дорожкѣ; съжми только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

Вотъ въ самый вторникъ вышелъ парень на тропинку, сказалъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышитъ дѣтскіе голоса: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видитъ: дѣвцы пзъ колодца въ колодець воду переливають. «Христовъ братецъ, говорятъ

онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ онѣ дальше — и видитъ тынъ, а подѣ тѣмъ тыномъ видѣются старики; всѣхъ иломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братаецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онѣ разговлялся. Старецъ у него спрашиваетъ: «не видаль ли чего по дорогѣ?» Парень рассказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Исусъ Христосъ. «За что-жъ, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревѣ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя! «А дѣвочки?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ всё равно — хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подѣ тыномъ. Потомъ повѣлъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужикъ и выйдти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повѣлъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онѣ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онѣ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, довольно потрудился за свою мать — вытащи ее изъ ада.» Сынъ кинулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смолѣ кипучей, Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Сынъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ крикнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и

тутъ воздержать своего сердца; пусть-же сидить въ аду
вѣки вѣчны!» (Доставлена отъ П. В. Кирѣевскаго.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Оедорѣ,
При царицѣ было, при Софеѣ,
Породила она Оедору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходитъ изъ той земли, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царица Мартемьяница.
Полонилъ онъ у Оедора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-царица Мартемьяница
Святому Егорію глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Храбрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголетъ: •
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царица Мартемьяница
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло оналяется,
На святое тѣло на Егорьево:

Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
 Не добре Егорія топоры берутъ,
 У топоровъ лезвѣя посломалися
 Отъ святаго тѣла Егорьева.
 Злодѣй-царица Мартемьяница
 Святому Егорію глаголуеть:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егоріи глаголуеть:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьяница
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во смолѣ варить.
 Не добре Егорія смола беретъ,
 И поверхъ смолы Егорій плаваеть,
 Самъ стихи поеть херувимскіе,
 Онъ гласы гласить все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьяница
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
 Не добре Егорія пилы берутъ,
 У пилъ зубья поломалися

Отъ святаго тѣла отъ Егорьева.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
 Становить на плиты на чугуныя, на каленыя.
 Не добре Егорія сапоги берутъ,
 Въ сапогахъ стоитъ —
 Самъ стихи поетъ херувимскіе,
 А гласы гласитъ все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 Святому Егорію глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію погреба копать,
 Погреба копать ему глубокіе —
 Длины погребъ сорокъ сажень,
 Ширины погребъ тридцать сажень,
 Глубины погребъ двадцать сажень;
 Садилъ Егорія во глубокой погребъ,

А самъ собака приговариваетъ:
 «Не бывать Егорію па святой Руси,
 Не видать Егорію солнца краснаго,
 Не слыхать Егорію будетъ звону колокольнаго,
 Не слыхать Егорію будетъ четья, пѣтья ¹⁾ цер-
 ковнаго!»

Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
 Задвигалъ онъ досками чугунными,
 Засыпалъ онъ песками рудожолтыми.
 Какъ по Божиему повелѣнію, по Егорьеву умоленію
 Подымалися вѣтры буйныя со святой Руси,
 Со святой Руси — погода и со вихоремъ;
 Разносили пески рудожолтые,
 Раздвигали доски чугуння,
 Разметали щиты всѣ дубовые.
 Выходитъ Егорій на святую Русь,
 Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
 Ерусалимъ-градъ — онъ пусть стоитъ;
 Одиѣ церкви!... и стоитъ одна
 Церковь Божія соборная, богомольная:
 Во той во церкви его матушка,
 Святая Софѣя премудрая,
 На святыя иконы Богу молится;
 Молитва ея къ Богу доносится.
 Увидѣла она Егорія Харабраго,
 Называла милымъ чадомъ,
 А сама говоритъ таково слово:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты бери себѣ коня сиваго
 Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ,

¹⁾ Чтенія и пѣнья.

Поѣзжай ты во чисто поле.»
 Святой Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 Еще Егоріи наѣзжаючи
 На тѣ лѣса на дремучіе, —
 Древо съ древомъ совивалося,
 Къ сырой земли(ѣ) приклонялося.
 Не добре Егорію лѣзя проѣхати,
 Святой Егоріи глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, лѣса темные,
 Лѣса темные и дремучіе!
 Разойдитесь лѣса по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись лѣса по всей земли.
 И еще Егоріи поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егоріи наѣзжаючи
 На тѣ горы на высокія, на толкучія, —
 Гора съ горою сойдется, не разойдется.
 Не добре Егорію лѣзя проѣхати,
 Святой Егоріи глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, горы толкучія!
 Разойдитесь горы по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 Ужь вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись горы по всей земли.
 И еще Егоріи поѣзжаючи,

Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егоріи наѣзжаючи
 На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
 Не добре Егорію лѣзя проѣхати,
 Святой Егоріи глаголетъ:
 «Охъ вы гой еси, звѣри свирѣпые!
 Разойдитесь звѣри по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись звѣри по всей земли.
 И еще Егоріи поѣзжаючи,
 Святую вѣру утвержаючи,
 И еще Егоріи наѣзжаючи
 На то стадо на змѣиное,
 На змѣиное, на звѣриное, —
 Пасуть то стадо три пастыря,
 Три млыя сѣстры.
 Не добре Егорію лѣзя проѣхати;
 Святой Егоріи Харабрыи свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?),
 Беретъ онъ свое (с)кипетро вострое ¹⁾,
 И побилъ онъ все стадо змѣиное,
 Все змѣиное, все звѣриное;
 А самъ говоритъ таково слово:
 «Охъ вы гой еси, три пастыря,
 Три млыя сѣстры!
 Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ

¹⁾ За этимъ стихомъ въ подлинномъ спискѣ слѣдуютъ еще два:

Строгаль онъ во стружачи, во мелкіе,
 Обратилса стружачи — калены стрѣлы.

И купайтеса во Иорданъ-рѣкъ;
 Набрался всѣ вы духа нечистаго,
 Духа нечистаго, босурманскаго.»
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія, —
 На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,
 Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
 Не добре Егорию лъзя проѣхати,
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-птица!
 Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А ты вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.
 Полети-жъ ты, птица, на сини моря,
 Пей и ѣшь повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное.
 И дѣтей води на синѣмъ морѣ.»
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На того злодѣя-царица Мартемьянища;
 Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
 Закричалъ онъ собака по звѣриному,
 Засвисталъ онъ собака по змѣиному.
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
 Беретъ онъ свою палицу желѣзную,
 Поразилъ онъ тута царица Мартемьянища.
 Потопила Егорія кровь жидовская,

Кровь жидовская, босурманская;
 По колѣна во кровѣ(и) стоить —
 Святый Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
 Приими въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.»
 Разступилася матушка сыра земля
 На двѣ стороны, на четыре четверти,
 Пожрала въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.
 Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ,
 Отъ грѣховъ своихъ очистился.
 Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣ-
 ковъ. Аминь.

(Изъ собранія В. П. Даля; записана въ Сорокинской при-
 стани, екатеринбургскаго уѣзда, пермской губерніи.)

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Давно было; жилъ-былъ мужикъ, Николинъ день всегда
 почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и работатъ станеть;
 Николѣ-угодику и молебень отелужить, и свѣчку поста-
 вить, а про Илью-пророка и думать забьлъ.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой по-
 лемъ этого самаго мужика; идутъ они да смотрятъ — на
 нивѣ зеленъ стоятъ такія славныя, что душа ни нарадуется.
 «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай! говоритъ Никола. Да и
 мужикъ-то, право, хорошій, доброй, набожной; Бога помнить
 и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется...» — А вотъ
 посмотримъ, отвѣчалъ Илья; еще много ли достанется! Какъ

спалю я молніей, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твой правду знать, да Ильинъ день почитать. — Поспорили-поспорили и разошлись въ разныя стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «продай, говоритъ, поскорѣ ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, всё градомъ повыбьетъ». Бросился мужикъ къ попу: «не купишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ; такая нужда въ деньгахъ прилучилась, что вынь да положь! Купи, отецъ! за дешёво отдамъ». Торговаться-торговаться. и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ ножемъ сръзала — не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николюю; и говоритъ Илья: «посмотри, каково разорилъ я мужиково поле!» — Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты хорошо, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково. «Какъ попа?» — Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всё сполна получилъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ! «Постой-же, сказалъ Илья-пророкъ; я опять поправлю ниву, будетъ она вдвое лучше прежняго.» Поговорили и пошли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «ступай, говоритъ, къ попу, выкупай поле — въ убыткѣ не будешь». Пошелъ мужикъ къ попу, кланяется и говоритъ: «вижу, батюшка, наслалъ Господь Богъ несчастіе на тебя—все поле градомъ выбито, хоть шаръ покати! Такъ ужъ и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ.» Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межь тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошли новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ нивою и поятъ землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой: сорной травы совѣмъ не видать; а колосья налился полной-полной, такъ и гнѣтся къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь — словно золотая стоитъ въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклакъ копенъ; ужъ собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья-пророкъ съ Николою. Весело оглянѣвъ онъ все поле и говорить: «посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградишь я поща, по вѣкъ свой не забудеть...» — Попа?! Нѣтъ, братъ! благодать-то велика, да вѣдь поле это — мужиково; пощъ тутъ ни при чемъ останется. «Что ты!» — Правое слово! Какъ выбило градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну. «Постой-же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклакъ мужикъ сноповъ, больше четверика за-разъ не вымолотить.» — Плохо дѣло! думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: «смотри, говорить, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа за-разъ не клади на токъ».

Сталь мужикъ молотить: чтò ни снопь, то и четверикъ зерна. Всѣ закрома, всѣ клетки набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнѣховки. Вотъ идетъ какъ-то Илья пророкъ съ Николою мимо его двора, посмотрѣвъ туда-сюда и говорить: «ишь какіе анбары вывелъ! что-то насыщать въ нихъ станеть?»—Они ужъ полнѣховки, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. «Да откуда-же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — Эва! у него всякой снопь далъ по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ. «Э, братъ Никола! догадался

Илья-пророкъ; это все ты мужику пересказываешь.» — Ну, вот выдумалъ; стану я пересказывать... «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ же меня мужикъ помнить!» — Чтожъ ты ему сдѣлаешь? «А чтѣ сдѣлаю, того тебѣ не скажу.» — Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ! думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: купи, говоритъ, двѣ свѣчи большую да малую, и сдѣлай то-то и то-то.

Вотъ на другой день идутъ вмѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ на встрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копѣчную. «Куда, мужичекъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ поле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго далъ урожай.» — А копѣчная-то свѣча на что? «Ну, эта Николѣ!» Сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось; смилдовался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ припѣваячи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день, и Николинъ день. — (Записана со словъ крестьянина ярославской губерніи.)

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Му-

жикъ не узналъ его и давай просить: «помоги, родимой, возъ вытащить!» — Поди ты! сказалъ ему Касьянъ-угодникъ, есть мнѣ когда съ вами валѣндаться! Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ-же Никола-угодникъ. «Батюшка, завопилъ опять мужикъ, батюшка! помоги мнѣ возъ вытащить.» Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ — Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ; прилучилось мнѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ; онъ просилъ меня: помоги, говорить. возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья. «Ну, а ты гдѣ такъ выпачкался?» спросилъ Богъ у Николы угодника. — Я былъ на землѣ; шелъ по той-же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ, отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ; не помогъ ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ.» Съ тѣхъ поръ такъ и сдѣлалось: Касьяну въ високосный только годъ служить молебны, а Николѣ два раза въ годъ. (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

12. ЗОЛОТОЕ СТРЕМЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей ¹⁾, и дожилъ онъ до того, что ни ѣсть, ни пить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится;

¹⁾ *Вариантъ*: Жиль-былъ бѣдной мужикъ Нестерка, а дѣтей у него шестерка.

что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумьи. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый ¹⁾. «Здорово! говоритъ цыганъ; куды ѣдешь?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?» — За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промыслять. «Доложи и про меня Господу, говоритъ цыганъ; чѣмъ велить мнѣ питаться?» — Хорошо, доложу! отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ, и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: «чтожъ доложилъ про меня?» — Нѣтъ, говоритъ Егорій. «Чтожъ такъ?» — Забылъ! — Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: «доложи де про меня!» — Хорошо, сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: «скажи де про меня Богу!» — Хорошо, скажу. «Да ты, пожалуй, забудешь?» — Нѣтъ, не забуду. Только цыганъ не вѣритъ: «дай, говоритъ, мнѣ твое золотое стремянѣ (стремя) я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стремянѣ, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стремянѣ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промыслять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошади садиться, глянулъ на стремянѣ и вспомнилъ про цыгана. Воротился къ Богу и говоритъ: «попался мнѣ еще на дорогѣ цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — А цыгану, говоритъ Господь, то и промысль, коли у кого чтѣ возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить! Съѣлъ Егорій на коня и приѣхалъ къ цыгану: «ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! колибъ нѣ взялъ ты стремянѣ, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — То-то и есть! сказалъ

¹⁾ Въ одномъ спискѣ вмѣсто Егорія выведенъ св. Петръ.

цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стремянѣ — сейчасъ меня помянешь. Ну, что Господь-то сказалъ? «А то и сказалъ: коли у кого что возьмешь — утаишь да забожись, твое и будетъ!» — Спасибо, молвилъ цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда-жь ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремянѣ.» — Какое стремянѣ? «Да ты же у меня взялъ?» — Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремянѣ не бралъ, ей Богу, не бралъ! забожился цыганъ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ! «Ну правду сказывалъ цыганъ: коли-бъ не давалъ ему стремянѣ — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ помнить буду!»

Цыганъ взялъ золотое стремянѣ и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а на встрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стремянѣ?» — Продаю. «Что возьмешь?» — Полторы тысячи рублей. «Зачѣмъ такъ дорого?» — Затѣмъ, что оно золотое. «Ну, ладно!» сказалъ баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стремянѣ; а остальные деньги напоследяхъ получишь.» — Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублей, пожалуй, я возьму, а стремянѣ не отдамъ; какъ дошлешь что слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь. Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только пріѣхалъ — сейчасъ-же вынулъ пятьсотъ рублей и послалъ къ цыгану съ своимъ человѣкомъ: «отдай, говоритъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремянѣ». Вотъ приходитъ барской человѣкъ въ избу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — Здорово, доброй человѣкъ! «Я привѣзь тебѣ деньги отъ барина.» — Ну давай, коли привѣзь. Взялъ цыганъ пятьсотъ рублей и давай понтъ его виномъ; наполни до-сыта! Какъ наполни до-сыта, сталъ барской человѣкъ собираться домой и говоритъ цыгану:

«давай же золотое стремянò». — Какое? «Да то, чтò барину продалъ!» — Когда продалъ? у меня никакого стремянà не было. «Ну, подавай назадъ деньги!» — Какія деньги? «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублевъ.» — Никакихъ денегъ я не видалъ, ей Богу, не видалъ! еще самого тебя Христа ради поилъ, не то что брать съ тебя деньги! — Такъ и отперся цыганъ. Только услыхалъ про то баринъ, сейчасъ поспекалъ къ цыгану: «чтожъ ты, воръ эдакой, деньги забралъ а золотого стремянà не отдаешь?» — Да какое стремянò? ну ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у эдакого мужика-сѣряка да было золотое стремянò! — Вотъ баринъ съ нимъ возилъ-возилъ, вничего не беретъ. «Поѣдемъ, говорить судиться.» — Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ; только подумай, какъ мнѣ съ тобой вхатъ-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Нарядъ-ка напередъ меня въ хорошую одѣжу, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

Баринъ нарядилъ его въ свою одѣжу, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говорить: «купилъ я у этого цыгана золотое стремянò; онъ деньги-то забралъ, а стремянà не отдаетъ». А цыганъ говорить: «господа судьи! сами подумайте, откуда вòзьметъ у мужика-сѣряка золотое стремянò? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одѣжа-то его!» — Да таки моя! закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать ¹⁾. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

¹⁾ *Вариантъ*: Только что уѣхалъ Егорій, мужикъ Нестерка продалъ золотое стремянò да купилъ себѣ хлѣба и всякаго харчу, и съ той поры завсегда у кого чтò ни возьметъ — а ужь непримѣнно затантъ и забожить.

13. ПЯТНИЦА.

Када-та адна баба ни пачла ¹⁾ матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертѣть. Прапряла она да абѣда, и вдругъ сонъ на неѣ нашолъ — такой магучай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварилась дверь и входитъ, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шушунѣ ²⁾, да сердитая такая! и шмых(г)ъ прямиа къ бабѣ, ще прямиа-та. Набрала въ гореть кастрики съ пола, какая атлятала-та атъ мочеку ³⁾, и ну насыпать ей глаза, и ну насыпать! насыпала да и была такава: паминай какъ звали! Ничагѣи ня молвила, сярдешная. Та баба какъ праспулась, такъ и взвила благимъ мѣтамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) сидя(тъ) въ ужасѣи и учили вапшть: «ухъ ты, акаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы» — и сказали ей всё, ще было. Та баба слушала-слушала и ну прасить: «матушка Пятница! взмилуйся мнѣ, памилуй меня грѣшную; поставлю те(тебѣ) свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те(тебя), матушка!» И ще-жъ ты думаешь? Ночью, вишь, апать прихадила ана и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и ана апать встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прямиа! — (Записана въ липецкомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи сельскимъ учителемъ Елисеѣмъ Сабуровымъ.)

¹⁾ Не почтила.

²⁾ Женская одежда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 269).

³⁾ Мочка — прядь льна или псокони (*ibidem*, стр. 117).

14. О НОЊ ПРАВЕДНОМЪ.

Заставилъ Господь слипова ды бизрукыва караулить садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слипой ни найдить. Паспѣ-ли яблыки, пашли духи сладкин. «Малый, какъ-жа намъ яблычка пакушить?» — Садись вирхомъ на мине, а я пыдвизу къ яблынки. Слипой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый ўзрилъ Бога, драгнулъ ать яблынки ѳъжать. Слипой ать плечъ (онъ за плечи диржалси — вирхомъ на бизрукымъ) атарвалси, ударилси абъ земь, ды-й абмѣръ. Господь приходитъ: «бизрукый, идѣ слипой?» — Омырыкъ яво ашибѣ. Господь приходитъ къ слипому: «слипой, съ чаво-жъ ты абмѣръ? абманывайшь ты мине, слипой! ни омырыкъ тебе ушпѣ, ты съ плечей убилси съ бизрукыва!» — Абмануль я тебе, Госпыди! прасти мине. Прастиль слипова, ды-й пашоль.

Сыбрались караульщики, на вараѣхъ стаять. Идѣтъ дьявыль: «зрастуйти, ребята! што-жъ вы яблыкъ ни јидитя?» — Какъ-жа намъ ихъ ѣеть? у мине рукъ нѣту, у ниво глазъ. Я ни дастану! — А я ни найду! «Плохи-жъ вы, ребята, кады въ саду яблыкъ ни јидитя.» — Мы ни ухитримси, какъ ихъ ѣеть! «Эка, какъ? бизрукый пади ударьси абъ яблыню, а слипой надбери!» Яблынки были насажины другъ ать друга на сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтрѣсь. Слипой лѣгъ на пуза, прикаталь усю траву — всеё яблыки искаль. Ну, Господь приходитъ: «караульщики, хто-жъ у васъ садъ абтрѣсь?» — Вѣтиръ паднялси, узесь садъ абтрѣсь! «Ать чаво-жа яблыни пазавяли?» — Ать яснава со(л)нца! «Ать чаво-жа нижниі бака папрѣли?» — Ать сильныва дожжа! «А хто-жа у васъ въ саду траву примяль?»

Слипой гаварить: «у мене животь балѣль, всё каталси!» — Врѣшь ты, слипой! всё абманываишь мене! Сабраль Гасподь караульцикавъ, узяль огнинныи прутьи, выбилъ ихъ огнинными прутьими: «выдитя, праклятыи калѣки, вонъ изъ маиво саду, пабирайтси пò міру атныни да вѣку!»

Гасподь сказалъ: «дай-жа я едѣлаю Ноя Правидныва, штобъ у маёмъ у свѣти была правда». Приставилъ сабаку голую караулить Ноя Правидныва: «смотри-жъ ты, сабака, никаво ни пуцай сматрѣть маиво Ноя Правидныва!» Приходитъ дьявыль къ сабаки: «пусти мене, сабака, Ноя Правидныва пысатрѣть!» — Мнѣ Гасподь ни вилѣль никаво пуцать. «Хатя ты ни пуцаишь мене Ноя Правидныва пысатрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныги: придетъ зима, придуть марозы — пи надыть тибѣ избы.» Далъ дьявыль сабаки шубу; сабака пустила дьявыла пысатрѣть Ноя Правидныва. Дьявыль ахаркыль, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной синій, зиленый, дурной... странно на Ноя глидѣть стало! «Штожъ ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? штожъ я тибѣ гаварилъ!» — А штожъ ты мене безъ шубы приставилъ? «Штобъ ты цирковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадила!» Взяль Гасподь, апасли той сабаки, Ноя вывырызаль (sic): аплѣвыныя, ахоркыныя въ сирѣдку... Изъ Ноевыва рѣбра сдѣлалъ Гасподь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усѣ плады ѣшта; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та яблынки.» Евга гаварить: «Ной Правидный! ать чаво-жъ эта такъ Богъ гаварить: усѣ плады ѣшта, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушамъ!» Съѣли па яблычку, па разу укусили... другъ друга зыстыдилились: Евга пыдъ лапухъ, а Ной пыдъ другой, другъ ать друга схаранилиси. Приходитъ Гасподь: «Ной Правидный! игдѣ ты?» — Я вóтынь! «Иди ка мнѣ!»—Я пагъ! Ной гаварить; Госпыди! сатвари намъ адѣжу. Вышли ани къ нимѹ; выбилъ ихъ Гасподь огнинными прутьими, выгналь изъ саду вонъ!

Выслышши изъ саду Ноя Правидныва. умиллеи Гасподь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будить чпрызъ три года натопа; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной Правидный! кавшегъ строй, да жиѣ ни сказывай што строишь!» Пашоль Ной Правидный у роцу строить кавшегъ; строить годъ, стропть два. Дьявыль приходить: «Ной Правидный, што дѣлаишь?» — Развѣ ты слепой? ты видишь, што я дѣлаю! «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — И ни вѣлана тибѣ знать! Дьявыль ударилеи изъ роци къ Нонвый жиѣ, къ Евги: «Евга, успраси ты у мужа, што онъ дѣлаить?» А Ной Правидный жиѣ отказываить: «я такъ на роци хажу, на древя сматрю, самъ себѣ забавляю!» — «Ёнъ ни на роци гуляить, ёнъ што-й-та рубить!» — Я ни знаю. «Сдѣлай-жа ты квасу, наклади хмѣлю!» — Усхвалилъ самъ себѣ Ной: «слава тибѣ, Госныди! састроилъ себѣ судно за палгода натоны». Приходить, сталъ кушать: «Евга, лѣтъ ли чаво пакушамши напитокца?» Напили квасу, лѣгъ атдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да миѣ правды ни скажишь, што-й-та такая ты рабатишь?» — Экая ты! Вотъ асталасъ палгода да перзыва мая; у манѣсицы, у первымъ числѣ, будить натопа! — Агдахнумши, приходить Ной къ кавшегу: увесъ кавшегъ дьявыль разметаль. «Экая!... пригрѣшилъ я дли(я) тибѣ!» Шестъ мѣсцывъ ёнъ живо сыбираль ни пимши, ни ѣмши, и дамой ни хадилъ. Приходить-жа Гасподь: «Ной Правидный, сабирай-жа всякихъ звирѣвъ у кавшегъ на парѣ, и дичи, плодовъ всякихъ». Сабраль-жа ёнъ звирѣвъ всякихъ, и ужовъ, и плодовъ всякихъ. «Будить, гаварить Гасподь, натопа: затопить и лѣса, и луга, и балота, и дзѣм! Будить натопа на двинатцать сутыкъ.» Ной забралъ всё.

Дьявыль гаварить: «Евга, какъ-жа миѣ съ табою у кавшегъ залѣсть?» — Я ни знаю! «Разуй лѣваю ногу, да глянъ скрозь ноги на мине; а патыль (до тѣхъ поръ) ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль

страшная патопань ни настанить, пакыль вада ни разальётси увиздѣ; ёнѣ на тебе закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная, а то утопишишь! Какъ ёнѣ тебе акаянной назавѣтъ — я я съ табоу улѣзу. А датыль не лазій.» Евра глянула скрозь ноги, Ной закричалъ: «лѣзь-жа ты ка мнѣ! лѣзь-жа скарѣя, акаянная!» Какъ сказала Ной, дьявыль какъ сигнетъ (прыгнетъ) у кавшегъ п пачыль; скипулеи (обратился) мышью — кавшегъ пратачилъ. Ужъ узялъ эту дыру галавой и заткнулъ, игдѣ мышъ пратачила. Плавыли ани аднатцать сутыкъ на вазморью, на этой пы патопи. Паслалъ Ной Правидный ворана: «пачити-жа ты, черной воранъ, узнай есть вадѣ паниженія, али нѣтъ?» Воранъ литалъ, литалъ, нашолъ падла и сталъ кливать на острани. «Идѣ-жъ ты былъ, воранъ?» — Я, гаварить, аташолъ да падла кливалъ! «Какъ-жа ты ни паслушилъ? мы тебе пасылали пыематрѣтъ вады; вѣдъ всякая душа да хвалить Госпыда! будь-жа ты, воранъ, какъ пень гарѣльи; будь-жа у тебе дѣти гадавыи: какъ дитей даждешьси — самъ акалѣи!» Вѣдъ какъ воранъ даждетца дитей, выводитъ, выкормить, — самъ акалѣить; вѣдъ ани всѣ калѣють! «Лити-жъ ты, голубѣ; пыематри-жъ ты патопы: спадантъ ли, прибавляють ли?» Литалъ, литалъ голубѣ; патопань сбавила на три аршина, и нашолъ ёнѣ такая мѣста, сухая, игдѣ можна кавшегу вылѣсти на край. Приплыли х(к)ъ пристыни.

Приходить Господь: «што вы живы ли усѣ?» — Слава ти, Госпыди! усѣ живы! «Выходитя-жъ вонъ!» Усѣ вышли; напаслѣдакъ дьявыль сигъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мине утачить; вѣдъ я вѣтанъ! я тебе большой врагъ!» — Каля-жъ ты мнѣ большой врагъ, вазьми-жъ ты мине за руку. Вазьмѣтъ дьявыль Госпыда пачирѣхъ руки, да ни пачмантъ — руку апусить. «Дай-жа я тебе вазьму за руку!» Какъ вазьмѣтъ Господь дьявыла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хотъ меньшей братъ!» — все, вишь, у брата лѣзить. «Лѣзь-жа ты,

меньшой братъ, у моря, дастань зимли горсть: давай зимлю засивать.» Ани прибились х(к)ъ кургану, а кругомъ все моря стояла. Полѣзь дьявыль въ моря, схватилъ зимли горсть, да ни вытащилъ — всё размыла! Разъ слѣзь, другой, третій слѣзь... у четвёртай полѣзь. «Братъ, гаварить Гасподь, скажи: Госпыди Иисусъ Христосъ!» Сказалъ дьявыль: Госпыди Иисусъ Христосъ! нырнулъ въ моря и вытащилъ зимли у горсти съ макавыхъ два зирна. «Лѣзь-жа ищо, этой зимли мала!» — Пастой-жа, гаварить самъ sibѣ дьявыль, я запхаю sibѣ за щикъ зимли: што Гасподь будить дѣлать, я sibѣ тожа сдѣлаю. Взялъ Гасподь перехрястился, кинулъ зимлю на три стороны: сдѣлались па взморью дуга, лѣса, роши... ровна! «Госпыди, а штожь за маи труды, какая будить угроженія?» — Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можетъ, тебе будутъ хвалити, мне поминати; я и тѣмъ буду даволинъ.

«Ну, Ной, живи на зимли, радися, пладися!» — Госпыди, скоро-жь ать мне ать аднаво бѣлый свѣтъ нарадитца? Гасподь гаварить: «ты мужпка сваяй изъ глины, а гасподь изъ пшенишныва изъ тѣста». Барзой кабель стаялъ сзади, схватилъ пшенишный комъ да бижать: ать Варонижа да нашива силà всё аднадворцевъ и.
 «Госпыди, я насиллѣ народу ать Варонижа ды Куракина на двѣсти на восемьдесятъ вѣрсть. Госпыди, у чомъ-жа намъ жить будить? народу я распладилъ многа!» Гасподь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: «живитя, вотъ вамъ избы!» — Госпыди, на чомъ-жа намъ работать? Далъ Гасподь лошадь. «Да чѣмъ-жа jiѣ абратать?» Гасподь свизалъ обрыть ¹⁾, свизалъ хамуть. Вотъ спирва сыбралось члавѣкъ сорыкъ народу абгарнуть (окружить — см. Опытъ обл. словаря, стр. 131) лошадь

¹⁾ Мочальная или веревочная узда (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 135).

ды загнуть въ хамуть, а тамъ обрыть вздернуть; стали впририди, растапырили хамуть да обрыть! Господь паймаль лошадь, запрёгъ: «вотъ вамъ, гаварить, изба, лошадь, упряжь; живитя да мнѣ хвалитя! Вотъ мы таперича живёмъ да и хвалимъ живд: «слава тибѣ, Госпыди! што усё приказалъ». — (Доставлена П. В. Кярѣвскимъ.)

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРОЙ.

Исусъ Христось, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ оттуда вывелъ, окромѣ одного Соломона Премудраго. «Ты, сказалъ ему Христось, самъ вы(й)ди своимп мудростями!» И остался Соломонъ одинъ въ адѣ; какъ ему выдти изъ аду? Думалъ-думалъ да и сталъ вить завёртку. Подходить къ нему маленькой чертенокъ, да и спрашиваетъ, на что вьетъ онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Соломонъ, будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!» Свилъ Соломонъ завёртку, да и сталъ размѣрять ею въ адѣ. Чертенокъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ адъ размѣрять? «Вотъ тутъ монастырь поставлю, говорить Соломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную.» Чертенокъ испугался, бѣгомъ побѣжалъ и разсказалъ все дѣду своему сатанѣ, а сатана взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Премудраго. (Записана въ орловскомъ уѣздѣ П. И. Якушкинымъ.)

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

а. Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а отставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать: «что такое значить? прослужилъ я Богу и великому государю

двадцать пять лѣтъ, въ штрафахъ не бывалъ, а въ отставку не пускають; дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій, и повстрѣчался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «куда идешь, служба?» — Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ — вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ! «Ну, коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное.» Приходитъ солдатъ въ рай, видитъ благодать неизрѣченную, и думаетъ себѣ: вотъ когда поживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продастъ ли кто табаку?» — Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное! Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продають ли гдѣ близко вина?» — Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное! «Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!» сказалъ солдатъ и ушелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять на встрѣчу Господу. «Въ какой, говорить, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь; тамъ все есть! Солдатъ повернулся налѣво, и пустился въ дорогу. Бѣжить нечистая сила: «что угодно, господинъ служба?» — Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай. Вотъ привели солдата въ пекло ¹⁾. «А что табакъ есть?» спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — Есть, служивой! «А вино есть?» — И вино есть! «подавай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табакомъ и полуштофъ чер-

¹⁾ *Вариантъ:* въ адъ.

цовки. Солдаты ѡеть-гуляютъ, трубку покуриваетъ, и радѡхонекъ сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолго нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижимать, тошно ему пришлось! Что дѣлать? пустился на выдумки, сдѣлалъ сажень, настрогалъ колышковъ и давай мѣрить: отмѣрить сажень и вобѣтъ колышокъ¹⁾). Подекочилъ къ нему чортъ: «что ты, служба, дѣлаешь?» — Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь что-ли? хочу монастырь построить²⁾). Какъ бросится чортъ къ своему дѣдушкѣ: «погляди-тка, дѣдушка, солдатъ хочетъ у насъ монастырь строить!» Дѣдъ векочилъ и самъ побѣжалъ къ солдату: «что, говоритъ, ты дѣлаешь?» — Развѣ не видишь? хочу монастырь строить. Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ Богу: «Господи! какого солдата приелалъ ты въ некло: хочетъ монастырь у насъ построить!» — А мнѣ что за дѣло! зачѣмъ такихъ къ себѣ при(ни)маете? «Господи! возьми его оттѣдова.» — А какъ его взять-то! самъ пожелалъ. «Ахти! завопилъ дѣдъ, что-же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — Ступай, сдери съ чертенка кожу и натянн барабанъ, да послѣ выйди изъ пекла и бей тревогу: онъ самъ уйдетъ! Воротился дѣдъ, поймалъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертямъ, какъ выскочить солдатъ изъ пекла, сейчасъ зашпайте ворота крѣпко-накрѣпко, а то какъ-бы опять сюда ни ворвался!» Вышелъ дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услыхалъ барабанный бой — пустился бѣжать изъ аду сломя голову, словно бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота. Только выскочилъ — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-накрѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не ведать и тревоги не слышать: пошелъ назадъ и давай стучаться въ не-

¹⁾ *Вар.* Взялъ шкуръ, вынулъ изъ ранца кусокъ мѣлу, намѣлил шкуръ и сталъ размѣрять некло.

²⁾ *Вар.* Хочу соборъ построить: придетъ табель, куда и въ парадъ идти!

ло: «отворяйте скорѣе! кричить во все горло, ни то ворота сломаю!» — Нѣтъ, братъ, не сломаешь! говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ насилу тебя выжили!

Повѣсилъ солдатъ голову и побрѣлъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ, и повстрѣчалъ Господа. «Куда идешь, служба?» — И самъ не знаю! «Ну, куда, я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ не ужился!» — Господи, поставь меня у своихъ дверей на часахъ. «Ну, становись.» Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой ¹⁾. Смерть отвѣчаетъ: «иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — погоди, я пойду спрошу. Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила самой старой людъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморить; вѣдь они старики». Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы» ²⁾. Заплакала Смерть: «за что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрела по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изшло время — воротилась оиать къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притащилась?» спрашиваетъ солдатъ. — За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Оиать пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ ³⁾. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, по-

¹⁾ *Вариантъ*: Поставилъ Богъ солдата у райскихъ дверей: «смотри, приказываетъ, никого не пропускай!» — Слушаю; стараго солдата нечего учить. Вотъ стоитъ онъ на часахъ, никого не пропускаетъ. Идетъ Смерть. «Кто идетъ?» окликаетъ солдатъ. — Смерть. «Куда?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?»...

²⁾ *Вар.* Грызи старой лѣсъ, которой сто лѣтъ на корню простоялъ.

³⁾ *Вар.* среднихъ людей.

жалуй, она братьевъ моихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точи молодые дубы ¹⁾); такъ Господь приказалъ!» — За что это Господь на меня прогнѣвался! Заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила всё молодые дубы, а какъ изшло время — идетъ къ Богу, едва ноги тащить. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. — Къ Господу за повелѣниемъ, кого морить прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила. Солдатъ думаетъ себѣ: «у моихъ братьевъ есть ребятки; эдакъ, пожалуй, она ихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи самые малые дубки». — За что Господь меня мучаетъ! заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодала самые чѣмъ ни есть малые дубки; а какъ изшло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги передвигаетъ ²⁾. «Ну теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?» Солдатъ увидалъ Смерть и окликаетъ: «куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаетъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услышалъ и вышелъ: «что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я цѣлыхъ девять лѣтъ: всё по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодала самые малые дубки... еле ноги таскаю!» — Это всё ты! сказалъ Господь солдату. «Виновать, Господи!» — Ну, ступай-же за это, носи девять лѣтъ Смерть на закортышкахъ! (на плечахъ. — см. Слов. Росс. Акад.)

¹⁾ *Var.* грызи средній лѣсъ.

²⁾ *Var.* Идетъ чуть живая: только вѣтеръ подуетъ — такъ отъ вѣтру и валится!

Засѣла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ — дѣлать нечего — повѣзъ ее на себѣ, вѣзь-вѣзь и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: «служивой, дай и мнѣ понюхать табачку». — Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько душѣ угодно. «Ну, открой-ка свой рожокъ!» Солдатъ открылъ, и только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту-жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенище ¹⁾). Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидаль его Господь и спрашиваетъ: «а Смерть гдѣ?» — Со мною. «Гдѣ съ тобою?» — Вотъ здѣсь за голенищемъ. «А ну, покажи!» — Нѣтъ. Господи, не покажу, пока девять лѣтъ ни выйдетъ; шутка ли её носить на закортышкахъ! вѣдь она не легка! «Покажь, я тебя прощаю!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ его — Смерть тотчасъ и сѣла ему на плеча. «Слѣзай. коли не сумѣла ѣздить!» сказалъ Господь. Смерть слѣзла. «Умори-же теперь солдата!» приказалъ ей Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говоритъ Смерть, слышалъ — тебя Господь велѣлъ уморить!» — Чгожь? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться. «Ну, исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къверху. «Не такъ!» говоритъ Смерть. — А какъ-же? спрашиваетъ солдатъ — и улегся на бокъ. «Да всё не такъ!» — На тебя и умереть-то не угодишь! — и улегся на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ, какъ умирають?» — То-то и есть, что не видалъ! «Пу-

¹⁾ *Вар.* Велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Пошелъ солдатъ съ нею въ лѣсъ, и заспорилъ: «ты де не влѣзешь въ пустой орѣхъ!» Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дырочку (въ орѣхѣ) колышкомъ, спряталъ орѣхъ въ карманъ, и пошелъ на старое мѣсто.

сти, я тебѣ покажу.» Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ-же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидалъ его и спрашиваетъ: «гдѣ-же Смерть?» — Я пустилъ ее въ рѣку. Господь глянулъ — а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. «Чтожъ ты солдата не уморила?» — Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не сдѣлаешь. «Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойдн и умори его!» Смерть пошла и уморила солдата.

—

в. Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажилъ онъ долго на свѣтѣ, по-просту сказать — чужой вѣкъ сталъ заѣдать. Сверстники его по-немногу отираются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведетъ, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать-не солгать: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и проситъ у него позволенія взять солдата: долго де зажилъ на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позволилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — Я. «Кто ты?» — Смерть. «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу.» Смерть сказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А! если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь

надо-же умирать.» — Не растабарывай! знаю я вашего брата, не надуешь. Ложись-ка прежде сама. «Какъ сама?» — Да такъ. Я безъ артикула ничего не привыкъ дѣлать; чѣд начальство покажетъ: фрунтъ — что ли тамъ, аль другое что, — то и дѣлаешь. Ужь такъ привыкъ, сударка моя! не переучиваться же мнѣ: старенекъ сталь! Смерть поморщилась и полѣзла въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ, — солдатъ возьми да и нахлопни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго, долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ дверь. Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: «что нужно?» — Да я за тобой, дружище! теперь не вывернешься. «А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу.» — Пойдемъ. «Подожди, мундиръ натяну.» Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: «ну куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира... идти? Я пойду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. — Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде еще лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься. И солдатъ отправился на зимнія квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ малà работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много, много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечѣмъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ.

Пришелъ и видитъ, что народу многое множество. Онъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевѣсь, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрѣлъ искать въ аду уголка, гдѣ-бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдата; не пускаетъ никого мимо своего добра: «не ходить! вишь, казенныя вещи лежать; а ты, можеть, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говоритъ: «я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хоть бы выжить его изъ ада, такъ не идетъ: «миѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свиначую кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забили тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ. (Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.)

—

с. Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родню. Шелъ-шелъ и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? и голоденъ, и холоденъ; только и есть чтò три сухаря». А на встрѣчу ему убогой нищій и проситъ милостинку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погода попадается ему другой нищій, кланяется и проситъ мило-

стинку. Солдаты подали и этому сухарь, и остался у него один. Опять пошел дальше своей дорогою, и повстрѣчалъ третьяго нищаго: кланяется ему старецъ и проситъ милостинку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: «цѣлой дать — самому не останется; половину дать — пожалуй, сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидитъ у нихъ по цѣлому сухарю и обидится; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь коѣ-какъ!» Отдалъ послѣдній сухарь, и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «скажи, доброй человѣкъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я тебѣ помогу». — Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ; съ тебя, старичекъ, взять нечего: ты самъ человѣкъ убогой. «Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь, — а я ужъ награжу тебя за твою добродѣтель.» — Мнѣ ничего не надо; а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старецъ вынулъ изъ-за пазухи карты и даетъ солдату: «возьми, говорить; съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты — всякаго обыграешь; да вотъ иа тебѣ и торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: полѣзай сюда, звѣрь или птица! и все сдѣлается по твоему» ¹⁾). — Спасибо, сказали солдаты, взявъ карты и торбу, и поплѣлся въ путь-дорогу.

¹⁾ *Вариантъ 1.* Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ и выслужилъ три денежки. Идетъ на родину, а на встрѣчу ему самъ Господь съ двѣнадцатю апостолами. Подходить Христосъ въ нищенскомъ образѣ и проситъ милостинну. «Чтожь тебѣ подать, старичекъ, говорить солдатъ; хлѣба у меня нѣтъ ни куска, вотъ тебѣ денюжка — прими Христа ради!» Пошелъ солдатъ своей дорогою, а Господь зашелъ впередъ, повстрѣчалъ его и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» Апостолы говорятъ: «проси, солдатъ, царства небеснаго!» А онъ въ отвѣтъ: «я двадцать пять лѣтъ служилъ своимъ умомъ, и теперь не хочу слушать чужаго разуму! Дай мнѣ, говорить, кисеть табаку». Далъ ему Господь кисеть табаку. На другой день идетъ Христосъ и по прежнему проситъ у солдата милостинну; отдалъ ему

Шель близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плавають три дикихъ гуся. Вотъ солдатъ и вздумалъ: «дай-ка я торбу свою попробую!» Вынулъ её, распахнулъ и говорить: «эй, вы дикіе гуси! полетайте въ мою торбу.» И только выговорилъ эти слова — какъ снялись гуси съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плечà и пустился въ дорогу. Шель-шель, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говорить хозяинцу: «возьми этого гуся и зажарь мнѣ къ ужину, а другаго гуся отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго промѣняй мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да

солдатъ и другую денежку. Пошелъ солдатъ своею дорогою, а Господь зашелъ впередъ, на встрѣчу ему, и опять спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Не хочу жить чужимъ умомъ, отвѣчалъ солдатъ; дай мнѣ кошель съ деньгами.» Далъ ему Господь кошель съ деньгами. На третій день идетъ Христось и опять проситъ у солдата милостину; отдалъ ему солдатъ и послѣднюю заслуженную денежку. И въ третій разъ зашелъ Господь ему на встрѣчу и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Проси царства небеснаго! говорятъ апостолы. «Что вы учите! сердито закричалъ солдатъ; сказали вамъ, что не хочу чужимъ умомъ жить — и не приставайте! Вишь, своимъ умомъ-то я выпредилъ кисеть табаку да кошель денегъ, и сколько табаку ни курю, сколько денегъ ни беру — все не убываетъ!» Была у солдата порожняя сума, вотъ онъ ее ухватилъ, и говорить Христу: «пуцай по моему слову будетъ она полна, чѣмъ пожелаю!» — Ну, пуцай! сказалъ Христось, и пошелъ съ апостолами своею дорогою.

Вариантъ 2. Выслужилъ солдатъ три сухаря и пошелъ домой. Идетъ, а на встрѣчу ему Господь съ апостоломъ Петромъ. «Служивой, дай чего-нибудь перекусить намъ!» Солдатъ далъ имъ по сухарю, себѣ оставилъ третій. «Спасибо!» — и пошли они въ разныя стороны. Вотъ Господь и говорить апостолу Петру: «ступай, нагони солдата и спроси, чего отъ Бога желаетъ?» Чаголяетъ апостолъ Петръ солдата, а солдатъ увидалъ его и кричитъ: «что, братъ, аль за третьимъ сухаремъ идешь? У самого одинъ остался, и не проси — не дамъ!» — Нѣтъ, служивой! скажи-ка, чего ты отъ Бога желаешь? «Чего желаю? да только колоду картъ, да еще коли на что погляжу и вымогваю: по Господневу слову полѣзай въ ранецъ! — чтобъ всё тудъ и аѣзло.»

угощается: выпьетъ вина да гусемъ и закуситъ. И вздумалось ему посмотрѣть въ окошко: стоить на другой сторонѣ большой дворець, только во всемъ дворцѣ нѣтъ ни одного стекла цѣлаго. «Послушай, спрашиваетъ онъ хозяина, что это за дворець и отчего пустой стоить?» — Да вишь, говоритъ хозяинъ, царь нашъ выстроилъ себѣ этотъ дворець, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустѣетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Каждую ночь собирается тамъ чертовское сонмище, шумить, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія скверны творить. Вотъ солдатъ пошелъ къ царю. «Ваше царское величество! позволь, говорить, мнѣ въ твоёмъ порожнемъ дворцѣ одну ночь переночевать.» — Что ты, служба! говоритъ ему царь; Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки, брались переночевать въ этомъ дворцѣ, да ни одинъ живой не ворочался! «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — Я-жъ тебѣ говорю: пойдетъ туда съ вечера живой человекъ, а утромъ однѣ косточки найдутъ. Солдатъ стоить на своемъ: пусти да пусти его во дворець. «Ну, говоритъ царь, ступай съ Богомъ, ночуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю.»

Пришелъ солдатъ во дворець и расположился въ самой большой комнатѣ; снялъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уголокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кisetъ съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часовъ—откуда что взялось — набѣжало во дворець чертей видимо-невидимо; поднялся гамъ, крикъ, плясъ, музыка. «А и ты, служивой здѣсь! закричали черти. Зачѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?»—Отъ чего не хотѣть! только чуръ играть моими картами. Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать.

Стали играть; разъ сыграли—солдатъ выигралъ, въ другой — опять солдатъ выигралъ; сколько ни ухитрялись черти, а всё деньги спустили солдату: онъ знай себѣ загребаешь! «Постой, служивой, говорятъ черти; есть у насъ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобой на это серебро и золото!»—и посылаютъ они малаго чертѣнка таскать серебро. Стали снова играть, солдатъ все обыгрываетъ: ужь чертѣнокъ таскаль-таскаль, все серебро перетаскаль, и говоритъ старому дьяволу: «дѣдушка, больше нѣту!»—Таскай, пострѣль, золото! Вотъ онъ таскаль-таскаль золото, цѣлой уголь завалилъ, а толку все нѣту, все солдатъ обыгрываетъ. Жалко стало чертямъ своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: «разорвемъ его, братцы! съѣдимъ его!» — Еще посмотримъ, кто кого съѣстъ! говоритъ солдатъ, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «а это что?» — Торба, говорятъ черти. «А ну, по Божьему слову, полѣзайте въ торбу!» Только сказалъ—и полѣзли черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть ни давятъ другъ дружку! Солдатъ завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку, на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «ступайте, проведайте—что съ солдатомъ дѣется? Коли пропалъ отъ нечистой силы, такъ приберите его косточки!» Вотъ и пошли; приходятъ во дворецъ—а солдатъ весело по горницамъ похаживаетъ да трубочку покуриваетъ. «Здорово, служивой! не чаяли увидать тебя живаго! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?»—Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи! Посмотрѣли царскіе люди и вздивовались, а солдатъ имъ наказываетъ: «приведите, братцы, да поживѣе двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгомъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Пришли кузнецы съ

жельзной плитою, съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говоритъ солдатъ, снимите эту торбу да приударьте её по кузнешному.» Стали кузнецы снимать торбу и говорятъ промежь собой: «ишь какая тяжелая! черти—что-ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «мы батюшки! мы, родимые!» Сейчасъ положили кузнецы торбу на жельзную плиту и давай молотами постукивать, словно жельзо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, не въ моготу стало терпѣть: «смилуйся! заорали; выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужь въ этотъ дворець ни одинъ чортъ ни ногой. . . веъмъ закажемъ, за сто вереть отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развязалъ торбу — черти такъ и прыснули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, ухватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лапу до крови: «подавай, говоритъ, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своею кровію, отдалъ и наострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу—и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говоритъ, очистилъ дворець отъ дьявольскаго навожденія. «Спасибо, говоритъ ему царь; оставайся жить у меня, стану тебя замѣсто брата почитать.» Остался солдатъ при царѣ жить ¹⁾; всего у

¹⁾ *Вариантъ 1:* Жиль-жилъ, и пришло ему время умирать. Посылаетъ Господь ангеловъ вынуть его душу. Вотъ ангелы взяли солдатскую душу, понесли по мытарствамъ, и спрашиваютъ у Бога: куда прикажетъ эту душу—въ рай или адъ? -Посадите ее въ муку вѣчную, сказалъ Господь; она сама отказалась отъ царства небеснаго! -Посадили солдата въ муку вѣковѣчную. Вотъ онъ осмотрѣлся и видитъ: висятъ кругомъ котлы съ горячею смолою, а въ котлахъ грѣшныя души мучатся, плачутъ и скрежещутъ зубами. Обступили солдата черти: «ну, служивой, пора и тебѣ въ котель отпрапляться!»—Вы меня

него вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужь сколько лѣкарей перебывало. а толку нѣтъ ни на грошъ. И вздумалъ солдатъ про того стараго чорта, чтѣ далъ ему росниску, а въ росникѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говорить: «куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ

котломъ не страшайте, а давайте-ка лучше играть въ карты. «Нѣтъ, братъ, полно! мы съ тобой играть не станемъ.»—А вотъ-же врите; станете играть, только торбу вамъ показать... «Ничто она съ тобою?»—Со мною. Перепугался черти: «давай, служивой, карты!» Вотъ и стали они играть на грѣшныя души. Солдатъ обыгралъ. «Ну, темеръ ты здѣсь хозяинъ!» сказали ему черти. А онъ тому и радъ, выпускалъ изъ котловъ всѣ грѣшныя души, построилъ ихъ по-солдатски въ три шеренги, и повелъ прямо къ райскимъ дверямъ. «Отпирай ворота!» кричитъ солдатъ. Апостолъ Петръ говоритъ: «постой, пойду у Бога спрошу.»—О чемъ-же ты прежде думалъ? Пошелъ апостолъ Петръ къ Богу: «Господи! говоритъ, пришелъ къ райскимъ дверямъ солдатъ и привелъ съ собой изъ пекла многое множество грѣшныхъ душъ.»—Прими отъ него по счету, а самаго не пуцай въ рай. Вотъ апостолъ Петръ отперъ райскія дверц и сталъ принимать души—всѣ по одной. А солдатъ: «эхъ, братъ, ты и считать не умѣешь! а ты вотъ какъ считаи: разъ, два, три—ступай туды! разъ, два, три—и я туды!»—и полѣзъ было въ рай; апостолъ Петръ схватилъ его за руку: «нѣтъ, говоритъ, погоди! ты самъ не пожелаешь себѣ царства небеснаго, на себя и пеняй!»

Вариантъ 2: Посадили солдата въ адъ, увидалъ онъ у чорта два большіе ключа и спрашиваетъ: «что это за ключи?»—Одинъ отъ котла, другой отъ холодной горницы. «А тамъ что?» Въ котлѣ кипятъ грѣшныя души, а въ холодной горницѣ мерзнуть. . «Давай играть въ карты на эти ключи!»—Давай! Солдатъ выигралъ ключи и выпускалъ на волю всѣ грѣшныя души. Пришелъ чортъ: «служивой! куда дѣवालъ ты грѣшныя души?» Солдатъ показываетъ себѣ на грудь и говоритъ: «вотана грѣшная душа!» Побѣжалъ чортъ къ своимъ товарищамъ: «ну, братцы! солдатъ всѣ грѣшныя души поѣлъ! пожалуй, и до насъ доберется». И тутъ-же выгнали его изъ пекла. Собралъ солдатъ всѣхъ выпущенныхъ изъ котла и холодной горницы грѣшниковъ и повелъ въ царство небесное. «Кто идетъ?» спрашиваютъ солдата.—Я съ грѣшными душами. «Сюда грѣшныхъ не примають; здѣсь рай!»—Знаю, что край; отъ того и не йду дальше.....

нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: «что твоей милости угодно?»—А вотъ что: захворалъ у меня сынишка, не знаешь ли—какъ-бы его вылѣчить? Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: «поди-ка, посмотри на воду». Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: «ну, что видишь?» — Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть. «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла—то непримѣнно бы померъ!» Потомъ берётъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдата сына, и въ ту-же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ, говоритъ солдатъ, и больше ничего отъ тебя не надо!» Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить и бояръ. и генераловъ; только посмотреть въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздороветь.

Съ шло самоу царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ—и видитъ, что Смерть тутъ-же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: «ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить, Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услышалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: «какъ такъ? закричалъ на него, ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть—такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у царя въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ

онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть! говорить солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься.»—Ступай! отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужъ около него стоитъ: «пу, служивой! прощайся скорѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «что это?» Смерть отвѣчаетъ: «торба».—Ну, коли торба, такъ ползай въ нее! Смерть прямо въ торбу и *шурхнула*. Солдатъ—куда и хворь дѣвалась—вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-накрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться—рожается, а не помираетъ! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а на встрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валится. «Вишь какая старуха! сказала солдатъ; чай, давно ужъ помирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка, мнѣ давно помереть пора, —еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаешь, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощонный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ также, какъ я, мучится!—Вотъ солдатъ и сталъ думать: «видно, надобно выпустить Смерть-та; ужъ пускай уморить меня... И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силѣнъ, отмучуюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко-старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе лѣса. Подходить къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разны

стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашивает солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снявъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть, и самъ лёгъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и проситъ Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: «пушай, кричить, тебя черти уморять, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «пойду-ка я прямо въ пекло; пушай меня черти бросать въ кипучую смолу и варять до тѣхъ поръ, покуда на миѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всеми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ близко ли—далеко, низко ли—высоко, мелко ли—глубоко, и пришелъ таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоять часовые. Только онъ къ воротамъ, а чортъ спрашиваетъ: «кто плетъ?»—Грѣшная душа къ вамъ на мученіе. «А это что у тебя?»—Торба. Заоралъ чортъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запираеть все двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокругъ пекла и кричитъ князю пекельному: «пусти, пожалуста, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за свои грѣхи мучиться».—Нѣтъ, не пушу! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту. «Ну, коли не пушаешь меня мучиться, то дай миѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ—Господь и проститъ меня за это!» Князь пекельный отвѣчаетъ: «я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюда!» Сейчасъ велѣлъ отечитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывести въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: «такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ изъ пекла привелъ».—Примите ихъ въ рай, а солдата не пушайте. Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и прика-

заль: «смотри, какъ войдешь въ райскіе двери—сейчасъ скажи: полѣзай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стали входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ жилъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на дняхъ померъ. — (Всѣ замѣствованы изъ собранія В. И. Даля.)

17. ВИДѢНІЕ.

а. Шель прохожій и выпросился ночевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись они съ женами спать въ особыя клѣтки, а старикъ-хозяинъ взобрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣтку, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣтку, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ имъ и женою лежитъ змій и дышетъ на нихъ. «Дай еще испытаю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣтку; тутъ увидалъ кунку (куницу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Даль имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зорѣдь (большая куча, стогъ — Оп. обл. великор. слов.) сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ снѣѣ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испу-

гался и легъ было подъ суслонъ ¹⁾ ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричить: «постой, возьми меня съ собой!» Не поспалось прохожему, воротился къ старику-хозяину въ избу, и зачалъ его старикъ спрашивать: «гдѣ былъ, прохожій?» Онъ пересказалъ старику все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говорить, нашель я разной гадъ, — отъ того, что послѣ ужина невѣстки твои ничего благословясь не сѣбрали и не покрыли; у большаго сына бѣется въ клѣти дубинка, — это отъ того, что хочется ему большакомъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бѣется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промежъ середняго сына и жены его видѣлъ змія, — это потому, что другъ на друга вражду имѣють; у меньшаго сына видѣлъ кунку, — значить, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто польстится на чужое сѣно, скосить да смететь въ одно мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонеть, да и животу тяжело; а чтѣ колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это которое съ полосы не собрано, оно-де говорить: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старику: «наблюдай, хозяинъ, за своей семьей: большому сыну отдай большинство и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ полось собирай до чиста». Распростился съ старикомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

в. Ходилъ по міру старинькой старичекъ, и попросился ночевать къ одному мужику. «Пожалуй, говорить мужикъ,

¹⁾ Нѣсколько сноповъ хлѣба, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 224).

я тебя пуцу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо, буду сказывать; дай только отдохнуть. «Ну, ступай!» Вошелъ старичекъ въ избѣу и легъ на полати. Хозяинъ говоритъ: «поди-ка, почтенной, поужинай». Старичекъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичекъ, сказывай сказку.» — Погоди, лучше я поутру разскажу. «Ладно!» Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по избѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, а по полу такъ и бѣгаютъ ящерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крикаютъ. Посмотрѣлъ на старшаго хозяйскаго сына, а промежъ имъ и женою змѣя лежитъ; посмотрѣлъ на втораго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшаго сына, а промежъ имъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ (овинѣ—Оп. обл. великор. слов.), а тутъ кричатъ: «сестра! сестра! приberi меня». Легъ подъ изгородой, и тутъ кричатъ: «выдерни да вторни (воткви — *ibidem*) меня!» Легъ подъ чугуны, здѣсь кричитъ: «на бобрѣ вѣшѣ, на бобрѣ упаду!» Пошелъ старичекъ опять въ избѣу. Просыпается хозяинъ и говоритъ: «ну, сказывай сказку!» А старичекъ ему: «я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоёмъ домѣ видѣлъ? Проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по избѣ двѣ птички перепархиваютъ». — Это мои два ангела перепархивали! говоритъ хозяинъ. «Да еще видѣлъ я: промежъ старшимъ твоимъ сыномъ и его женою змѣя лежала.» — Это отъ того, что они въ ссорѣ. «Глянулъ я ночью и на другаго сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула.» — Это значитъ, что они недружно живутъ, хочетъ жена мужа извести. «А какъ посмотрѣлъ на меньшаго сына, такъ межъ имъ и женою младенецъ лежалъ.» — Это не младенецъ,

ангелъ лежалъ, отъ того что живутъ они дружно, согласно. «Отъ чего-же, хозяинъ, какъ слѣзь я съ полатей, такъ по полу ящерицы бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крякали?» — Отъ того, сказалъ хозяинъ, что снохи мои никогда угарочка (лучины — Оп. обл. великор. слов.) не подметутъ, а квась, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ. «Пошелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра! приברי меня.» — А это вотъ что значить: сыновья мои никогда мѣтель благословясь на мѣсто не поставятъ! «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: выдерни, да вторни!» — Это значить, что изгорода вверху низомъ поставлена. «Потомъ легъ я подъ чугунокъ, а тамъ кричатъ: на бобрь вѣшу, на боберь упаду.» Хозяинъ говоритъ: «а это вотъ чтò — коли я помру, то и весь домъ мой опустится!» — (Изъ собранія В. И. Даля; первая записана въ архангельской губерніи, а вторая въ зубцовскомъ уѣздѣ, тверской губерніи.)

18. ПОТАНЬКА.

Одна баба не благословясь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вепомнила, што не благословясь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить-то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улицу, а Потанька всё тутъ. Свиньи перепехиваютъ ево съ мѣста на мѣсто, а вырватца не мѡжотъ; да чрезъ трои суд(т)ки коѣ-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: «гдѣ былъ, Потанька?» — Да будь она прѡклятая баба! опару,

говорить, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришолъ да и сялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насилу вырвался чрезъ трои судки: свињи перепехиваютъ меня съ опарной, а я выбитца не могу; тецерь въ жиз(н)ь мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару! — (Записана въ пермской губернии, шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьянникомъ Александромъ Зыряновымъ.)

19. ПОѢЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Какой-то архимандритъ (в)сталъ къ заутринѣ; пришолъ умыватца, видить въ рукомой(ни)кѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «выпусти, отче! каку хошь налош(ж)ь службу — сослужу!» Архимандритъ говоритъ: «свозишь ли меня между обѣдней и заутриной въ Ерусалимъ?» — Свою, отче, свою! Архимандритъ ево вынустилъ и послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забрали какъ то справки, — всѣ удивились, какъ онъ скоро мок(г)ъ съѣздить въ Ерусалимъ, спросили ево, и онъ разсказалъ это. — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьянникомъ А. Зыряновымъ.)

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

а. Одинъ пустынникъ молился тридцеть три года, и видить къ какому-та царю ходять дьяволà на обѣдъ, ѡвкають, гайка-

ють (кричать, кличуть), пляшуть, скачуть и пѣсни поють. Одинъ разъ Потанька хромой отсталъ отъ дьяволѣвъ; пустынный вышолъ да и спрашивать ево: «куда вы такъ ходите?» — Да ходимъ вотъ къ такому-та царю на обѣдъ; у него всё страпухи дѣлають всё не благословесь, намъ и ладно! Старикъ и думать, какъ-бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя носили ему обѣдать каждой день. Онъ принялъ ѣства да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, што дьяволà къ нему ходять на обѣдъ каждой день. Царь увидялъ эту надпись, тотчасъ всёхъ людей перемѣнилъ и поставилъ къ стряпнѣ людей набожныхъ; за чево они ни вѣзмутца — всё говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустынный дьяволѣвъ — впередъ шли весёлы и радостны, а назадъ идутъ заунывы и печальны, и спрашивать опеть Потаньку, што они не весёлы? Тотъ только и сказалъ: «молчи-жо! ужò мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видать послѣ того пустынный дьяволѣвъ. Одинъ разъ приходитъ къ нему женщина набожна. Онъ её распросилъ: какà, откуда? тѣ - другіе разговоры, стали винцо попивать и напились, сговорились вѣнчатца; пошли, видать — всё готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали — только надѣть. Пустынный и перекрестился; дьяволà отступились, и онъ увидялъ петлю; да послѣ того опеть тридцать три года молился, грѣхи замаливалъ! — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

В. Былъ пустынный, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгалъ бѣси. Одинъ изъ нихъ хромой отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынный остановилъ хромого и спросилъ: «куды вы, бѣси, бѣгаете?» Хромой сказалъ: «мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы

тамъ обѣдаете. Онъ принесъ солоницу. Пустынникъ сказалъ: «когда побѣжишь опять къ царю обѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ солоницу». Между тѣмъ на солонкѣ написалъ: «ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси ѣдятъ!» Государь велѣлъ, чтобы на столъ становили все благословясь. Послѣ того бѣсеѣнки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жжетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромага: «ты оставался съ пустынникомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «я только одну солоницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромага за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Богъ хромой въ отмщеніе построилъ противъ кельи пустынника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «дака, говорить, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсеѣнку, говорить: «нельзя ли и меня передѣлать на молодого?» — Изволь, отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустынника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «поглядись-ка темеръ — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ понравилось (захотѣлось) ему жениться. Хромой предоставилъ ему невѣсту; оба они глядятся-не наглядятся другъ на друга, любятся-не налюбуются. Вотъ надобно ѣхать къ вѣнцу; бѣсеѣнокъ и говоритъ пустыннику: «смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: какъ-же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Еслибъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной погибели. — (Изъ собранія В. И. Дала.)

с. Жиль-быль святой пустынный, и вычиталъ онъ въ писаніи: всё, чего ни пожелаешь, и всё, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ. Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому статься, думалъ онъ; коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли-жь царь и выдастъ её за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. Такъ и такъ, говорить, хочу взять за себя царевну замужъ. А царь говоритъ: «коли ты достанешь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустынный въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустыника и сталъ сказывать ему про свое могучество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — Э! да я, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ! «Одначе попробуй сюда влѣзть!» Чортъ съ дуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустынный и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло; крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — Нѣтъ, не пуцу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло! «Достану: право слово, достану; только пусти! Пустынный открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустынный камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустынный и говоритъ: «не надо! вишь, начиталъ я въ писаніи: чтò ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣлаетъ, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустыника: «вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынный съ чортомъ: «не влѣзишь де ты, окаянный, въ орѣхъ-свистунъ (свищъ)! Чортъ расхвастался и влѣзь. Вотъ пустынный давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой, пожалуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — Выпущу, коли пропоешь ангельскіе гласы! «Не смѣю, говоритъ нечистой; меня разорвутъ за это наши!» — Одначе пропой! — Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынный на волю, самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молиться, а нечистой запѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангелы, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ запѣлъ онъ — такъ и поднялся на небо: Богъ, значить, простилъ его за это пѣніе. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

24. ПУСТЫННИКЪ.

Было жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, лѣтъ двѣсти прожилъ, всё не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всё были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужикъ слылъ безсчастливымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло примался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, бѣзъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все до чиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ однаво сошлись они вмѣстѣ, и отирались всё трое къ одному пустыннику. Старику захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прійдетъ, а безсчастному да пьяницѣ —

долго ли имъ горе мыкать? Пришли и рассказали всё, что съ ними сталося. Пустынникъ вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику идти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидить. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такіе славныя, а въ хоромахъ два попа; только подстушился къ попамъ, они ему и гуторятъ: «стунай, старичекъ, домой! какъ вернёшься — такъ и умрешь». Безсчастной увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоитъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодался безсчастнѣйшій, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протянулъ, да позабылъ лобъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягува, змѣи и всякая срамота! Воротился безсчастнѣйшій съ пьяницей къ пустыннику и рассказали ему, что видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному, тебѣ николи и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока ни станешь ты за дѣло приматься, благословясь и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ, уготована на томъ свѣтѣ мѣла вѣчная — за то, что упиваешься ты виномъ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой, и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить: «позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ. я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говоритъ Смерть, чего прежде думалъ — не раздавалъ? Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь, а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Во дни нѣки посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго рая повелѣ. Бражникъ же нача талк(ит)ися во врата пречистаго рая. И прииде ко вратамъ рая Петръ апостолъ и рече: «кто талкїйся во врата пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ ес(м)ь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостолъ: «отыде отсюда, человѣче; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ».—Азъ ес(м)ь Петръ апостолъ, который имѣю(еть) ключи сего царствїя славы. «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего І(и)суса Христа іудеи на судилище къ Каіаѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего І(и)суса назарянина?—а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаяніе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоша* и бражникъ—по вся дни Божіе имѣлъ и за всякимъ концомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него.» Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго рая и сумнися о семъ человѣцѣ бражникѣ.

Вторицею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго рая, и прииде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «кто талкїйся у вратъ пречистаго рая?» И бысть гласъ къ нему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «отыде, человѣче, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ: «азъ есмь царь и про-

рокъ, который съдай со Авраамомъ и Исаакомъ на лонъ царствія сего, и состави псалтырь и пѣсни тропчныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «помнише ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голиафы (?), тогда ты слугу своего Урию на войну услаля, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣяніе пріялъ? Аще бы не были твои слезы и покаяніе, и тебѣ не быть бы въ раю». Слыша сіе, царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ чловѣцѣ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И пріиде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «кто талкійся у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вмѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «отыде отсюда, чловѣче; здѣсь бражники не водворяютца, пбо имъ уготовано мѣсто во огнь кромечный съ прелюбодѣями вмѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христѣвъ, наперсникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ. «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангеліе(и), что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидишь и въ раю жити не водворяешь; или отрекися отъ письма руки своей, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ чловѣцѣ, и новелъ апостолу Петру впустити его во царствіе небесное. — (Занмствована изъ рукописи XVIII-го столѣтія.)

23. ЦАРЕВИЧЬ ЕВСТАФІЙ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни шпрѣвъ, ни пласокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да во-

даться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютѣй смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій — просто расколотъ краемъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить замокъ. Сдѣлали слесари три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «что это за насмѣшку ты дѣлаешь?»—«Государь батюшка! говоритъ царевичъ; ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ?» Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотрѣть не хотятъ. Евстафій-царевичъ говоритъ: «отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!» Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебряной—и здѣсь тоже; открыли деревяной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листвіемъ, не пускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградой. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. П. Даля.)

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТНО.

Бысть во градѣ Олдуянѣ царь, именованъ Аггей, славенъ зѣло. И по времени приключишася стояти ему въ церкви у божественныхъ литургій и чтущу іерею святое евангеліе, егда іерей прочта строки евангельскія, внемлетъ писано: «богати обнищаютъ, а нищии обогатѣютъ!» Слышавъ же то царь и возъярися, и рече царь: «писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь: «азъ есмь богатъ зѣло и славенъ; како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Егда-жь оттолми (?) ужасти наполнися, и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ изъ евангелія выдрать. И поиде царь въ домъ свой и нача щити и ясти и веселитися.

Видѣвша же царь въ полѣ оленя, поѣха ¹⁾ и взя съ собою юношовъ, и погна въ слѣдъ и хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангелъ Господень вѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «уплы елень за рѣку»—и поѣде ²⁾ съ юношами во градъ свой ко царницѣ. Царь же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня и ни платія не обрѣтаеть, и ста нагъ и весьма задумался.

¹⁾ Въ рукописи: «царь же поѣдвша».

²⁾ Въ рук. прибавлено: «царь».

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ пашуща воловъ и вопроша у нихъ: «братія меньшая пастухи, гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?» Пастухи вопроша его: «кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «азъ есмь царь вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «окаянный человѣкъ! какъ ты смѣши называтися царемъ? мы же видѣли царя Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти(ю) юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же нача плакати и рыдати. Пастухи отбиха его прочь, и пошедъ ко граду своему нагъ. И срѣтоша его торговые люди града того и вопрошаша его: «человѣче, что еси нагъ?» И онъ рече: «одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему одежду худую и раздраную. Онъ же взялъ и поклонишася имъ, и поиде ко граду своему; и пришедши ко граду своему, попросися къ нѣкоей вдовѣ ночевать и нача ее вопрошати: «скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣщаша ему: «или ты не нашей земли человѣкъ?» И сказа ему: «царь есть у насъ Аггей». Онъ вопроси: «сколько лѣтъ царствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ». Онъ же написавъ своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тайныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою. Онъ же написаея мужемъ ея царемъ Аггеемъ. И нацаде на ню страхъ великъ; во страхъ томъ нача говорити: «како сей убогій ¹⁾ человѣкъ нарицаетъ своею ми ²⁾ женою? аще сіе повѣдаеть царь, повелитъ казнити». И повелѣ бити его кнутаомъ пещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и отпустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая, и воспоминая евангельское слово, что богатиі обнищаютъ, а

¹⁾ Въ рукоп: «убити».

²⁾ Въ рукоп: «нарицается ея ми»

нищій обогатѣють, и каюся о томъ попу, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши, како мнѣ пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить» — отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь приде въ незнаемый градъ, нанялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣеть, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищій. Онъ же рече имъ: «возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человекъ убогъ, работать не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану тружdatися». Они же поимше его съ собою и даша ему суму носить. Они же придоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топити, и воду носить, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: «увы мнѣ! что сотворилъ себѣ. Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибель себѣ сотворилъ, а вся пострадалъ за слово евангельское!..¹⁾». Зутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Оплуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыни просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, кормити²⁾ довольно, и повелѣ взять у нищихъ мѣхоншу въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разшелся, и бояра и гости всѣ разошлася, ангель³⁾ въ образѣ Аггея царя приде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. «Вѣдаши ли

¹⁾ Въ рукоп. прибавлено: «а правда».

²⁾ Въ рукоп. вставлено здѣсь: «велѣлъ».

³⁾ Въ рукоп. вмѣсто этого слова стоитъ: «царь».

ты царя гордаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учити и наказывати впрядь евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быти ¹⁾.—(Изъ собранія В. И. Даля, которому легенда эта, заимствованная изъ старой рукописи, доставлена изъ шенкурскаго уѣзда, архангельской губерніи.)

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умирають праведники. Вотъ явился къ нему ангелъ и говоритъ: «ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умирають праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и проснется въ одинъ домъ ночевать. Хозяева ему отвѣчаютъ: «мы бы рады пустить тебя, старичекъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услыхалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее на вѣки нерушимое благословеніе, и протялся со всѣми. И въ ту же ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, запѣли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть; видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ

¹⁾ Въ другомъ спискѣ ангелъ спрашиваетъ царя Аггея: «правду ли въ церкви поють: богатые обнищаютъ и вzialкають?» Царь говоритъ: «справедливъ зтотъ стихъ; каждую службу везу его пѣть, лишь бы Господь меня простилъ». Ангелъ отдалъ ему царское платье, и исчезъ. Царь Аггей опять сѣлъ на царство, рассказалъ свое похождение и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и вzialкають.

похоронъ праведника, отслужилъ панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть свитую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобъ допустилъ его увидѣть, какъ умирають грѣшники; и былъ ему гласъ свыше : «иди въ такое-то село и увидишь, какъ умирають грѣшники». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотѣбы въ избу, и принялись всякъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. «Ой голова болитъ!... ой смерть моя!...» закричалъ онъ и тутъ-же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Даля.)

26. АНГЕЛЪ.

Родила баба двойни. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — Нѣтъ, Господи! «Чтожь такъ?» Ангелъ сказалъ: «у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ-же они стануть питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. — Вижу двухъ червячковъ. «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ

младенцевъ!» И отнявъ Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангель въ батраки у пона. Живеть у него годъ и другой; разъ послалъ его поць куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ неѣ каменя, а самъ норовить, какъ-бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись все ругать его; чуть-чуть ни прибили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе; на церковь каменя швыряетъ, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ!...» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидаль нищаго, и ну его ругать попрошайкою. Услыхали то люди прохожіе и пошли къ поцу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дурить, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ поць его допрашивать: «зачѣмъ де ты на церковь каменя бросалъ, на кабакъ Богу молился?» Говорить ему батракъ: «не на церковь бросалъ я каменя, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божимъ, такъ и лѣпится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее каменьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смѣртной гибели». — А за что облаялъ убогаго? «Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да собираетъ милостину: только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ отнимаетъ. За то и назвалъ его попрошайкою ¹⁾».

¹⁾ *Вариантъ*: Нанялся ангель у мужика три года работать; выработалъ три рубля, пошелъ на базаръ, накушилъ калачей и роздалъ нищимъ. Видитъ онъ: бдутъ два мальчика и уналъ лицомъ на-земь, а послѣ набралъ камней

Отжилъ батракъ свои три года. Пошъ даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи меня». Пошелъ пошъ провожать его. Вотъ шли они-шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ пошъ, кто служилъ у него цѣлыхъ три года. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

27. КУМОВА КРОВАТЬ.

Жили-были мужикъ да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру иди. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертями водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говорить онъ, пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей.» Пошелъ и сосваталъ за сына опившуюся дѣвку, что возить у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукамъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жепиха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на пиръ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрался и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ ¹⁾ сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана

и давай метать на избу. Вотъ стали его спрашивать: «скажи, человѣче, зачѣмъ ты лицомъ упалъ на-земь?» — А за тѣмъ, что ради этихъ мальчи ковъ Богъ отнялъ у меня ангельскія крылья. «А зачѣмъ металъ на избу камень?» — За тѣмъ, что хозяева на ту пору обѣдали, а я отгонялъ отъ нихъ дьявола.

¹⁾ Перѣдъ — передній уголъ, почетное мѣсто въ избѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 153).

много на отдарье положилъ казны, и говорить свату: «ну, сватушка! подарилъ я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ даль; коли хочешь, кумъ, — я тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челомъ, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается, не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ ни били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стоитъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «тащите ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ-же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ свать и спрашиваетъ сатану: «какая это у васъ кумова кровать, что даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебя, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится.» Свать убоился, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говорить: «куда, кумъ, торопишься? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ милаго!» — (Записана въ саратовской губерніи; изъ собранія В. П. Дала.)

28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

а. Жила-была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотреть на озимые входы;

вышелъ и осмотрѣлся кругомъ: стоить недалеча высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ; ужь давно стоить эта гора, никогда не видалъ на ней и малаго дыма, а теперича. вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору.» Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутая! — насилу взобрался на самой верхъ. Смотрить — а тамъ стоить большой котель полонъ золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ гореть набрать — какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать гореть изъ котла — какъ послышались тѣ-же самыя слова. «Что такое? говоритъ онъ самъ себѣ, никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился парень домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «что съ тобой? ишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается; сынъ не выдержалъ, и признался про все, что съ нимъ было. Старуха какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ-бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придумали онѣ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Принесли вина и ну его подчивать; вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся

и сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и кумою. Пьяному море по колѣна; а какъ проснулся да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну что-же, сынокъ! говорить ему старуха, о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу.» Собрался парень, взомель на гору, смотреть: золото стоитъ въ котлѣ нетронуто, такъ и блестить! «Куды мнѣ дѣвать это золото? я бы теперь послѣднюю рубаху отдалъ, только-бъ грѣха избыть.» И послышался голосъ: «ну, что еще думаешь? теперпча не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело воздохнулъ парень, горько заплакалъ, нѣ взявъ ни одной копейки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадетъ на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до-смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и куму, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — такая малая, тѣсная, вся изъ дѣрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «откуда ты, доброй человѣкъ, и чего ищешь?» Разбойникъ разсказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говоритъ: «много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — Коли не наложу на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто. Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шель-шель и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и разсказалъ

ему про все. «Хорошо, говорить скитникъ, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — Что знаешь, то и приказывай, хоть камня грызть зубами — и то стану дѣлать! — Взялъ скитникъ горѣлую головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты эдакъ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттудова ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она пуститъ она отростковъ и ни выростеть отъ неё(я) яблоня. Вотъ когда выростеть отъ неё яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты трянешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на-земь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи.» Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спастись по прежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, взлѣзъ на гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго эдакъ онъ потруился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползалъ, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прошло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худаго да тощаго: однѣ кости! «Ну, братъ, трясн теперь яблоню.» Тряхнулъ онъ дерево, и съ-разу осыпались всѣ до единого яблоки; въ ту-жь минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

1. Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и надумалась отдать своего сына въ парсухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привѣзъ туда колдунъ возъ денегъ, вырылъ яму,

вывалилъ въ нее деньги, забросалъ землю, и сталъ заклинать: «достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворить грѣхъ съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Заклялъ и уѣхалъ. Пастухъ все это слышалъ; пригналъ скотину на село, и разсказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко польстившаяся она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ, что и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ ея пасъ скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-играла и навела его на грѣхъ... На другой день нарядила она свою дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ... Воротился сынъ домой. Вдова и говоритъ ему: «ступай, доставай кладъ!» — Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это кладъ: мнѣ онъ не дастся! «Небось, дастся! вѣдь ты сотворилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ.» — Ахъ, матушка, матушка! до чего ты меня довела? не хочу теперь съ вами жить, лучше пойду—куда глаза глядятъ! И только вышелъ сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ поднялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣстѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще приунылъ и подумалъ про себя: «стало быть, я великой грѣшникъ передъ людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ; увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ кельѣ; началъ стучаться, пустынный его и спрашиваетъ: «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спрашиваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разсказалъ ему странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмо- лить его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой кельи — тамъ живетъ пустынный старѣй меня вдвое; мо-

жетъ, онъ тебѣ и скажетъ...» Пошелъ странникъ дальше и дальше, приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончивъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ рассказалъ про все. «Если хочешь отмаливать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ пойдемъ со мною.» Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свали ка эту березу и разрубь ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они горѣли-горѣли, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустили отростки, а третья нѣтъ какъ нѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говоритъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою—ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни стануть все овецъ бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасеть годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несётъ — только овцы все остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человѣкъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человѣкъ ѣздить?» Вышелъ на дорогу, дождался немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самой человѣкъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь эдакія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью

за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсно пою! Не утерпѣлъ пастухъ, размахнулся своей дубинкою и убилъ разбойника наповаль. «Ахъ, что-же я надѣлалъ? говоритъ онъ, одного еще грѣха не отмолить, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Воротился къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и разсказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говоритъ: «это за тебя мѣръ умолилъ Бога!» — (Объ изъ собранія В. И. Даля.)

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и пошелъ во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинулъ съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрѣлъ по водѣ; только дошелъ до середины — спотыкнулся о камень, упалъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, заплакалъ, отслужилъ за упокой души панихиду и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подъ ноги суётъ!» Петруша услыхалъ такія рѣчи и говоритъ: «здорово, тетка! куды путь держишь?» — Въ церковь, родимой. Богу молиться. «Какъ-же тебѣ не грѣшно: плешь въ церковь Богу молиться, а поминать печистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь...» Ну, отслужалъ онъ обѣдню и пошелъ домой: шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возъ-

мись — сталъ передъ нимъ мѣлодецъ, поклонился и говоритъ: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да облаяла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово.» И началъ просить: «побывай де. Петруша, ко мнѣ въ гости; я тебя во-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, всѣмъ надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша, побываю. Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и прощалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу; шель-шель, цѣлыхъ три дня шель, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй мѣлодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ пошалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возять. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шель онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сдѣлали своей лошадыю, да и возять теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самой мѣлодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и принялся угощать его всякими напѣтками и наѣдками. Пришло время отиравляться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, я надѣлю тебя деньгами и славною лошадыю, живо до дому доѣдешь.» — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подарить ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возять.

«Куда тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри околѣетъ!» — Все равно, подари; окромя ея, другой не возьму! Отдалъ ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взялъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что досталъ лошадь?» — Досталъ. «Ну, доброй молодець, какъ придѣшь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову.» Петруша поклонился и отправился въ путь: пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя мѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а намѣсто ея стоялъ передъ Петрушою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу; старикъ-ать три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про пьянство, и до самаго послѣдняго дня ни капли вина не пилъ. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ нѣ было. Стали они просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотриѣніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «пожалуй, говорить, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался за тѣмъ, что мужикъ-то былъ очень бѣденъ. По-

шелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню исходилъ, никто къ нему не идетъ въ кумовья. Что дѣлать? пошелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ-дорогою, и попадаетъ ему на встрѣчу незнакомый старецъ. «Здорово, добрый человѣкъ! куда идешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмотрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души, да вотъ прилучилось какое горе: человѣкъ я бѣдной, никто и не идетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеную вѣру. «Возьми меня.» Мужикъ несказанно тому обрадовался и благодарствовалъ старику. «Ну, говоритъ старецъ, ступай теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крѣс(т)ныя матери.» — Ахъ, нарѣченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти, онъ мною побрезгаетъ. «Не твоя печаль! ступай и проси. Да смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово.» Бѣдной мужикъ воротился домой, задрѣгъ лошадь и поѣхалъ въ городъ къ богатому купцу. «Что надѣть?» спрашиваетъ купецъ. — Да вотъ, господинъ купецъ! далъ мнѣ Господь дѣтище во младости на посмотрѣніе, подѣ старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти свою дочь въ крѣс(т)ныя. «А когда у тебя кетины (крестины)?» — Завтра утромъ. «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она пріѣдетъ.»

На другой день поутру пріѣхала кума, пришелъ и кумъ, и окстили младенца. Распрощались и пошли по своимъ мѣстамъ. Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всеѣмъ сосѣдамъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые учатся лѣтъ по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ. всеѣхъ перегналъ! Пришла святая недѣля. Отслушалъ мальчикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крѣс(т)ной матери, похристосовался, воротился домой и спрашиваетъ: «батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крѣс(т)ной, я бы къ

нему пошелъ, похриетосовался?» — Любезный сынъ, говорить они, мы и сами не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слышали. «Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крѣс(т)наго.» И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шель-шель, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здравствуй! говоритъ старецъ, куда идешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! иду искать крѣс(т)наго. «Я твой крѣс(т)ной, говоритъ старикъ; пойдѣмъ со мною.» А старикъ-то былъ самъ Господь, и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: «смотри, крестникъ! по всемъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь». Сказалъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всемъ палатамъ и вздумалъ себѣ: отъ чего такъ не велѣлъ мнѣ крѣс(т)ной входить въ эту комнату? дай пойду, посмотрю — что тамъ такое? Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ человекъ; жалко ему стало того человека, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говоритъ, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человекъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай-же на землю и трудись, пока грѣховъ своихъ ни замолишь!» Указалъ ему Господь дорогу: «иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри-же не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — на вѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шель-шель, и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужъ до середины, и захотѣлось ему пить; такая жажда напала, что утерпѣть не въ моготѣ. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянулъ

въ воду и видить, что на головѣ у него волосы стали серебряные. Пустился дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до средины, и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустился дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; пзмарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками. Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поденщиковъ; одного его не берётъ на работу. «Чтожь ты меня не возьмешь?» — Да ты кто? «Я — Иванъ Шолудивый, садовникъ.» — Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо. И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу; остался одинъ Иванъ Шолудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому лѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ той яблони и говорить: «вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивый взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, разцвѣла и принесла такія-же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — вздивовался; къ вечеру рассчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивый у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводить, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и на яву — все его видить.

Вотъ собралась царевны, пришли къ своему родителю и пали въ поги: «не прикажи, говорятъ, казнить; прикажи рѣчь

говорить». — Говорите, любезныя дочери! «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ лѣтахъ, пора намъ выходить замужь.» — Ладно, говоритъ царь и разослалъ по всеѣмъ царствамъ, по всеѣмъ государствамъ, чтобы со всеѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: цари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыри. Съѣхались женихи, пошелъ пиръ на весь міръ ¹⁾). Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «ступай, дочь любезная! выбрай себѣ жениха». Выбрала большая царевна; послѣ того пошла середняя царевна — и та выбрала себѣ жениха. «Ну, выбрай ты!» говоритъ царь меньшей царевнѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и подчуетъ: «ну, нарѣченный супругъ, кушай на здравіе!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшою: твой де мужъ какъ есть дуракъ! — Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царевна, вить не вамъ съ дуракомъ жить!

Жили они долго ли, коротко ли; попалъ на то царство сильный непріятель. Собрались старшіе зятья и поѣхали сражаться. А Иванъ Шолудивый вышелъ въ чистое поле, свистнулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «эй ты, сивка-бурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Откуда нѣ взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанный. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и понесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налево. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царевна, взяла платокъ и перевязала ему руку.

¹⁾ Вар. «пошелъ пиръ горюю.»

Опять поѣхалъ Иванъ Шолудивый и перебилъ до чиста все войско непріятельское; воротился въ царской садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царица и спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ, да такой страшной — черной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой!» подумалъ онъ, «дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ.» Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горнѣ огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Прійдетъ ли лоутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой чтò ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходить онъ въ церковь, поставитъ святымъ по свѣчкѣ; а къ чорту прійдетъ, и плюнетъ въ глаза. Прошли

цѣлые три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣль, терпѣль чортъ, да и вышелъ изъ терпѣнія; не въ ногу стало. «Полно, думаетъ, принимать мнѣ отъ него такое наругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю.»

Вотъ обернулся чортъ парнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здравствуй, дядя!»—Здорово. «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хотъ уголья таскать, да мѣха раздувать.» Кузнецъ тому и радъ: «отчего не взять! вдвоемъ все спорѣй...» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузнечное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотрѣть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имъ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ не идетъ въ кузницу — налѣзетъ на работника: онъ всёмъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ остался одинъ работникъ. Видитъ онъ—ѣдетъ мимо старая барыня, высунуль голову изъ дверей и давай кричать: «эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа открывается, старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да съумѣешь ли?» спрашиваетъ парня. — Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коли-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы. «А что стóить?» спрашиваетъ барыня. — Да всего пятьсотъ рублей. «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую.» Нечистойъ взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «ступай, говорить, притащи сюда два ушата молока»; а самоё барыню схватилъ клещами за ноги, бросилъ въ горнъ и сжегъ всю дóчиста: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вылилъ ихъ въ кадушку, сдобралъ все косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходитъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Съѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ барину, а тотъ уставилъ на нее глаза и не узнаеть своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говоритъ барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣзжай въ кузницу, пускай и тебя перекують въ молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; искалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ—нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простыль. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Пріѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «сдѣлай, говоритъ, изъ меня молодого».—Въ умѣ ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого? «Ну, тамъ какъ знаешь!»—Я ничего не знаю. «Врѣшь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ...» — Да я твоей барыни и въ глаза-то не видалъ. «Все равно твой работникъ видѣлъ. Если онъ сѣумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ умѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани.» Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Распросилъ потихоньку у кучера, какъ и что сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану тоже дѣлать; попаду на ладъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горнъ и давай поддувать мѣхами; сжегъ всео въ пепель. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ— скоро ли выскочить оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадушку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня шлетъ по словъ въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; по-

мицайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано-сдѣлано. Побѣжали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ рабочихъ, и спрашиваетъ: «куда ведутъ тебя, хозяйинъ?»—Хотятъ повѣстить, отвѣчалъ кузнецъ, и рассказалъ все, что съ нимъ случилось. «Ну, дядя! молвилъ нечистый, поклянись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую-же честь держать, какую твой отецъ держалъ,—и баринъ сейчасъ будетъ и живъ, и молодъ.» Кузнецъ забожился, заклился, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую почесть. Тутъ работникъ побѣжалъ въ кузницу, и пѣскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ баринкомъ: «стой, кричить слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Они сейчасъ развязали веревки и отпустили кузнеца на всѣ на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, и теперь еще живутъ, коли не умерли. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

32. ВОЛКЪ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христось ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идутъ они дорогою, идутъ широко; попадается на встрѣчу волкъ и говоритъ: «Господи! мнѣ ѣсть хочется!»—Поди, сказалъ ему Христось, съѣшь кобылу. Волкъ побѣжалъ искать кобылу; увидѣлъ ее, подходитъ и го-

ворить: «кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то есть видъ (паспортъ), только далеко забить». — Ну, покажи! «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ.» Волкъ подошелъ; она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно (такъ что) волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говорить: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — Ступай, съѣшь барана. Волкъ побѣжалъ къ барану; побѣжалъ и говорить: «баранъ! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ». — Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разинь свою пасть, а я стану на горѣ, разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ пасть; а баранъ какъ разбѣжится съ горы, да какъ ударить его своимъ бараньимъ лбомъ: баць! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядитъ на все стороны: нѣтъ барана!

Опять отправился съ жалобой; приходитъ ко Христу и говорить: «Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсѣмъ не убилъ!» — Поди, сказалъ Христосъ; съѣшь портнаго. Побѣжалъ волкъ; попадаетея ему на встрѣчу портной. «Портной! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ.» — Погоди, дай хоть съ родными проститься. «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься.» — Ну, что дѣлать! такъ и быть, съѣшь. Дай только я тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то? «Смѣряй!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, завилъ хвостъ за руку, и давай сѣраго утюжить (бить). Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжить что есть силы, а на встрѣчу ему семь волковъ. «Постой! говорятъ; что ты, сѣрой, безъ хвоста?» — Портной оторвалъ. «Гдѣ портной?» — Вонъ идетъ по дорогѣ. «Давай на-

гонять его», и пустился за портнымъ. Портной услышалъ по-гошу, видитъ—что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ, и сидитъ. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «станемъ, братцы, доставать портнаго; ты, кургузой (безхвостый), ложись подъ-исподъ, а мы на тебя, да другъ на дружку устанемся.—авось достанемъ!» Кургузой лёгъ на-земь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другаго третій, все выше и выше; ужь послѣдній взлѣзаетъ. Видитъ портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достанутъ! и закричалъ сверху: «ну, ужь никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочить изъ-подъ низу да бѣжать! Всѣ семеро волковъ попадали на-земь, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой.—(Изъ собранія В. И. Даля.)

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ¹⁾).

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ растетъ выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ: дерево все растетъ да растетъ, и доросло до

¹⁾ Ручная мельница.

самаго неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо ¹⁾. Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ, маслена головка, и стоять жорновцы. Вотъ старикъ-ать долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы, и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «какъ намъ, старуха быть, что намъ ѣсть?»—Постой, молвила старуха, я попробую жорновцы. Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ. блинъ да пирогъ! чѣмъ ни повернуть—все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Бѣжалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолочила: напали блинчики да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы».—Нѣтъ, говоритъ старушка, продать нельзя. Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣдали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ; я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «эй, малой! возьми-брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ. ротикъ! пей воду»—и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ:

¹⁾ *Вариантъ*: Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Разъ ѣли они горохъ, и уронили подъ поле одну горошину. Стала она расти, росла-росла, и выросла до самаго потолка. Дѣдъ разобралъ и крышу, и потолокъ; а горошина взяла расти до самаго неба. Полѣзъ дѣдъ на небо....

«кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь—прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду»—и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричить: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ—золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.—(Записана издателемъ въ воронежскомъ уѣздѣ.)

ПРИМЪЧАНІЯ.

1870

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Въ изданіи Вольфа «Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde» (т. I, вып. 1, стр. 41—42) напечатана совершенно сходная съ записанною мною легенда: «Wie Petrus dreschen sollte», но съ слѣдующимъ характеристическимъ дополненіемъ въ началѣ. Однажды Христосъ съ апостоломъ Петромъ, странствуя по землѣ, пришли поздно вечеромъ къ крестьянину и попросились у него переночевать. Мужикъ пустилъ ихъ, но съ условіемъ, чтобы утромъ слѣдующаго дня пособили ему молотить. Рано проснулся онъ и велѣлъ будить странниковъ и звать на работу. «Petrus wollte hinabsteigen, aber der herr hiess ihn ruhig liegen bleiben. Da währte dem bauern die sache zu lang, er stieg mit einem stock die leiter hinauf und schlug herzhafte auf den Petrus los, welcher vorn lag. Doch als er wieder unten war, hatte er gut warten und rufen, die fremden kamen nicht. Petrus dachte indessen: «wenn er wieder kommt soll er mich nicht mehr vorn finden» und verkroch sich hinter den herrn; der bauer aber kam zum zweitenmale mit dem stock. sprach: «der vorn liegt, hat sein theil, er muss hartschlägig sein, nun gehts an den andern» — und gab dem armen Petrus ein zweites frühstück, noch kräftiger als das erste.» Слѣдуетъ чудесная молотьба огнемъ, какъ и въ русской легендѣ. Когда таинственные странники распространились съ хозяиномъ и отправились въ свой путь, апостоль Петръ сталъ жаловаться на жестокосердіе крестьянина; «оборотись!» сказалъ ему

Господь. Въ то время они взошли на холмъ; апостолю взглянулъ назадъ: весь дворъ и изба крестьянина стояли въ пламени. (См. еще *Zeitschrift für Deutsche Mythologie*, т. I, вып. 4, стр. 471—2; т. II, вып. 1, стр. 13—16; т. IV, вып. 1, стр. 50—54.) Подобный рассказъ можно слышать и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Приводимъ здѣсь вариантъ, записанный П. И. Якушкинымъ въ орловскомъ уѣздѣ:

Въ одну зимнюю несчастную ночь шелъ по дорогѣ Иванъ Милостивой съ двѣнадцатю апостолами. Въ полѣ ночевать было холодно; они и постучались къ одному мужику: «пусти обогрѣться!» Мужикъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ, да потомъ согласился и пустилъ съ условіемъ, чтобы завтра чуть свѣтъ обмолотили ему три копны ржи. На утро хозяинъ толкнулъ Ивана Милостиваго, а онъ вмѣстѣ съ апостолами лежалъ на полу: «пора молотить, собирайтесь!» Толкнулъ и пошелъ на дворъ. Вотъ апостолы поднялись было и хотѣли идти на гумно; да Иванъ Милостивой уговорилъ ихъ еще немного посиать. Мужикъ ждалъ-ждалъ, нѣтъ помощниковъ! Взялъ кнутъ, пошелъ въ избу и давай стегать крайняго, а крайній-то былъ Иванъ Милостивой. «Полно! закричалъ Иванъ Милостивой, въ слѣдъ за тобой иду.» Мужикъ ушелъ. Апостолы опять было поднялись; но Иванъ Милостивой снова уговорилъ ихъ остаться и еще хотъ немного отдохнуть. «Будетъ съ него! молвилъ онъ, отстегалъ кнутомъ, теперь больше не прійдетъ.» А у самого на умѣ: «какъ прійдетъ мужикъ, опять примется за крайняго!» и залѣзъ на самой задъ. Мужикъ ждалъ-ждалъ, воротился въ избу съ кнутомъ и думаетъ самъ съ собою: «за что-жъ я буду бить одного крайняго? семь-ка примусь за задняго!» — и принялся за Ивана Милостиваго. Только ушелъ мужикъ, Иванъ Милостивой и въ третій разъ уговорилъ апостоловъ не вставать на работу, а самъ залѣзъ въ середину. Вотъ хозяинъ ждалъ-ждалъ, не дождался,

и снова пошелъ въ избу съ кнутомъ; пришелъ и думаетъ: «крайнему ужь досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за середняго!» И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего дѣлать, поднялся онъ и самъ началъ просить апостоловъ, чтобъ шли помогать мужику.

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

Въ этой легендѣ замѣчательно представленіе будущей жизни, предназначенной для добродѣтельныхъ и злыхъ. (См. также легенду «Пустынникъ» подъ № 21.) Первыхъ ожидаетъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ пролетитъ, какъ единая минута. Тоже представленіе встрѣчаемъ и въ другихъ народныхъ сказаніяхъ (смотри варианты къ легендѣ: «Христовъ братецъ»). Валахская легенда (Walachische Märgchen, № 2) рассказываетъ о дѣвочкѣ, которую взяла съ собою Св. Дѣва. «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ ее однажды Св. Дѣва. — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчаетъ дѣвочка. «Не одинъ день, а цѣлый годъ пробыла ты!» Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: «гдѣ ты была?» — Я пробыла одинъ часъ въ раю. «Не часъ, а три человѣческихъ жизни.» Въ третій разъ спрашиваетъ Св. Дѣва, и на отвѣтъ дѣвочки: «я на мгновенье побывала на небѣ» — замѣчаетъ: «ошибаешься, дитя! не мгновенье, а полвѣчности пробыла ты въ жилищѣ блаженныхъ». (Сличь съ рассказомъ, напечатаннымъ въ Српск. парод. приповијетк., № 17, стр. 113—4.) На одной лубочной картинѣ изображено сказаніе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобъ даровалъ ему извѣдать сладость блаженства праведныхъ; Богъ услышалъ его молитву: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички; слушалъ, слушалъ, и триста

лѣтъ пронеслись для него, какъ три часа. У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынникѣ, который заслушался въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытье на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся — все для него было ново и незнакомо.

Въ легендѣ о бѣдной вдовѣ разсказывается чудо, какъ Господь одною малою краюшкою хлѣба накормилъ двѣнадцать апостоловъ, и еще ломти остались. Для сравненія съ этимъ сказаніемъ приводимъ слѣдующее любопытное мѣсто изъ легенды: *Christus in der Bauershütte*, записанной въ Буковинѣ: Христосъ посѣтилъ хижину крестьянина. Здѣсь встрѣтила его совершенная нищета. Маленькія дѣти съ плачемъ просили у матерн хлѣба, но у бѣдной женщины не было ни крошки. Въ горѣ она развела на очагѣ огонь, принесла со двора кусокъ коровьяго навозу (*kuhmist*) и посадила его въ печь, чтобы хоть этимъ утолить дѣтскій голодь. Черезъ полчаса вынула она свою стряпню; но какъ изумилась, когда увидѣла, что коровій навозъ превратился въ прекрасный питательный хлѣбъ! Стала крестьянка одѣлять своихъ дѣтей, — и совершилось другое чудо: какъ много ни отламывала она отъ хлѣба, всякой разъ столько-же вновь его выросло. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что гостемъ ея былъ самъ Господь; она пала къ стопамъ Спасителя и пролила благодарныя слезы (*Zeitschrift für Deutsche Mythologie etc.*, т. I, вып. 4, стр. 472).

4. ИСЦѢЛЕНІЕ. — 5. ПОПЪ-ЗАВИДУЩІЕ ГЛАЗА.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля находится еще слѣдующій списокъ этой интересной легенды:

Жиль-быль попъ; приходъ у него былъ большой и богатой, набралъ онъ много денегъ и понесъ прятать въ церковь; при-

шелъ туда, поднялъ половицу и спряталъ. Только понамарь и подсмотри это; вынулъ потихоньку поповскія деньги и забралъ себѣ все до единой копѣйки. Прошло съ недѣлю; захотѣлось попу посмотрѣть на свое добро; пошелъ въ церковь, приподнялъ половицу, глядь — а денегъ-то нѣту! Ударился попъ въ большую печаль; съ горя и домой не воротился, а пустился странствовать по бѣлу свѣту — куды глаза глядятъ.

Вотъ шелъ онъ, шелъ, и повстрѣчалъ Николу-угодника; въ то время еще святые отцы по землѣ ходили и всякія болѣзни исцѣляли. «Здра(в)ствуй, старче!» говоритъ попъ. — Здравствуй! куда Богъ несетъ? «Иду, куды глаза глядятъ!» — Пойдемъ вмѣстѣ. «А ты кто таковъ?» — Я Божій странникъ. «Ну, пойдемъ.» Пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ; идутъ день, идутъ и другой; все пріѣли, что у нихъ было. Оставалась у Николы-угодника одна просвирка; попъ утащилъ ее ночью и съѣлъ ¹⁾. «Нѣ взялъ ли ты мою просвирку?» спрашиваетъ поутру Никола угодникъ у поца; «нѣтъ, говоритъ; я ее и въ глаза не видалъ!» — Ой взялъ! признайся, братъ. Попъ заклался-забожился, что не бралъ просвиры.

«Пойдемъ теперь въ эту сторону, сказалъ Никола-угодникъ; тамъ есть баринъ, три года бѣснуется, и никто не можетъ его вылѣчить; возьмемся-ка мы лѣчить.» — Что я за лѣкарь! отвѣчаетъ попъ, я этого дѣла не знаю. «Ничего, я знаю; ты ступай за мной, что я буду говорить — то и ты говори.» Вотъ пришли они къ барину. «Что вы за люди?» спрашиваютъ ихъ. — Мы знахари, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. — Мы знахари, повторяетъ за нимъ попъ. «Умѣете

¹⁾ *Вариантъ*: Пошли вмѣстѣ. У Николы-угодника былъ мѣшокъ съ лепешками. «Дай я понесу», вызвался попъ. — Возьми, неси! Ночью попъ пріѣлъ все лепешки, а въ мѣшкѣ дыру прорвалъ. Утромъ на другой день говоритъ Никола: «давай позавтракаемъ». — Да чего завтракать-та? «А лепешки гдѣ?» — Вишь дыра въ мѣшкѣ, все по дорогѣ рассыпалось.

лѣчить?» — Умѣемъ, говоритъ Никола-угодникъ. — Умѣемъ, повторяетъ попъ. «Ну, лѣчите барина.» Никола-угодникъ приказалъ истопить баню и привести туда барина. Сейчас истопили баню, и привели туда больного. Говоритъ Никола-угодникъ попу: «руби ему правую руку». — На что рубить? «Не твое дѣло! руби прочь.» Попъ отрубилъ барину правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Попъ отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Попъ положилъ въ котель и давай мѣшать. Тѣмъ временемъ посылаетъ барыня своего слугу: «поди, посмотри, что тамъ надъ бариномъ дѣется?» Слуга сбѣгалъ въ баню, посмотрѣлъ и докладываетъ, что знахари разрубили барина на части и варятъ его въ котлѣ. Тутъ барыня крѣпко осерчала, приказала поставить висѣлицу и долго не мѣшкая повѣситъ обоихъ знахарей. Поставили висѣлицу и повели ихъ вѣшать. Испугался попъ, божится, что онъ никогда не бывалъ знахаремъ и за лѣченье не брался, а виноватъ во всемъ одинъ его товарищъ. «Кто васъ разберетъ! вы вмѣстѣ лѣчили.» — Послушай, говоритъ попу Никола-угодникъ; послѣдній часъ твой приходитъ, скажи передъ смертью: вѣдь ты укралъ у меня просвиру? «Нѣтъ, увѣраетъ попъ, я ее не бралъ.» — Такъ-таки и не бралъ? «Ей Богу, не бралъ!» — Пусть будетъ по твоему. Пойдите, говоритъ слугамъ; вонъ идетъ вашъ баринъ. Слуги оглянулись, и видятъ: точно идетъ баринъ, и совершенно-здоровой ¹⁾). Барыня тому обрадовалась, наградила лѣкарей деньгами и отпустила на всѣ на четыре стороны.

Вотъ они шли-шли, и очутились въ другомъ государствѣ; видятъ — по всей странѣ печаль великая, и узнаютъ, что у

¹⁾ *Вариантъ:* Взялъ Никола-угодникъ, разсѣкъ больного на мелкія части, вымылъ ихъ въ теплой водѣ, сложилъ опять вмѣстѣ, дунулъ и сказалъ: «встань во имя Господне!» Больной всталъ здоровымъ и невредимымъ. Странниковъ наградили, и пошли они дальше...

тамошняго царя дочь бѣснуется. «Пойдемъ царевну лѣчить». говоритъ попъ. — Нѣтъ, братъ, царевны не вылѣчишь. «Ничего, я стану лѣчить, а ты ступай за мной; что я буду говорить — то и ты говори.» Пришли во дворець. «Что вы за люди?» спрашиваетъ стража. — Мы знахари, говоритъ попъ; хотимъ царевну лѣчить. Доложили царю; царь пѣзвалъ ихъ передъ себя и спрашиваетъ: «точно ли вы знахари?» — Точно знахари, отвѣчаетъ попъ. — Знахари, повторяетъ за нимъ Никола-угодникъ. «И берѣтесь царевну вылѣчить?» — Берѣмся, отвѣчаетъ попъ. — Берѣмся, повторяетъ Никола-угодникъ. «Ну, лѣчте.» Заставилъ попъ истопить баню и привести туда царевну. Какъ сказалъ онъ, такъ и сдѣлали: привели царевну въ баню. «Руби, старикъ, ей правую руку», говоритъ попъ. Никола-угодникъ отрубилъ царевнѣ правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Положилъ въ котель и принялся мѣшать. Посылаетъ царь узнать, что сталося съ царевною. Какъ доложили ему, что сталося съ царевною, гнѣвъ и страшень сдѣлался царь, въ ту-жъ минуту приказалъ поставить висѣлицу и повѣсить обоихъ знахарей. Повели ихъ на висѣлицу. «Смотри-же, говоритъ попу Никола-угодникъ, теперь ты былъ лѣкаремъ, ты одинъ и отвѣчай.» — Какой я лѣкаръ! и сталъ сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старикъ всему злу затѣйщикъ, а онъ не причастень. «Что ихъ разбирать! сказалъ царь, вѣшайте обоихъ.» Взялись за попа за перваго; вотъ ужъ петлю готовятъ. «Послушай, говоритъ Никола-угодникъ; скажи передъ смертію: вѣдь ты укралъ просвиру?» — Нѣтъ, ей Богу, не бралъ! «Признайся, упрасиваетъ; коли признаешься — сейчасъ царевна встанетъ здоровою, и тебѣ ничего не будетъ.» — Ну, право-же, не бралъ! Ужъ надѣли на попа петлю и хотятъ подымать; «постойте, говоритъ Никола-угодникъ; вонъ ваша

царевна». Смотрятъ — идетъ она совсѣмъ здоровая, какъ ни въ чемъ не бывала. Царь велѣлъ наградить знахарей изъ своей казны и отпустить съ миромъ. Стали одѣлять ихъ казною; пощъ набилъ себѣ полные карманы, а Никола-угодникъ взялъ одну гореточку.

Вотъ пошли они въ путь-дорогу; шли-шли, и остановились отдыхать. «Вынимай свои деньги, говоритъ Никола угодникъ; посмотримъ, у кого больше.» Сказалъ и высыпалъ свою горсть; зачалъ высыпать и пощъ свои деньги. Только у Николы-угодника куча все ростеть да ростеть, все ростеть да ростеть; а попова куча ни мало не прибавляется. Видитъ пощъ, что у него меньше денегъ, и говоритъ: «давай дѣлиться». — Давай! отвѣчаетъ Никола-угодникъ, и раздѣлилъ деньги на три части: «эта часть пусть будетъ моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру укралъ.» — Да вѣдь просвиру-то я укралъ, говоритъ пощъ. «Эка какой ты жадной! два раза вѣшать хотѣли — и то не покаялся, а теперь за деньги признался! Не хочу съ тобой странствовать, возьми свое добро и ступай одинъ, куда знаешь.»

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эта самая легенда рассказываетъ съ тою отмѣною, что вмѣсто Николая-угодника странствуетъ съ попомъ самъ Господь въ образѣ старца.

Въ изданіи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 81: «Bruder Lustig»; ч. III, стр. 129—131) подобная-же легенда рассказываетъ о странствованіи апостола Петра вмѣстѣ съ солдатомъ. Св. Петръ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ королевну: когда привели его къ одру усопшей, онъ приказалъ принести котелъ воды и выславъ изъ комнаты всѣхъ домашнихъ. Тогда рознялъ онъ всѣ члены умершей на составныя части, побросалъ ихъ въ воду, развелъ подъ котломъ огонь, и сталъ варить, пока все мясо ни отдѣлилось отъ костей. Затѣмъ бѣлыя кости были вынуты на столъ; апостолъ

сложилъ ихъ вмѣстѣ въ томъ порядкѣ, какой назначенъ самою природою, и трижды сказалъ: «возстань во имя всемогущей Троицы!» Королевна возстала живою, здоровою и прекрасною.

Какъ въ русской легендѣ попъ не признается, что съѣлъ проевиру, такъ въ нѣмецкой — солдатъ, что съѣлъ сердце жаренаго ягненка.

Смотри примѣчаніе къ легендѣ подлѣ № 30 и слычи съ легендою, напечатанною въ сборникѣ: «Westslawischer Märchenschatz», стр. 88—89.

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Варианты изъ собранія В. И. Даля: а) Былъ-жилъ нѣкій царь, ко всѣмъ ласковый, къ нищимъ милостивый. Разъ на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія послалъ онъ своего слугу на перекрестокъ: «кто ни пройдетъ — всякаго проси со мною разговѣться». Долго стоялъ слуга на перекресткѣ, не прошло ни одного странника; подождалъ еще немного, и видитъ: тащится нищій — весь въ гнойныхъ ранахъ. Взялъ его съ собою и привелъ во дворецъ. Нищій поздравилъ царя и царицу съ праздникомъ, похристосовался съ ними, и подошелъ было къ царской матери, да она не захотѣла съ нимъ христосоваться, отвернулась и давай корить царя: «чтобъ тебѣ съ нимъ подавиться! нашелъ съ кѣмъ разгавливаться... и їда-то на умъ не пойдетъ!» — Кушай одна, матушка! коли съ нами не хочешь, сказалъ царь и усадилъ нищаго за столъ; и самъ съѣлъ съ царицею, и всѣ слуги съѣли, и разговѣлись вмѣстѣ. Послѣ обѣда уложилъ царь нищаго на своей постелѣ отдохнуть немножко. А тамъ пришло время, сталъ нищій прощаться и зоветъ царя къ себѣ въ гости: «я де за тобой коня пришлю». Царь далъ ему свое царское слово.

На другой день откуда ни возьмись славной конь, прибѣжалъ къ самому дворцу, ударилъ въ ворота копытами — ворота растворилися, подошелъ къ крыльцу и сталъ, какъ вкопанный. Царь съѣлъ на него и поѣхалъ, куда конь повѣзъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою незнаемую и видитъ: бѣгаетъ человѣкъ за пичужкою и никакъ не можетъ поймать ее. «Царь, говоритъ ему тотъ человѣкъ, ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» ѣдетъ царь все дальше и дальше; вотъ стоитъ въ полѣ изба, а въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголь и кричитъ: «охъ, тѣсно! охъ, тѣсно!» — Сядь на лавку, говоритъ ему царь, и не будетъ тѣсно. «Не могу; цѣлой вѣкъ такъ бѣгаю. Ты ѣдешь до Господа Бога; спроси про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» Подъѣзжаетъ царь къ синему морю; стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: «охъ, пить хочу! охъ, пить хочу!» — Что кричишь? спрашиваетъ царь; раскрой уста — вода сама побѣжить въ ротъ. «Нѣтъ, отвѣчаетъ, вода мнѣ не дастся, она прочь побѣжить. Ты вотъ ѣдешь до Господа Бога; помани ему про меня грѣшнаго.» ¹⁾

Переѣхалъ царь море — и встрѣчаетъ его тотъ самый нищій, что съ нимъ разгавливался; «милости просимъ въ родительской домъ!» говоритъ царю, и повелъ его въ золотой дворецъ, изъ золотого дворца въ сады райскіе. Привелъ въ одинъ садъ; «вотъ здѣсь, говоритъ, тебѣ мѣсто уготовано — за то, что странныхъ принимаешь, алчущихъ питаешь и жаждущихъ напо-

¹⁾ *Вариантъ:* ѣдетъ царь и видитъ: двое изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему; ты ѣдешь къ Богу, помолися о насъ грѣшныхъ: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?» ѣдетъ онъ дальше и дальше и видитъ: двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему: помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?» ѣдетъ онъ все дальше и дальше: стоятъ двое голые и подпираютъ стѣну. «Ахъ, царь-государь! помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощеніе?»

яешь». Привелъ въ другой садъ; «вотъ здѣсь твоей царицѣ уготовано мѣсто — за то, что тебя на истинный путь наставляетъ и нищую братью не покидаетъ». Привелъ къ третьему мѣсту, гдѣ смола кипитъ и червь шипитъ; «а здѣсь, говоритъ уготовано мѣсто твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палецъ». Царь всунулъ палецъ въ кипучую смолу—и онъ въ тожъ мгновенье отпалъ отъ руки. «Вотъ твой палецъ, возьми его съ собою, и ступай съ миромъ домой.» Тутъ царь припомнилъ и разсказалъ все, что видѣлъ по дорогѣ. Отвѣчалъ ему Господь: «видѣлъ ты, какъ гоняетъ человѣкъ за плчужкою—то гоняетъ онъ за своимъ грѣхомъ; другой бѣгаетъ изъ угла въ уголь—за то, что не обогрѣвалъ и не покаялъ странниковъ, и чрезъ него многіе зимою померзали; третій стоитъ въ водѣ по самыя уста, а напиться не можетъ—за то, что самъ не поилъ жаждущихъ»¹⁾).

Воротился царь домой, и показалось ему, что былъ онъ въ раю всего три часа, а пробылъ тамъ не три часа, а три года. Разсказалъ онъ обо всемъ царицѣ и матери, вынулъ свой отвалившійся палецъ, и только приставилъ его къ прежнему мѣсту — какъ онъ тотчасъ приросъ, будто вѣкъ не отпадалъ. Тутъ мать покаялась: «сынъ мой возлюбленный! прости меня грѣшную; твое похождение дороже моего рожденія». — (Записана въ саратовской губерніи.)

б) Былъ жилъ купецъ съ купчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невѣсту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говоритъ молодая мужу. Отъ свадьбы нашей осталось

¹⁾ *Вариантъ:* Отвѣчалъ Господь: «это мучатся грѣшники, и не будетъ имъ прощенія. Что изъ колодца въ колодецъ воду переливаютъ — то виномъ торговали да народъ обжѣрвали; что изъ печи жаръ выгребаютъ — то ротовишки, сребролюбцы; что стоять голые, стѣну собой подпираютъ—то клеветники, ябедники».

много напеченаго и наваренаго; прикажи все это скласть на возъ и развезти по бѣднымъ: пусть кушаютъ за наше здорье.» Купеческой сынъ сейчасъ позвалъ прикащика, и все, что отъ пира осталось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «эдакъ, пожалуй, раздадутъ все имѣніе!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ съ своей женою, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набрели на хижину — стоитъ пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ къ концу. «Жена! говоритъ купеческой сынъ; я пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться.» — Ступай! говоритъ жена. Долго ходилъ онъ по лѣсу, не видалъ не одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидаль — лежитъ человѣческая голова, вся въ червахъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесъ къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголъ подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говоритъ: Христось воскресе! Жена отвѣчаетъ: воистинну воскресе! И голова отвѣчаетъ: воистинну воскресе! Говоритъ онъ и въ другой, и въ третій разъ: Христось воскресе! — и отвѣчаетъ ему голова: воистинну воскресе! Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова съдымъ старцемъ. И говоритъ ему старецъ: «будь ты моимъ меньшимъ братомъ; пріѣзжай ко мнѣ завтра, я пришлю за тобой крылатаго коня». Сказаль и исчезъ.

На другой день стоитъ передъ хижинной крылатый конь. «Это братъ за мной прислаль», говоритъ купеческой сынъ, съѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Пріѣхаль, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всемъ садамъ, сказаль онъ.

ходи по всеѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана.» Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всеѣмъ садамъ, по всеѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «дай посмотри, что тамъ такое?» Отворилъ дверь и вошелъ; смотреть — стоять два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттуда выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать; но сколько ни силлся, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котель, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силлся, ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь назвалъ его меньшимъ братомъ. Воротился онъ къ нему, палъ къ стопамъ и молилъ о прощеніи, что нарушилъ заповѣдь и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его, и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Воротился домой купеческой сынъ, а жена и говоритъ ему: «что такъ долго гостилъ у брата?» — Какъ долго! всего одни сутки пробылъ. «Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братіи.

—

с) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ — доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шель-шелъ, и пришелъ къ избушкѣ, а въ той избушкѣ стоитъ старичекъ на колѣняхъ и Богу молится. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и куда путь держишь?» — Крестьянской сынъ, иду на богомолье. «Иди сюда, давай вмѣстѣ молиться.» Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говоритъ: «давай теперъ побратаемся.» Побратались они, распрощались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосваталъ невѣсту и велить подъ вѣнецъ идти. «Батюшка, говоритъ крестьянской сынъ, позволь мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить; я жениться не хочу.» Отецъ и слышать того не хочетъ: «ступай, да и ступай подъ вѣнецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ, и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ онъ здѣсь только три минуточки; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотритъ — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: гдѣ-же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди? — Этого я не запомню, говоритъ священникъ. «Гдѣ-же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подъ вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: «это ужъ давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ спросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: «это, говоритъ, меньшой братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умаляться; окончилась обѣдня — и его не стало. — (Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ тверской губерніи.)

Въ приведенныхъ нами легендахъ особенно любопытны указанія на тѣ мученія, которыя ожидаютъ грѣшниковъ за гробомъ. Эти народныя повѣрья запечатлѣны отчасти тѣмъ-же вещественнымъ характеромъ, который такъ ярко отразился въ дубочныхъ картинахъ, изображающихъ страшный судъ и смерть грѣшника. Незрелый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣ тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ,

что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котель съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, стануть мучить на огненномъ ложѣ (см. N 27: «Кумова кровать»), бить раскаленными желѣзными прутьями; вѣрять, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что на поймахъ черти стануть возить дрова и воду (см. N 29: «Горькой пьяница»), что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи (см. стихъ о грѣшной матери — въ собраніи Кирѣевского, въ Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс., годъ 3-й, N 9, стр. 212—3). Поселяне рассказываютъ, что во время *обмиранія* (летаргическаго сна) душа человѣка, руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ на томъ свѣтѣ по аду и раю, видитъ тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, обреченныхъ на муку и страданіе или блаженствующихъ въ райскихъ садахъ. Обмиравшая душа можетъ передавать повѣсть своего странствія въ назиданіе живущимъ; запрещается ей сказывать только три какія-то таинственные слова. Г. Кулишъ собралъ въ одно цѣлое нѣсколько такихъ рассказовъ о хожденіи души по тому свѣту, — рассказовъ, исполненныхъ поэтическихъ образовъ и нѣкоторыми своими подробностями приближающихся къ напечатаннымъ нами легендамъ (Записки о южной Руси, т. I, стр. 306—8):

«Идемó, повѣствуетъ обмиравшая старушка, коли-жь гризѹтця два собáки надъ шляхомъ, такъ гризѹтця, такъ гризѹтця! А дідь и каже: се не собáки, се два браті, що по-гризлись та й побілись, плучі стѣпомъ; то Богъ и сказавъ: «коли вже й рідні браті бѣютця, то де-жь бѹде те добро міжъ «людьми? Нехай-же, каже, стáнуть вони собáками и гризѹтця.

«Идемó, ажъ хóдять волі въ такóму спашѹ, що й ригъ не-вѣдно съ траві, а самі худі, худі, якъ дóшка. А біля їх хóдять волі по самій землі — ні травінки підъ ногáми не má, «да жиръ ажъ по землі тиліпаётця. Отъ дідь и каже: оцѣ, що «худіі волі, то то багáті люде, що жили самі въ рѣскоші, а

«біднимъ не помагали; а ситні волі, то то бідні люде, що одъ свого рота одиймали та старцямъ изъ посліднього давали. «Отъ-же вони теперъ и ситі й напдені, а тії по рогги въ спа-«шӯ, та худі, якъ дõшка ¹⁾).

«Идемó, ажъ міжъ двомá дубáми горить у пòломъи чоловікъ «и кричить: ой, прòбі! укрийте мене, бо замёрзну! ой укрийте «мене, бо замёрзну! Дідъ и каже: оцè той чоловікъ, що про-«сився доё гó зимою въ хату подорòжній, а на дворі була метè-«лиця та хуртовина, а вінъ не пустивъ, дакъ той и змёрзъ підъ «тїномъ. Оцè-жъ теперъ вінъ горить у пòломъи, а ёмӯ щè «здаётця, що холодно, и терпить вінъ такӯ мӯку, якъ той подо-«рòжній терпивъ одъ морòзу.

«Идемó дальшъ, коли лежить чоловікъ коло криници; течè «ёмӯ ривчакъ черезъ ротъ, а вінъ кричить: прòбі! дайте на-«питьця! прòбі! дайте напитьця! Дідъ и каже: сей не давъ чо-«ловікові въ живá воді напитьця; жавъ вінъ на ниві, ажъ идè «стáрчикъ дорòгою, а жарá велика, Спáсівська. Ой, каже, чо-«ловіче дóбрый! дай, рáди Христа, воді напитьця! А вінъ ёмӯ: «оцè-жъ для тебе вивизь! Виллю на ниву, а не дамъ такóму дар-«моиду, якъ ти! То отъ, теперъ ёмӯ ривчакъ черезъ гóрло бi-«жить, а вінъ щè пить прòсить, и до вiку вiчного б́уде ёмӯ такъ «жáрко да тѣжко, якъ томӯ стáрцеві, що йшовъ дорòгою ²⁾).

«Идемó, ажъ кипить у смолі жінка, а передъ нею цибулька «лежить. Дідъ и каже: се мучитця такъ мáти вáшого старóго «тiтаря Онiсема, що булó все старцивъ годуе та біднимъ по-«магае, а нiколи жодної душі не обiдивъ и нi въ одному слóвi не «збрехáвъ. Була вона богáта, та скпáра, що одъ неi нiхтó й хлi-«ба кускá не бáчивъ. Отó разъ полóла вона цибулю, ажъ идè

¹⁾ Служи съ литовскимъ разсказомъ (Litauische Märchen etc., von A. Schleicher, стр. 71—75).

²⁾ Подобное-же мучение определено было Тапталу.

«поузъ воръѣ дідь-старець. Подарй, каже, панімátkо, рáди
 «Христá! Вона вйрвала стрілку: прийми, каже, старче Бóжній.
 «Тільки-жъ одъ неі й бачили. Отъ, якъ умёрла... взяли її небó-
 «гу та й потягли въ пékло. А Онйсимъ и побáчивъ зъ нéба, що
 «вона велику мýку приймае, та й каже: Бóже мій мйлий, Спасе
 «мій Христé! за всю мою щйрость, за всю мою правду, зроби
 «мнй такý лáску — нехай и мой мáти бóде въ раю зо мною. А
 «Христость я рече ёму: Нй, Онйсиме! вéлыми грйшна твой мá-
 «ти. Вйзьми хйба отý цибульку, що лежить передъ нею, та ко-
 «ли вйтягнешъ її съ тйи бéздни, то нехай и вона бóде въ раю съ
 «тобóю. Узйвъ вйнь тую стрілочку та й подáвъ мáтерй. Схопй-
 «лась вона за неі... отъ, óтъ вйтягне, отъ, óтъ вйтягне съ
 «пékла! бо щó-то Бóжому святóму? Ажъ ці: якъ поначйплюва-
 «лись йй и въ плáхту, и въ памітку грйшній дўщи, що-бъ и собй
 «съ тогó пékла вйбратьця, то й не здёржала тáя цибулька: пе-
 «рервáлась, а вона такъ и бóвтнула въ гарячу смóлу!»

—

У Сербовъ существуетъ слѣдующій рассказъ о загробномъ странствованій:

«Расскажи мнѣ, что видѣлъ?» спрашиваетъ старикъ. — Ви-
 дѣлъ я, отвѣчаетъ странникъ, } серебряный мостъ; подъ нимъ
 огромный котель, въ томъ котлѣ кипятъ людскія головы, а
 поверхъ носятся орлы и терзаютъ ихъ своими клювами. «Тако-
 ва вѣчная мýка на томъ свѣтѣ! Что еще видѣлъ?» — Послѣ
 того проходилъ я селомъ, и со всѣхъ сторонъ слышались мнѣ
 радостныя пѣсни и веселье. Спросилъ я: отчего у васъ такъ
 весело? Отъ того, сказали, что у насъ урожай и во всемъ изоб-
 биліе. «То люди—Божій, всякаго готовы были напитать и уго-
 стить, и ни одинъ бѣднякъ не отходилъ отъ ихъ избы безъ мил-
 остины.» — Дальше видѣлъ я: на дорогѣ двѣ суки грызутся.
 хотѣлъ ихъ рáзнять, и никакъ не могъ. «Это двѣ снохи. Что
 потомъ было?»—Проходилъ я другимъ селомъ, и вездѣ видѣлъ

печаль и слезы. Отчего у васъ такъ жалостно? спросилъ я. Отъ того, мнѣ отвѣчали, что градъ побилъ наши нивы, и нѣтъ теперъ ничего. «То живутъ люди, незнавшіе правды.» — Видѣлъ я потомъ: два борова бьются; всячески хотѣлъ ихъ развести, и не могъ. «Это несогласные братья. Что еще тебѣ видѣлось?»—Былъ я на чудномъ лугу; три дни простоялъ бы тамъ, да все глядѣлъ бы на его красу. «Таковъ рай на томъ свѣтѣ, но трудно до него дойти.» (См. Српске народне приповијетке, стр. 111—114.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Сличи со стихомъ, напечатаннымъ у Кирѣвскаго (Чтенія Общ. Исторіи и Древн., годъ 3-й, № 9, стр. 148—154).

Варианты (изъ собранія В. И. Даля):

а) Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родимый, времячко — охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежь себя, дрались и кровь христіанскую даромъ проливали. А тутъ набѣжалъ злой татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (молодыхъ женщинъ—Оп. обл. великор. слов.) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маханину (лошадиное мясо—*ibidem*). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православные по лѣсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской стѣронѣ добрый мужичокъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица,

что ия перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Были Антищъ съ Марьей люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Господь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву — и пропоетъ ее, да такимъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услыхалъ схимникъ Ермогенъ объ умъ-разумъ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакали, погоревали отецъ съ матерью, помоллились и отпустили Егорья въ науку.

А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золъ и хитѣрь! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту — дикаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколить; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащить въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антища да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антища тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, — и Господь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи; взялъ благословенье отъ схимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходитъ въ палаты Брагимовы и видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалился Егорій самому хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закипѣлъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не утрашился, и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его пилами, рубить топорами; у пилъ зубья посшибались, у топо-

ровъ лезвіа выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смолѣ кишучей, а святой Егорій поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребѣ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорій — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесли вѣтры все доски дубовыя, все пески желтые, и вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ. Увидалъ въ полѣ—стойтъ осѣдланый конь, а возлѣ лежитъ мечъ-кладенецъ, коше острое. Вскочилъ Егорій на коня, приуправился и поѣхалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорій и закололъ его острымъ копьемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорій соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ захотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались во-кругъ него келін и посадъ, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскомъ*.

в) Егорій святой Богу молился
 За мать за родную!
 Великую онъ скорбь перенёсъ
 За мать за родную:
 Его во пилы пилили,
 Въ топоры рубили;
 У пилъ зубья посшибались,
 У топоровъ лезья (лезвіа) до обухъ выбивались,
 И Егорью ничего не дѣялось!
 Его во смолѣ варили,
 Въ водѣ студенѣй топили.
 Егорій въ водѣ не утопаетъ,
 Поверхъ смолы плаваетъ!
 Вырыли погребъ глубокой,

Сажали въ него Егорія;
 Досками дубовыми закрывали,
 Гвоздями полужѣными забивали,
 Желтыми песками засыпали
 За мать за родную.
 Сидѣль тутъ Егорій
 Тридцать два года;
 Поднималась бурна погода —
 Разнесли вѣтры желтые пески.
 Разнесли вѣтры до единой доски!
 И собралъ Егорій дружину отборну,
 И ѣхалъ Егорій въ церковь соборну;
 Тутъ мать его Богу молилась,
 Слеза горяча потокомъ катилась.
 «Поди, поди, Егорій! сядь на коня, приуправься!
 Лютаго змія кошьемъ поразилъ,
 Материнскую кровь отомсти.»
 — Стоитъ ли, мать, мое рожденіе
 Всего моего похождения?
 «Вдвое стоить твое рожденіе
 За меня претерпѣнна мученія!»
 Съѣлъ Егорій на борза коня, приуправился!
 И наѣхалъ Егорій на лѣса валющи:
 «Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
 Срублю я изъ васъ церковь соборну,
 Поставлю я въ ней икону святую
 За мать за родную.»
 Въѣхалъ Егорій могучій
 Въ великой городъ толкучій,
 И наѣхалъ на дѣвокъ мудрѣныхъ:
 «Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я веду —
 Идите на Ерданъ на рѣку,

Воспримитесь, перекреститесь!»
 Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи,
 Встрѣлись Егорью волки прискучи,
 Гдѣ волкъ, гдѣ два:
 «Собиритесь вы, волки!
 Будьте вы мои собаки,
 Готовтесъ для страшныя драки.»
 Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
 «Птицы, синицы!
 Летите вы на море,
 На пиръ на кровавой.»
 Наѣхалъ Егорій на змія-горюна... ¹⁾
 Но Егорій не ужахался,
 Егорій не устрахался,
 Острымъ копьемъ змія закололъ;
 Стаи птицъ прилетали,
 Змія-горюна клевали;
 Синё море волной натекло,
 Змія-горюна съ собой унесло.

(Оба варианта записаны въ егорьевскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи.)

Народное преданіе о битвѣ Георгія Храбраго съ дракономъ распространено во множествѣ сказаній почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; подвигъ этотъ приписывается Георгію наравнѣ со многими другими сказочными героями, и нерѣдко съ одинаковою обстановкою и съ совершенно-тождественными подробностями (сличи: стихъ о Елизаветѣ Прекрасной—въ Чте-

¹⁾ Слѣдующіе затѣмъ стихи въ рукописи совершенно-искажены. Смыслъ тотъ: змій грызетъ мать Егорія, и кровь потокомъ ѡбжигъ изъ ранъ. Егорій напускаетъ на змія волковъ прискучихъ, волки погибають.

ніяхъ Общества Ист. и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 154 — 158; *Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, изд. Гаупта и Смолера, ч. 1, стр. 278, и ч. 2, стр. 147; Лѣтоп. русск. литературы и древности 1859 г., кн. 1, отд. 1, стр. 18—19; Народн. русск. сказки, вып. 2-й, стр. 153—159).

10. ИЛЛЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Разрушительная сила молніи и грома и плодотворная сила дождя, питающаго земную растительность, въ мірѣ азыческомъ приписывались у славянъ Перуну ¹⁾. Извѣстно, что съ принятіемъ христіанства многія изъ старинныхъ представленій, согласно младенческой неразвитости народа, были перенесены имъ на нѣкоторыя лица ветхо-и новозавѣтныхъ святыхъ. Такъ на Илью-пророка были перенесены все атрибуты и все значеніе древняго божества молніи и грома, которое представлялось разѣзжающимъ по небу въ колесницѣ, на крылатыхъ коняхъ, и разбивающимъ тучи своими огненными стрѣлами. Поселяне наши до сихъ поръ представляютъ Илью-пророка разѣзжающимъ по небу въ огненной колесницѣ; стукъ отъ его ѣзды производитъ слышимый нами громъ ²⁾. На лубочной картинѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всеѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненные. Лошадьми управляетъ ангелъ; Илья-пророкъ держитъ въ рукѣ мечъ. Подъ вліяніемъ такихъ вѣрованій создалась народная загадка, означающая «громъ»: «видано-невидано, якого не кидано! то

¹⁾ См. статью о «Зооморфич. божествахъ у славянъ» (Отч. Записки 1852 г., № 2).

²⁾ Воронеж. Губерн. Вѣдом. 1851, № 11. Владим. Губ. Вѣдом. 1844 г., Прибавл. къ № 52.

святый кидавъ, щобъ було хороше ему проихати» ¹⁾. Въ одномъ заговорѣ читаемъ: «на морѣ на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ гонить Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіаетъ, дождь пойдетъ» ²⁾. Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильею-пророкомъ въ дьявола, который старается укрыться въ животныхъ и гадахъ; но и здѣсь находитъ его и поражаетъ небесная стрѣла. Отъ св. Ильи, по народному вѣрованію, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха; 20 іюля, въ день этого святаго, ожидаютъ грозы и дождя, который непременно долженъ

¹⁾ Малорус. и галицк. загадки, стр. 8, 39: «когда гремитъ громъ, тогда по небу ѣздятъ Илья-пророкъ или Господь.» Въ нижегородской губерніи, когда гремитъ громъ, говорятъ: «Илья великій гудитъ!» Въ скопческой пѣсни поется:

У насъ было на сырой на землѣ —
 Претворился такіа чюдеса:
 Растворилися седьмыя небеса,
 Сокатилися златыя колеса,
 Золотыя, еще огненныя.
 Ужь на той колесницѣ огненной
 Надъ пророками пророкъ, сударь, гремитъ,
 Нашъ батюшка покатываетъ,
 Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
 Подъ нимъ бѣлой, храброй конь;
 Хорошо его конь убранъ,
 Золотыми подковами подковапъ.
 Ужь и зтотъ конь не простъ:
 У добра коня жемчужной хвостъ,
 А гривушка позолоченная,
 Крупнымъ жемчугомъ унизанная;
 Въ очахъ его камень-маргаритъ,
 Изъ усть его огонь-пламень горитъ.

(Исслѣдов. о скопческ. ересп, соч. Надеждина, 1845 г., см. Приложенія, стр. 47—48.)

²⁾ Иллюстрація, годъ 1, статья Даля, стр. 250.

пролиться въ это число. Бѣлорусская поговорка: «Ильля надѣливъ гнильля» означаетъ, что съ Ильина дня идутъ обыкновенно дожди, отъ которыхъ гниетъ хлѣбъ и сѣно въ полѣ ¹⁾. На этотъ праздникъ не косятъ и не убираютъ сѣна, потому что въ противномъ случаѣ св. Илья убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей ²⁾. Если градъ выбиваетъ хлѣбъ мѣстами, то поселяне говорятъ: «это Богъ караетъ; онъ повелѣлъ Ильѣ-пророку: когда ѣдешь въ колесницѣ, щади нивы тѣхъ, которые раздають хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою; а которые жадны и не знаютъ милосердія—у тѣхъ губи!» Ильѣ-пророку приписываютъ урожай, что видно изъ слѣдующей притѣвки:

Ходить Илья,
Носить пугу (т. е. плеть)
Житяную;
Де замахне—
Жито росте.

20-го іюля приготавливаютъ хлѣбъ изъ новой ржи и приносятъ въ церковь ³⁾.

Сербскія пѣсни также надѣляютъ Илью-пророка молніей и громомъ; при раздѣлѣ міра ему достались «мунье и стріјеле» (молнія и стрѣлы), почему сербы и называютъ его *громовникомъ*; онъ запираетъ облака и посылаетъ за людскіе грѣхи засуху на землю. Тѣ-же вѣрованія связываютъ съ Ильею-пророкомъ и другіе народы. Осетины даже приносятъ ему жертвы; объ убитомъ молніей они говорятъ: Илья взялъ его къ

¹⁾ Прибавл. къ Извѣстіямъ Академ. Наукъ по 2-му отдѣленію 1852 г., стр. 47.

²⁾ Воронежск. Губери. Вѣдомости 1851 г. № 11; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Снегпрева: Русск. въ своихъ пословицахъ, ч. IV, стр. 20, 65. Сахарова: Сказанія русск. народа, т. I, (пѣсни), стр. 274.

себѣ, и чествуютъ его трупъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Илью-пророка представляютъ въ мантии огненнаго цвѣта, съ мечемъ, на остреѣ котораго горитъ пламя, и въ красной шапкѣ на головѣ ¹⁾).

Такое присвоеніе грома, молніи и дождей Ильѣ-пророку имѣетъ въ основаніи тѣ аналогическія обстоятельства, которыя окружаютъ этого святаго въ вѣтхозавѣтныхъ сказаніяхъ. По свидѣтельству этихъ сказаній онъ былъ живой взятъ на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ лошадяхъ; во время своей земной жизни онъ чудеснымъ образомъ произвелъ однажды засуху и пролилъ дождь. Церковная пѣснь молить его объ отверстіи неба и ниспосланіи дождя; иногда поселяне ставятъ на воротахъ чашку ржи и овса, и просятъ священника провѣличать Илью, на плодородіе хлѣба ²⁾). Въ Новгородѣ въ старину были двѣ церкви: Ильи-Мокраго и Ильи-Сухаго; въ засуху совершался крестный ходъ къ первой церкви съ мольбами о дождѣ, а съ просьбою о сухой и ясной погодѣ совершался крестный ходъ къ церкви Ильи-Сухаго ³⁾).

Эти народныя вѣрованія послужили источникомъ, изъ котораго создались нѣкоторыя сказанія, живущія въ устахъ простолюдиновъ, а между ними и напечатанная нами легенда объ Ильѣ-пророкѣ и Николаѣ-угодникѣ.

¹⁾ Српске народне пјесме, кн. 1, стр. 155—7. Гримма: *Deutsche Mythologie*, стр. 158. Норкъ: *Andeutung. einer Systems der Mitholog.*, стр. 237.

²⁾ Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. монастырь, ч. II, стр. 66—67. Терещенко: Быть рус. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Отеч. Записки, изд. Свиньина, 1826 г., ч. XXVIII, № 79, стр. 166. Москвитян. 1853 г., № 11, стр. 64 (Внутрен. извѣстія).

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Это вторая легенда, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является св. Никола; въ собраніи В. И. Дала есть еще одно народное сказаніе объ этомъ-же угодникѣ. Вотъ оно:

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ богатой мужикъ; жадность и скудость совсѣмъ одолѣли его: если кому и давалъ онъ въ займы деньги, то всегда подъ закладъ и за большіе проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ; кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебивался онъ коѣ-какъ и добывалъ себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время—хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ, и рѣшился пойти къ богатому мужику и попросить въ займы денегъ. «Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатой. Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!..» —Будь милостивъ, выручи изъ бѣды; не дай помереть голодною смертію, по вѣкъ не забуду... Заработаю—съ лихвою отдамъ. «Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.»—Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдной и показалъ на образъ Николы-угодника. Смиловался богатой, отсчиталъ ему двадцать рублей: «смотри-же, говоритъ, непременно въ срокъ заплати».

Бѣднякъ взялъ деньги, пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки ¹⁾). «Что дѣлать? думаетъ

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ:* Какъ достать денегъ? И надумалъ онъ пойти ночью къ болоту и попросить у чертей. Дождася полночи, пришелъ къ болоту и подаетъ голосъ нечистому: «возьми, говоритъ, мою душу, только дай

онъ. Пойду, попрошу отерочки.» Приходить къ богатому и ну кланяться ему въ землю: «обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время». — Чего ждать-то? Пришелъ срокъ подавай денежки; небось, умѣлъ брать! «Радъ бы, отецъ родной, хоть сейчасъ заплатить, да вѣрь совѣсти — нечѣмъ!» — Видно, съ тобою, мошенникомъ, хорошо не сдѣлаешься! сказалъ богатой мужикъ; а надо будетъ за поруку приниматься. Пришелъ домой, сталъ передъ образомъ Николы-угодника и говорить: «чтожь ты не отдаешь за бѣднаго денегъ? вѣдь ты за него поручился». Икона ничего не отвѣчаетъ. «Что-же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тѣхъ поръ, пока не заплатишь все до единой копейки.» Снялъ образъ со стѣны, положилъ на повозку и выѣхалъ со двора; лошадь пустилъ впередъ, а самъ идетъ за повозкою сзади, и все по образу кнутомъ стегаешь да приговариваетъ: «отдай мои деньги! отдай мои деньги!» ¹⁾ Только ѣдетъ онъ мимо гостиннаго двора; увидалъ его купеческой сынъ и сталъ спрашивать: «что ты, безбожный, дѣлаешь?» — А то что давалъ я въ займы одному мужику двадцать рублей, и этотъ образъ былъ по немъ порукою; пришелъ срокъ отдавать деньги — у мужика нѣтъ ни полшки; вотъ и привялся я за поруку! «На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мнѣ образъ.» — Изволь, братъ! мнѣ еще лучше безъ хлопотъ!

Взялъ купеческой сынъ образъ, поставилъ въ лавкѣ и за свѣтилъ передъ нимъ лампадку. На утро явился къ нему съ-

двадцать рублей». Отвѣчаетъ ему нечистой: «ступай домой, доброй человекъ! намъ твоей души не надобно. Много вашей братьи голышей сюда таскается; если всемъ давать деньги, такъ самимъ придется щелкать зубами! Мы и на господь-то напасть не можемъ, а то еще вамъ давай!» Воротился мужикъ домой съ пустыми руками.

¹⁾ *Вариантъ*: Снялъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давай въ грязь топтать. Идетъ мимо купеческой сынъ...

дой старикъ и сталъ наниматься замѣсто прикащика; купеческой сынъ подумалъ-подумалъ и взялъ его въ лавку. Съ той самой поры пошла у него такая торговля, что никакъ товаровъ не напасется: покупщики такъ и валять въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческой сынъ; построилъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и поѣхалъ съ старикомъ въ другое государство торгъ вести. А въ томъ государствѣ на ту пору бѣда приключилася: злая вѣдьма испортила царевну — днемъ она лежитъ словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ! Что тутъ дѣлать? Положили ее въ гробъ, набили сверху крышку, и вынесли въ церковь. Царь повелѣлъ кликать кличъ по всему государству: не найдется ли кто такой, чтобы могъ отчитать царевну? а кто ее отчитаетъ, тотъ будетъ царскимъ зятемъ и получитъ въ приданое половину царства. Кликнули кличъ; только никто не выискался, никто не берется за это дѣло хитрое. И говоритъ старикъ купеческому сыну: «ступай къ царю и скажи, что ты можешь отчитать царевну». — А какъ не съумѣю? «Не бойся! Богъ поможетъ и я научу.» Отправился купеческой сынъ къ царю, объявилъ о себѣ; царь обрадовался и велѣлъ ему отчитывать. Въ тотъ-же самой день вечеромъ пошелъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и очертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу, и приказываетъ: «становись въ этотъ кругъ, и что бы ни было, что бы тебѣ ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу». Сказалъ и ушелъ; остался въ церкви одинъ купеческой сынъ, сталъ въ кругу передъ налоемъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаетъ и бросается прямо на купческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни силится—никакъ не можетъ переступить проведенной черты. Бѣшено рвется она впередъ, напускаетъ разные страхи и грозитъ бѣдою; но ку-

печеской сынъ не ужасается, стойтъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать, зашѣли пѣтухи — и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ-мертвою. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческой сынъ живъ, и не могутъ надивиться, какъ онъ уцѣлѣлъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и рассказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческой сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только перестушила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: «будь ты моимъ мужемъ, а я — твоей женою.» На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и пачали молиться Богу тихо и любовно. Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвинять купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

Въ другомъ спискѣ старикъ приходитъ наниматься къ купеческому сыну уже въ то время, когда онъ отправляется за море. «Куда тебѣ, старому, работатъ? вѣдь ты ничего не осилишь», говоритъ купеческой сынъ. — А вотъ увидишь: я хоть старъ, да работающъ: за десятирехъ молодыхъ сойду. «А что возьмешь?» — Чтò заработаемъ, то пополамъ. «Хорошо!» Приѣзжаютъ они въ другое государство; купеческой сынъ берется отчитывать царевну, а старикъ даетъ ему три полѣна, чашку воды и научаетъ, какъ и что дѣлать. Въ полночь поднялась царевна изъ гроба; купеческой сынъ бросилъ ей одно полѣно; она его проглотила. Бросилъ другое — и другое проглотила; бросилъ послѣднее — и съ этимъ тоже. «Ну, говоритъ царевна, теперь я тебя съѣмъ!» — Погоди, отвѣчаетъ купеческой сынъ, дай прежде воды испить. Набралъ въ ротъ воды и брызнулъ въ нее — царевна вздрогнула и въ ту-жъ минуту

исцѣлилась: порчу какъ рукой сняло. Купеческой сынъ женился на царевнѣ, и воротился домой съ большими богатствами. «Давай дѣлиться», говоритъ старикъ. Купеческой сынъ вытащилъ все деньги и сталъ дѣлить пополамъ. «Что ты съ деньгами-то возишься? Мы съ тобой привезли еще царевну. Давай и ее дѣлить!» Взялъ старикъ острой мечъ и разрубилъ ее на-двое. Опечалился купеческой сынъ и говоритъ: «Богъ съ тобой! за что ты ее убилъ?» — Развѣ тебѣ жалко? спрашиваетъ старикъ; взялъ обѣ разрубленныя части, сложилъ вмѣстѣ, дунулъ—и царевна тотчасъ встала живою и сдѣлалась вдвое лучше прежняго. «Вотъ твоя жена! живи съ нею по-Божьему», сказалъ старикъ и исчезъ. И то былъ не простой старикъ; то былъ самъ Никола, угодникъ Божій.

13. ПЯТНИЦА.

Суевѣрное уваженіе къ пятницѣ, питаемое русскимъ простолюдиномъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи по пятницамъ бабы не прядутъ, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ. Въ народномъ стихѣ душа, прощаясь съ тѣломъ, обращается къ нему съ такимъ напоминаніемъ былыхъ грѣховъ:

Мы по середамъ, по пятницамъ платье зóловали.

Платье зóловали, мы льны прядовали. ¹⁾

Особенно-же уважаются въ народѣ издревле двѣнадцать пятницъ, которыя бывають передъ большими праздниками: а) передъ Благовѣщеньемъ, б) первая и с) десятая послѣ Воскре-

¹⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 56. Читанія Общ. Исторіи и Древн. Россійск., годъ 3-й, № 9, стр. 210, 221 и 224.

сенія Христова, d) передъ Троицею, e) Успеніемъ, f) Ильинымъ днемъ, g) праздникомъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, h) Воздвиженіемъ, i) Покровомъ, k) Введеніемъ во храмъ пресв. Богородицы, l) Рождествомъ и m) Крещеніемъ. До сихъ поръ сохраняется старинное сказаніе о 12 пятницахъ, почитаемое раскольниками наравнѣ съ свящ. писаніемъ ¹⁾. На Вагѣ въ прежнее время ежегодно праздновали пятокъ первой недѣли поста у часовни, куда совершался для этого крестный ходъ. Во время неурожаевъ, засухи или сильныхъ дождей, по случаю скотскаго падежа и появленія червей были празднуемы «обѣтныя» пятницы; въ XVI вѣкѣ писались въ такихъ случаяхъ цѣлымъ міромъ заповѣдныя записи. Такъ крестьяне тавренской волости (въ 1590—1598 г.) обговорились промежъ себя и учинили заповѣдь на три года, чтобы «въ пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменія не жечи»; а кто заповѣдь порушитъ, на томъ доправить 8 алтынъ и 2 деньги. Константинопольскій патріархъ окружною грамотою 1589 года къ литовско-русскимъ епископамъ запрещалъ праздновать день пятницы наравнѣ съ воскресеніемъ ²⁾.

Стоглавъ (въ 40-й главѣ) свидѣтельствуеть, что въ его время ходили «по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ живые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, роспустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія. и велеть имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдывають христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разгигати, и иныя заповѣдуютъ богомерзскія дѣла творити».

¹⁾ Православн. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 188.

²⁾ Акты Юридическіе, № 358; Акты Западн. Русн, т. IV, № 22. У болгаръ также не прядутъ по пятницамъ (Архивъ историко-юридич. свидѣній, т. II, статья Буслаева, стр. 42).

По народному объясненію по пятницамъ не прядуть и не па- шутъ, чтобы не запылить матушку-Пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глазъ. Если-же бабы вздумаютъ пряхть и шить въ этотъ день, то св. Пятница накажетъ ихъ погто- ъдомъ, заусеницею, или болѣзною глазъ: повѣрье это послужило основаніемъ напечатанной нами легенды. По словамъ духовнаго регламента, суевѣры увѣряли, что «Пятница гнѣ- вается на неспразднующихъ (ея дня) и съ великимъ на оныхъ угроженіемъ настауааетъ». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пят- ницу не засиживаются долго при свѣчахъ, потому что въ этотъ день ходитъ по домамъ «св. Пятинка» и караетъ всѣхъ, кого застанетъ неспящимъ. Въ Малороссіи поселяне увѣря- ютъ, что она сама видѣля, какъ Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченая веретенами, потому что многія женщины и шьютъ, и прядутъ въ такіе дни, которые слѣдуетъ праздновать въ честь этой святой ¹⁾. Такимъ обра- зомъ особенное уваженіе къ пятницѣ объясняется тѣмъ, что этотъ день считается въ народѣ посвященнымъ св. Пятницѣ: именемъ Пятницы въ простонародьи называется мученица Параскева. Въ четьяхъ-минеяхъ повѣствуется, что родители ея всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спа- сителя, за что и даровалъ имъ Господь въ этотъ день дочь, которую они назвали *Παρασκευή* т. е. пятницей. Въ прежнихъ нашихъ мѣсяцесловахъ при имени св. Параскевы упоми- налось и названіе Пятницы; церкви, ей посвященныя, до сихъ поръ называются пятницкими ²⁾. 28 октября, когда читается

¹⁾ Сахарова: Сказанія рус. народа, т. II, стр. 97. 101; Снегирева: Про- стонар. русск. праздники, ч. I, стр. 188—9; Терещенко: Бытъ русс. на- рода, ч. VI, стр. 56; Маякъ 1843 г., т. XII, стр. 7. и 1844 г., т. XIII. Вѣстн. Геогр. Общества 1853 г., кн. 3, стр. 5; Полтавск. Губериск. Вѣдом. 1845, № 24 — часть неофициальная; Абевега рус. суевѣрій, стр. 275.

²⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 196.

память св. Параскевы, поселяне кладутъ подъ ея икону зеленые плоды и хранятъ ихъ до слѣдующаго года. Въ обѣтныя пятницы, собираясь праздновать въ одно назначенное мѣсто, они выносятъ образъ Параскевы-мученицы, обвѣшанный платками и лентами. На дорогахъ, при распутияхъ и перекресткахъ издревле ставились на столбикахъ небольшія часовни съ иконою св. Параскевы; часовни эти также назывались «пятницами» ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ всѣ особенности, приписываемыя Пятницѣ, относятъ къ Пречистой Дѣвѣ; такъ бабы не прядутъ по пятницамъ, чтобы не заплыть Богородицы, которая ходитъ тогда по избамъ: еще наканунѣ поэтому подметають въ избахъ полы; шерсть, отъ которой нѣтъ пыли, позволяютъ прядь ²⁾.

Припоминая, что пятница у другихъ европейскихъ народовъ въ языческую эпоху была посвящена богинѣ Венерѣ или Фреѣ (*dies Veneris, Vendredi, Frejtag*), справедливо будетъ предположить, что въ приведенныхъ нами повѣрьяхъ скрывается темное воспоминаніе о древней языческой богинѣ. Подъ вѣ-

¹⁾ Ризанск. Губерн. Вѣдомости 1846 г., № 6 — часть неофиц.: Макарова: Русскія преданія, ч. 1, стр. 22—26; Терещенко: Быть русск. народа, ч. VI, стр. 58—59.

²⁾ Иллюстрація 1846 г., стр. 648 — статья Даля; Воронежск. Губ. Вѣдом. 1831, № 11. Равнымъ образомъ и въ другіе праздничные дни запрещается прядь: это грѣхъ неотомлимый, но сматывать нитки и сунуть ихъ не считается за грѣхъ. Женщины не оставляють пряжи на веретенахъ въ воскресенье и праздники, чтобы не рвались нитки. На масляницу не прядутъ, чтобы мыши не грызли нитокъ и чтобы холсты не были гнилыми. Въ Литвѣ, приготавливаясь къ свѣтлому празднику, поселяне стараются прибрать и выплести свои избы до страстнаго четверга, а съ этого дня до самой Пасхи не принимаются за эту работу, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засорить глазъ; въ то же время старательно прячуть веретена и пряжи и перестаютъ заниматься пряжею (Вѣсти. Геогр. Общества, 1853, кн. 1, стр. 60; Иллюстрація, годъ 2-й, стр. 262; Пузицы: Взглядъ на суетврія, стр. 154; Ворон. Губерн. Вѣд. 1851 г., № 11; Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 93).

вліяемъ христіанскихъ идей оно естественнымъ образомъ слилось съ священными представленіями новой религіи, подобно тому, какъ атрибуты Перуна перенесены суевѣрнымъ народомъ на Илью-пророка, а древнее поклоненіе Волосу перешло на св. Власія.

Пятницѣ приписываютъ вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота. почему во время падежей, моровой язвы и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы; въ народѣ ходятъ даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы: онѣ носятя на шеѣ отъ различныхъ недуговъ или привязываются къ больной головѣ. Во время церковныхъ обрядовъ прежде выносили икону св. Параскевы, увѣшанную лентами, монетами, цвѣтами и душистыми травами: эти цвѣты и травы оставались въ церкви, и отваръ ихъ давали пить отчаянно-больнымъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ исцѣленію. По народному повѣрью, кто соблюдаетъ пятницу, у того не будетъ лихорадки. Въ калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле, наживнаетъ одинъ снопъ, связываетъ его, и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: «Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдунницы, еретика и еретицы!» Затѣмъ, взявши снопъ, она старается пройти до двора, не будучи никѣмъ замѣченною. На праздникъ Покрова дѣвицы, желающія выйти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ: «матушка Пятница-Параскева! покрой меня поскорѣе». ¹⁾ Духовный регламентъ Петра Великаго упоминаетъ о совершав-

¹⁾ Снегирева: Простонар. русск. праздники, ч. IV, стр. 118; ч. I, стр. 48.

шемся въ народѣ символическомъ обрядѣ, указывающемъ на обожаніе Пятницы. «Слышится (читаемъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ), что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую, подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаеть народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.»

14. О НОѢ ПРАВЕДНОМЪ.

Начало этой любопытной легенды заимствовано изъ «притчи о тѣлѣ человѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Притча эта встрѣчается во многихъ рукописныхъ прологахъ XIII, XIV, XV и XVI столѣтій и между сочиненіями Кирилла Туровскаго, который передаетъ ее въ болѣе-распространенномъ изложеніи (см. Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2, стр. XLVI — LI, 137 — 141). Конечно, отсюда она перешла въ народныя сказанія, и это служитъ новымъ свидѣтельствомъ того вліянія, какое оказывала книжная литература на устную. Для сравненія приводимъ здѣсь самую притчу:

«Человѣкъ нѣкто добра рода насади виноградъ, и оплотомъ огради, и отходя въ домъ отча своего: «кого, рече, створю стража дому моему и притяжанію? Аще бо поставлю слѣ отъ предстатель моихъ, то потеряють мой трудъ. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слѣпча, да аще кто хоше украсти отъ врагъ моихъ въ виноградѣ, слѣпецъ чюеть, а хромецъ видить; аще кто отъ сего всхошетъ, хромецъ убо не имать ногу дойти, слѣпецъ же аще поидеть — въ пропастьхъ убьется». И посадивъ я, отъиде. Надолзѣ бо сѣдящимъ имъ, и рече слѣпече ко хромцю: «что убо благоуханіе полетаеть изнутри вратъ?» Отвѣща хромецъ: «многа блага господина наю внутри

есть, иже неизреченная вкушенія: но понеже премудръ есть господинъ наю, мене посади хромага. а тебе слѣпаго, и не можевъ того дойти и насытитися». Отвѣща слѣпече хромцю: «почто еси сихъ не възвѣстилъ. да быховъ не жадала? Аще бо слѣпъ есмь, но ноги имамъ и силенъ есмь носити тя: нынѣ бо возми конь, и веади на мои плещи, и азъ тя несу, а ты мнѣ путь повѣдай; и вся благая господина наю обоемлевѣ. Да егда приде господинъ наю, укрыется дѣло наю отъ него; аще мене воспросить, и реку: ты веси, господине мой, яко слѣпъ азъ есмь; аще ли тебе вопрошить, ты же рѣчи: азъ хромъ есмь, и тако премудруевъ господина наю». Всѣдъ же хромецъ на слѣпца, и шедъ окрадоша овоць господина своего. По времени же пришедъ господинъ винограда, и види его окрадена, повелѣ привести слѣпца, и глагола: не добра ли ты поставихъ стража винограду моему, почто еси окралъ его? Отвѣща слѣпече: «Господи, ты вѣси, яко слѣпъ есмь; аще быхъ хотѣлъ дойти, не вижду дойти; но кралъ есмь хромецъ, а не азъ». И повелѣ господинъ блюсти слѣпца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромцю, начастася спирати. Хромецъ глаголаше слѣпцю: «аще не бы ти носилъ мене, николи же могъ быхъ тамъ дойти, понеже хромъ есть». Слѣпецъ же глаголаше: «аще бы не ты мнѣ путь повѣдалъ, то не бы азъ тамъ дошелъ». Тогда господинъ, сѣдъ на судищи, нача судити, и рече господинъ: «яко же еста рекла (крала), тако да всяде хромецъ на слѣпца». Всѣдшу бо хромьцю на слѣпца, повелѣ бити немплостивепю».

Въ пародной легендѣ вмѣсто хромца выведенъ безрукой.— Далѣе легенда воспользовалась библейскими сказаніями объ Адамѣ и Ноѣ, но передаетъ ихъ въ искаженномъ видѣ, смѣшивая событія и перепутывая ихъ баснословными народными преданіями. Сюда вошли и нѣкоторые рассказы изъ стариннаго животнаго эпоса. Такъ народное суевѣріе представляетъ,

что собака первоначально была сотворена голою, безъ шерсти; Богъ заставилъ ее стеречь отъ демонскихъ козней тѣло первосозданнаго человѣка; нечистый грозитъ собакѣ зимними морозами и, соблазняя, даетъ ей мягкую шубу. Любопытны роли, которыя играютъ въ ковчегѣ мышь и ужъ. Нечистый ухитряется, влѣзаетъ въ ковчегъ и въ видѣ мыши прогрызаетъ въ немъ дыру; ужъ затыкаетъ ее своей головою. Послѣ потопа слѣдуетъ вновь созданіе земли и людей: очевидно устный рассказъ относитъ здѣсь въ конецъ то, что должно было стоять въ началѣ. Преданіе о созданіи земли записано г. Терещенкомъ (Быть русск. народа, ч. V, стр. 44—45) съ нѣкоторыми подробностями, которыхъ недостаетъ въ нашей легендѣ:

«Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ «позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, что-
«бы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно,
«думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онъ ныр-
«нулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. При-
«несъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова...
«Госиодь куда ни броситъ землю, то она вдругъ является та-
«кая ровная, ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на
«другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смо-
«треть... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ
«его: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ
«испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и
«онъ гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки;
«гдѣ кашлянетъ — тамъ выроститъ гора; гдѣ привскачетъ —
«тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей
«землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и
«превысокихъ горъ.»

Въ карпатской колядкѣ поется, что при началѣ свѣта два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, изъ которыхъ и были созданы земля и небесныя свѣтила.

Доисторическія преданія, уцѣлвившія почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, разсказываютъ, что само божество научило первоначально человѣка строить жилища, ковать металлы и воздѣлывать землю¹⁾. На Украинѣ есть повѣрье, что самъ Господь далъ Адаму плугъ, а Евѣ прялку—въ то время, какъ они нарушили заповѣдь и были высланы изъ рая²⁾. Согласно съ этимъ нанечатанная нами легенда повѣствуетъ о томъ, какъ Господь выучилъ людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходитъ еще другое преданіе о постройкѣ избы: долго люди не умѣли придумать, какъ-бы охранить себя отъ непогоды и стужи; наконецъ чортъ ухитрился и выстроилъ избу; всѣмъ бы хороша: и тепло, и уютно, да темно хоть глазъ выколи! Ужъ ангелъ Господень научилъ прорубить окно, и съ тѣхъ поръ стали люди строить избы съ окнами. Преданіе это носитъ на себѣ печать весьма древняго происхожденія. Злой духъ, какъ представитель темной силы, мрака, по народнымъ повѣрьямъ боится свѣта и исчезаетъ съ первыми лучами солнца³⁾; все, что имѣетъ связь съ свѣтомъ, исходитъ не отъ него, а даруется божествомъ добра и правды.

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Сличи съ слѣдующей легендой о «Солдатѣ и Смерти» (№ 16, а). — О премудромъ царѣ Соломонѣ извѣстенъ цѣлый рядъ старинныхъ повѣстей, о которыхъ смотри въ сочиненіи

¹⁾ См. статью: Мифическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металловъ и проч. (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половнина 2-я.

²⁾ Русск. Бесѣда 1856 г., т. 3, стр. 74; статья Максимовича.

³⁾ Крикъ пѣтуха, предвозвѣщающій восходъ солнца, прогоняетъ нечистыхъ духовъ. Сличи съ *Kinder- und Hausmärchen*, ч. 2, стр. 519.

г. Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (стр. 102 — 123). Съ этими повѣстями, занесенными во многіе рукописные сборники, имѣютъ связь и тѣ народныя сказанія о Соломонѣ, которыя вошли въ «Сръске народне приповијетке» Караджича.

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

Смерть является здѣсь не отвлеченнымъ понятіемъ, а согласно древнѣйшему представленію — живою, олицетворенною; такую видимъ ее и въ другой легендѣ («Пустынникъ», № 21), и въ нѣмецкихъ сказкахъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, и въ извѣстной «Повѣсти о бодрости человѣческой» (начало: «Человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, звѣровиденъ...»). Повѣсть эта попадаетъ во многіхъ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій; составляя любимое чтеніе грамотнаго люда, она перешла въ устныя сказанія и на лубочную картину. Приводимъ здѣсь народный разсказъ объ Аника-воинѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ записанъ онъ въ нашемъ собраніи:

Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіи разорять; взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что

¹⁾ *Вариантъ:* Ыздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. «Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла.» Глядь — идетъ къ нему страшная гостя: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ.

это за чудище! говорить Аника-воинъ; царь ли ты - царевичъ, король ли - королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, я твоя Смерть — за тобою пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. — Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бѣрзаго коня, хочетъ поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двинется. Напалъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «Нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя - Смерточка! дай сроку хоть на три дни. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть на одинъ часъ — я бы рѣздалъ нищимъ все свое имѣнiе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнiя нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой ¹⁾).

Народныя русскія повѣрья представляютъ Смерть вѣчно-голодную, пожирающею все живое; въ первомъ спискѣ напечатанной нами легенды — когда солдатъ заставилъ ее нѣсколько лѣтъ глотать одни лѣсные деревья, Смерть такъ отошала, что едва ноги двигала.

Въ аду солдатъ до того надоѣлъ чертямъ, что они долго не знали, какъ его выжить, и наконецъ уже вызвали его изъ этого теплаго мѣста, ударивъ въ барабанъ тревогу.

¹⁾ Сличъ съ легендою подъ № 21 («Пустынный»).

Подобный рассказ есть о матросѣ Пронькѣ:

Былъ матросъ Пронька; всю службу свою слылъ горькой пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендову осушалъ въ два приѣма безъ отдыха. Что тамъ ему не говори, только и услышишь: «пей да дѣло разумѣй! пьянъ да уменъ — два угодыя въ немъ! пьяница проспится, дуракъ никогда!» И впрямь, дѣло онъ разумѣлъ, отъ работы не отказывался, горилъ всегда правду, и все его любили и берегли. Разъ какъ-то великимъ постомъ сталъ говорить ему священникъ: «Пронька, Бога ты не боишься! Неравѣнъ часъ — во хмѣлю умрешь; вѣдь смерть ходитъ не за горами! Ну, что тогда скажешь ты, какъ пьяной предстанешь предъ Господа?» А онъ въ отвѣтъ: «Батюшка! что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: всю правду, значить, скажу передъ Богомъ». Какъ сказалъ священникъ, такъ и случилось. Съ какихъ — ужъ не знаю — радостей сильно подпилъ Пронька, да видно слишкомъ на себя понадѣлся, полѣзъ на мачту и свалился оттуда прямо въ воду. Вотъ по сказанному, какъ по писанному, явился онъ на тотъ свѣтъ пьянѣшенекъ, и не знаетъ, куда идти? а тамъ — дѣло извѣстное, и для трезваго потемки; такъ пьяному-то просто бѣда! Вотъ пошла ранжировка да перекличка, кого куда: матросовъ-горемыкъ извѣстно всехъ въ рай назначаютъ, и Проньку вскричали туда-жъ. А онъ бурлитъ себѣ, замѣшался въ толпу, и попалъ въ адъ; шумитъ тамъ пуше всехъ, только другимъ мѣшаетъ... Много было хлопотъ, чтобы вывести его изъ ада; долго не могли съ нимъ справиться; да ужъ Никола Мореккой догадался, взялъ боцманскую лудку, сталъ у райскихъ дверей и засвисталъ къ вину. Какъ услышалъ Пронька, сейчасъ бросился изъ ада вопъ и въ ту-жъ минуту явился, куда слѣдуетъ. (Изъ собранія В. И. Даля.)

Особенно-интересны подробности въ третьемъ спискѣ легенды о «Солдатѣ и Смерти». Подробности эти совершенно-сход-

ны съ тѣми, какія встрѣчаемъ въ нѣмецкой сказкѣ: «Bruder Lustig» (см. Kinder-und Hausmärchen, ч. 1, № 81); и здѣсь, и тамъ — одинаковъ разсказъ о томъ, какъ получаетъ солдатъ чудесную торбу (ранецъ), какъ заключаетъ въ нее чертей и освобождаетъ отъ нечистой силы покинутый дворець. Только нѣтъ въ нѣмецкой сказкѣ той продолжки со Смертью, вслѣдствіе которой попадаетъ она въ торбу и нѣсколько лѣтъ виситъ въ лѣсу на осинѣ; да сверхъ того въ обончаніи находимъ слѣдующее измѣненіе: приходитъ солдатъ къ небеснымъ вратамъ и стучится. На стражѣ стоялъ тогда св. Петръ; «ты хочешь въ рай?» спрашиваетъ апостоль. — Въ аду меня не приняли, говоритъ солдатъ; пусти въ рай. «Нѣтъ, ты сюда не войдешь!» — Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назадъ ранецъ; я ничего не хочу отъ тебя пмѣть. И вмѣстѣ съ этими словами просунулъ свой ранецъ сквозь райскую решетку; св. Петръ взявъ ранецъ и повѣсилъ возлѣ своего кресла. Тогда сказалъ солдатъ: «теперь я желаю самъ быть въ моемъ ранцѣ». И въ мигъ онъ очутился тамъ, и св. Петръ принужденъ былъ оставить его въ раю. — Далѣе, въ русской легендѣ встрѣчаемъ эпизодическій разсказъ о томъ, какъ чортъ научилъ солдата лѣчить: онъ далъ ему чародѣйный стаканъ, въ которомъ — если нальешь туда холодной воды и поставишь его возлѣ больного — непременно увидишь, гдѣ стоитъ Смерть, у изголовья или въ ногахъ хворающаго: въ последнемъ случаѣ стѣишь только взбрызнуть его водою изъ стакана — и въ ту-же минуту онъ встанетъ здоровъ и невредимъ. Этотъ любопытный эпизодъ развитъ у нѣмцевъ въ особенной сказкѣ «Der Gevatter Tod» (въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 44):

Жиль-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатой ребенокъ, онъ уже не зналъ,

чѣмъ пособить себѣ въ нуждѣ; вышелъ на большую дорогу и рѣшилъ перваго, кого встрѣтитъ, взять въ кумовья. Первый встрѣчный ему былъ самъ Господь; зная, что у него было на душѣ, онъ сказалъ: «мнѣ тебя жаль, и я хочу окрестить твоего ребенка, буду заботиться о немъ и сдѣлаю его счастливымъ». — Но кто ты? «Я Господь.» — Нѣтъ, не возьму тебя въ кумовья; ты надѣляешь богатыхъ, и оставляешь голодать бѣдныхъ. Такъ сказалъ бѣднякъ, потому что не вѣдалъ онъ, какъ премудро распределяетъ Богъ и богатства и нищету. Повернулся онъ и пошелъ дальше. На встрѣчу ему дьяволъ и говоритъ: «возьми меня въ крестные отцы твоему ребенку; я надѣлю его грудями золота и всеми наслажденіями жизни». — А ты кто? «Я дьяволъ.» — Нѣтъ, ты искушаешь и обманываешь человѣка. Пустился въ путь дальше; идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумомъ». — Кто ты? спрашиваетъ бѣднякъ. «Я Смерть, которая всехъ уравниваетъ.» — Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, и ты будешь моимъ кумомъ. Въ назначенный день пришла Смерть, и крещеніе было совершено. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однажды навѣстить своего крестнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву, которая тамъ росла, и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крестнаго. Я сдѣлаю тебя славнымъ лѣкаремъ. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты меня увидишь: если буду я стоять въ головѣхъ больнаго, то смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ. Но если стану я у ногъ больнаго — онъ мой! ¹⁾ Тогда долженъ ты сказать, что всякая помощь будетъ напрасна и что никакое лѣкарство въ мірѣ не въ силахъ его спасти». Въ короткое время повсюду

¹⁾ Въ русской легендѣ наоборотъ: если Смерть станетъ въ ногахъ больнаго — онъ выздоровѣетъ, а если въ головѣхъ — то умереть. Тоже и въ разсказѣ, записанномъ г. Максимовичемъ, о мужикѣ и Смерти (смотри ниже).

разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стоить только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать, будетъ ли онъ снова здоровъ или умереть. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ. Между тѣмъ случилось заболѣть королю. Призвали лѣкаря и спросили, возможно ли выздоровленіе? Когда явился онъ у постели больного, Смерть стояла въ ногахъ и никакое снадобье не могло ему пособить. «Нельзя ли мнѣ хоть однажды перехитрить Смерть?» подумалъ лѣкаръ; конечно, ей не понравится; но вѣдь я недаромъ ей крестникъ, и она вѣрно посмотритъ на это сквозь пальцы; дай, попробую.» Онъ приподнял короля и уложилъ такъ, что Смерть очутилась въ головахъ больного; тотчасъ далъ ему травы, и король возсталъ совершенно-исцѣленный. Смерть подошла къ лѣкарю, лицо ея было мрачно и гнѣвно; она погрозила пальцемъ и сказала: «ты обманулъ меня: на этотъ разъ я тебя прощаю, потому что ты мой крестникъ; но берегись! Если попробуешь въ другой разъ сдѣлать тоже — я возьму тебя самого!»

Вскорѣ послѣ того заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь онъ плакалъ, и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королевну отъ смерти, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкаръ явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевны. Ему припомнилось было, какъ предостерегалъ его крестной отецъ; но изумительная красота королевны и счастье быть ея мужемъ разсѣяли всѣ опасенія. Онъ не видѣлъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды и грозила пальцемъ, приподнялъ больную и положилъ ногами къ изголовью, далъ ей травы — и въ ту-жъ минуту на щекахъ ея показался румянецъ и жизнь воротилась къ ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь твоя очередь настала»; ухватила его своей ле-

дяною рукою такъ крѣпко, что онъ не могъ противиться, и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновенье однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ казались перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни. Большія свѣчи принадлежатъ дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ. Но часто бываетъ, что и дѣти и юноши надѣляются небольшою свѣчою.» Лѣкаръ просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть: «вотъ, смотри!» — «Ахъ милой крѣстной! сказалъ утрашенный лѣкаръ, зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнью, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу — такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, взяла новую большую свѣчу, но приставляя къ ней старый огарокъ, парочно, изъ мщенія, его уронила: пламя погасло, и въ ту-жъ минуту лѣкаръ упалъ на-земь и сдѣлался добычею смерти. (См. также *Deutsche Hausmärchen*, von J. W. Wolf, стр. 365: «*Das Schloss des Todes*».)

Подобный-же рассказъ извѣстенъ и у венгровъ (см. *Ungarische Volksmärchen*. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier, стр. 30 — 33); только конецъ другой. Смерть креститъ у одного бѣдняка новорожденного младенца; подпивши на крестинахъ и развеселясь, она надѣляетъ своего кума чудесною силою исцѣ-

лять больныхъ, хотябъ они были при самомъ послѣднемъ издыханіи: стѣить только ему коснуться постели умирающаго или стать предъ его кроватью — и большой тотчасъ выздоровѣетъ; самъ-же онъ долженъ умереть тогда, когда скажетъ *аминь*. Преступникъ бѣдникъ дѣлается лѣкаремъ и скоро богатѣетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вздумалъ онъ навѣстить Смерть. Только что поѣхалъ въ путь, какъ встрѣтилъ плачущаго ребенка; онъ взялъ его къ себѣ и спросилъ: о чемъ ты плачешь? «Ахъ, сказала дитя, какъ мнѣ не плакать? отецъ прибилъ меня—за то, что я не знаю въ молитвѣ одного слова.» — Какое-жъ это слово? Отче нашъ? «Нѣтъ, не то!» Лѣкарь проговорилъ всю молитву до самаго конца, но отвѣтъ былъ одинъ: «нѣтъ, не то!» — Такъ вѣрно: аминь? сказалъ онъ наконецъ. «Да, сказала Смерть (это она явилась въ видѣ плачущаго ребенка); да, аминь!... и тебѣ, кумъ, аминь!» И онъ тутъ-же умеръ; сыновья его раздѣляли между собой все богатство, и если не померли, то до сихъ поръ здравствуютъ на бѣломъ свѣтѣ.

Г. Максимовичъ записалъ русскій народный разсказъ о мужикѣ и Смерти, въ которомъ тоже самое содержаніе, по обстановкѣ и подробности другія (см. Три сказки и одна побасенка, Кіевъ, въ типогр. О. Гликсберга, 1845, стр. 45—48): «Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ. — Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась — и стала изъ нея Смерть. Съ испугу онъ замахнулся на нее косою. Постой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь; я тебя сдѣлаю лѣкаремъ; только смотри, берись лѣчить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылѣчивать непременно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отказывайся. — Сказавъ это, Смерть пропала.» Пошелъ мужикъ въ Москву, и принялся лѣчить:

за кого ни возьмется, какъ рукой болѣзнь сниметь! Пронеслась объ немъ слава, отъ больныхъ отбою нѣтъ; разбогатѣлъ онъ и зажилъ въ каменномъ домѣ. «Одинъ разъ зовуть его къ богатому купцу. Приходитъ онъ; видитъ, что Смерть въ головахъ, и не берется лѣчить. — Сдѣлай милость полѣчи! что хочешь возьми. . . — Право не могу! — Вотъ тебѣ сейчасъ пятьсотъ рублей, а вылѣчишь, дадимъ пять тысячъ — вотъ и вексель! — Пять тысячъ деньги! думаетъ мужикъ; дай попытаюсь! . . . Далъ своего снадобья и ушелъ до-завтра. Только что принялъ больной лѣкарство, какъ тутъ-же и духъ вонъ. На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лѣчить; только ужъ его самого тамъ попользовали, да такъ ловко, что къ вечеру онъ слегъ въ постелю. Оглянется — а Смерть у него въ головахъ. Плохо дѣло! думаетъ мужикъ; какъ быть? и говоритъ своимъ: неловко что-то лежать мнѣ; положите-ка меня къ изголовью ногами. Переложили его; глядитъ онъ: Смерть все въ головахъ. — Охъ, все неловко! говоритъ онъ; придвиньте-ка плотнѣе кровать къ стѣнѣ, да положите меня поперекъ. Повернули его и такъ; глядитъ, а Смерть все въ головахъ, и шепчетъ ему на ухо: полно, братъ! не отвертишься. . . Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на кладбище.» — См. еще въ Народн. славян. разсказахъ П. Боричевского (стр. 82 — 87) повѣсть объ одномъ скрягѣ.

17. ВИДѢНІЕ.

Поэтическому взгляду поселянина все въ природѣ представляется живымъ, одушевленнымъ: это отразилось въ тысячѣ различныхъ примѣтъ, сказалось въ заговорахъ и пѣсняхъ, запечатлѣлось въ самомъ языкѣ и преданіяхъ. Несобранные съ нивы колосья просятъ его: «возьми и насъ съ собою!» Свое

сѣно, скошенное съ собственнаго луга, стонеть подъ гнетомъ чужаго, захваченнаго съ сосѣдскаго участка. Изгородь, поставленная въ землю верхними концами, упрасиваетъ выдернуть ее и вѣить въ землю нижними концами; по народному повѣрью, колья въ заборѣ должны стоять точно такъ, какъ стояли они, будучи живыми деревьями, т. е. корнемъ къ низу.

Соединяя съ крестнымъ знаменіемъ великую силу, прогоняющую нечистыхъ духовъ, простолудинъ убѣжденъ, что ни одно дѣло не слѣдуетъ начинать «не благословясь»; въ противномъ случаѣ не жди удачи (см. № 21 «Пустынникъ»). Если гдѣ стряпуха готовить обѣдъ или ужинъ не благословясь, если гдѣ питье и ѣтвы ставятся на столъ безъ крестнаго знаменія, то въ этотъ домъ приходятъ черти, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, пляшутъ и поютъ срамныя пѣсни; къ благословенному же столу ни одинъ бѣсъ не можетъ приблизиться (см. № 20 «Пустынникъ и дьяволъ»). Лубочная картина представляетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, ядущихъ со благодареніемъ: ангелъ Господень предстоитъ имъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, Христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кошуновъ, скверноглаголющихъ, ядущихъ безъ благословенія: ангелъ Господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде—стоя плачетъ яко видитъ: бѣсы веселящися съ ними». ¹⁾ Сосудовъ и кринокъ съ разными кушаньями и напитками не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражая сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно перекрестить, или по крайней мѣрѣ положить сверху двѣ лучины *накрестъ*. Въ легендѣ, напечатанной подъ № 18 чортъ Потанька влѣзаетъ въ опару, приготовленную безъ благословенія; въ другой легендѣ (№ 19) нечистый садится въ кувшинъ

¹⁾ См. также Этнограф. сборн., выпускъ 2, стр. 57.

съ водою, оставленный непокрытымъ. Между поселянами нашими ходить разсказъ объ одномъ мужикѣ, который подпиль на свадьбѣ и былъ уведень чортомъ. Цѣлыхъ три года пропадалъ онъ бѣзъ вѣсти, да разъ какъ-то подъ праздникъ сошлось въ торговой банѣ бѣсовское сборище и мужика съ собой привело; давай пировать, плясать, пѣсни распѣвать! до того загулялись, что пѣтухи зашѣли — и въ ту-жъ минуту сгнули всѣ черти. Остался одинъ мужикъ въ банѣ, началъ онъ стучать въ двери и насилу достучался, чтобъ отперли. Сторожѣ выпустили его изъ бани, смотреть — мужикъ весь въ лохмотьяхъ, чуть не голой вышелъ: такъ обносился! И дивуются всѣ, какъ попалъ онъ въ баню; стали его спрашивать. Мужикъ разсказалъ, что цѣлые три года таскался съ чертями по разнымъ мѣстамъ: «гдѣ свадьба, или какой праздникъ, тамъ и нечистые завсегда; придуть и засядуть на печкѣ, а какъ станутъ хозяева подавать на столъ неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды накладываютъ на блюдо всякой погани. Тоже самое и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ не благословясь — они дѣ-чиста опорожняютъ посудину, да и нальютъ туда чего хуже не выдумаешь!»

19. ПОѢЗДКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ подъ № 20, с («Пустынный и дьяволъ»). Источникомъ этой легенды послужило извѣстное сказаніе о великомъ святителѣ, о Иваннѣ, архіепископѣ Великаго Новаграда, како былъ единой нощи изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градѣ и паки възвратися», зане-

сенное въ четы-минеи и во многіе старинные сборники житій ¹⁾).

Перейдя въ область народной литературы, сказаніе это, безъ сомнѣнія, должно было подчиниться различнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; въ устахъ народа появилось оно во множествѣ вариантовъ, далеко отступающихъ отъ своего первоначальнаго источника, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ своими характеристическими подробностями. Вотъ одинъ изъ этихъ вариантовъ (изъ собранія сказокъ В. И. Дали):

Въ старые годы, когда и черти не прочь были учиться по-солдатски: маршировать и ружьемъ выкидывать, былъ-жилъ въ Питерѣ солдатъ, смѣлой да бойкой! Служилъ онъ ни хорошо, ни худо; на дѣло не напрашивался, отъ бездѣлья не отказывался. Вотъ досталось ему однажды стоять на часахъ въ Галерномъ портѣ и какъ нарочно въ самую полночь. Пошелъ онъ съ Богомъ, перекрестясь, и смѣнилъ товарища; стойтъ себѣ, да отъ нечего дѣлать выкидываетъ ружьемъ на-крауль. Глядь—идеть къ нему нечистой; солдатъ не сробѣлъ, а хотя бѣ и струсилъ, такъ чтожъ дѣлать? отъ чорта не въ воду! «Здорово, служба!» говоритъ чортъ. «Здравія желаю!»—Поучи, пожалуста, меня на-крауль выкидывать; долго приглядываюсь, а никакъ понять не смогу. «Прямой ты чортъ! сказалъ солдатъ; да гдѣ-же тебѣ понять-то? Я вотъ десять лѣтъ служу, и нашивку имѣю — а всё еще учуся ²⁾); ужъ и колотушекъ перенесъ не одну тысячу! А ты хочешь одной наглядкою взять. Нѣтъ, братъ, ужъ это больно-скоро да и дешево!» — Поучи, служивой! «Пожалуй; только за что самъ ку-

¹⁾ Рукописи славянск. и рос., принадлеж. почетному гражданину И. Н. Царскому, разобраны и описаны П. Строевымъ. стр. 434.

²⁾ Между русскими солдатами ходитъ разсказъ о томъ, какъ Никола-угодинокъ прогнѣвался за что-то на нихъ и сказалъ: «вѣкъ вы будете учиться, и не выучитесь; вѣкъ вы будете чиститься, и не вычиститесь!»

пиль, за то и тебѣ продамъ.» Поставилъ солдатъ чорта во фронтъ, и для почину какъ свиснетъ его. во всю мочь прикладомъ по затылку, ажно пошатнулся нечистой. «А! такъ ты еще нагибаешься во фронтѣ!» и давай его лупить по чѣмъ попало; отсчиталъ ударовъ десять, и видитъ, что чортъ только ножками подергиваетъ, а кричать совсѣмъ пересталъ.. «Ну, говоритъ, ступай теперь! на первой разъ довольно будетъ. Хоть мнѣ и жаль тебя, да что дѣлать? безъ того нельзя. Самъ вѣдаешь, служба всего выше, а во фронтѣ братъ, нѣту родни!» Тошнѣхонекъ пришелся чорту первой урокъ; но солдатъ говоритъ, что безъ мѹки не бываетъ науки; стало быть — такъ надо: ему лучше знать! Поблагодарилъ чортъ за ученье, далъ солдату десять золотыхъ и ушелъ. «Эка! думаетъ солдатъ; жалко, что мало билъ! то ли дѣло, кабы разовъ двадцать ударилъ: глядшь, онъ бы двадцать золотыхъ далъ!»

Ровно черезъ недѣлю досталось солдату опять стоять на часахъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Стоять онъ, выкидываетъ ружьемъ разные приемы, а на умѣ держитъ: «ну, коли теперь явится нечистой, ужъ я свое наверстаю!» Въ полночь откуда не взялся — приходитъ нечистой. «Здравствуй, служба!» — Здорово, братъ! зачѣмъ пришелъ? «Какъ зачѣмъ? учиться.»—То-то и есть! а то хотѣлъ съ-разу все захватить! Нѣтъ, дружище, скоро дѣлають, такъ слѣпыя родятся... Становись во фронтъ! командуетъ солдатъ; грудь впередъ, брюхо подбери, глаза въ начальство уставъ! Долго возился онъ съ чортомъ, много надавалъ ему тузановъ и колотушекъ, и таки выучилъ нечистаго дѣлать ружьемъ: и на-плечо, и къ-ногѣ, и на-краулъ. «Ну, говоритъ, теперь ты хоть къ самому сатанѣ на ординарцы, такъ и то не ударишь лицомъ въ грязь! только разбѣ въ томъ маленькая фальшь будетъ, что хвостъ у тебя назади великъ. Ну-ка, повѣрнись налѣво кругомъ!» Нечистой повернулся, а солдатъ вынулъ изъ

кармана шейной крестикъ, да потихоньку и нацѣпилъ на чорта. Какъ запрыгаетъ чортъ, какъ закричитъ благимъ матомъ! «А что, развѣ это вамъ чертямъ не по-нутру?» спрашиваетъ солдатъ. Чортъ видитъ, что въ просакъ попался, давай сулить солдату и серебра, и золота, и всякаго богатства. Солдатъ не прочь отъ денегъ, и велѣлъ притащить ни мало, ни много—цѣлой возъ. Въ минуту все было готово: чортъ притащилъ цѣлой ворохъ денегъ, солдатъ спряталъ ихъ въ оврагъ и закрестилъ; «а то, говорить, вы, бѣсовская сволочь! нашего брата православнаго только обманываете, вмѣсто золота уголье насыпаете!»¹⁾ — Чтожъ, служивой! молить бѣсъ, отпусти меня, сними свой крестикъ. «Нѣтъ, братъ, погоди! Деньги деньгами, а ты сослужи мнѣ и другую службу. Вотъ ужь десять лѣтъ, какъ не былъ я дома, а тамъ у меня жена и дѣтки остались; смерть хочется побывать на родинѣ да на своихъ посмотрѣть. Свози-ка меня домой; я, братъ, неизъ дальнихъ—изъ иркутской губерніи. Какъ свозишь, тогда и крестъ сниму!» Чортъ поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошелъ солдатъ къ начальству, отпросился на два дня погулять (а были тогда праздники), и сейчасъ-же къ нечистому; усѣлся на него верхомъ и крѣпко-крѣпко ухватился за рога. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесется—словно молнія! Солдатъ только поглядываетъ, какъ мелькаютъ передъ нимъ города и села: «ай-да молодець! люблю за прыть!» И не успѣлъ еще проговорить всего, глядь—ужь и пріѣхалъ. Слѣзъ солдатъ съ чорта: «спасибо, говорить; вотъ удружилъ, такъ удружилъ! Стунай тецерь, куда знаешь, а завтра на ночь при-

¹⁾ См. интересный разсказъ о превращеніи горячихъ угольевъ въ золото на свѣтлый праздникъ—въ «Картинахъ русскаго быта» В. И. Даля (Отечеств. Зап. 1857, № 10, стр. 430—434). Объясненіе этого преданія можно найти въ статьѣ моей о мноюсской связи понятій: свѣта, зрѣнія, металовъ и проч. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2).

ходи: назадъ поѣдемъ». Прогостилъ, пропировалъ солдатъ цѣлыхъ два дни, а къ ночи попрощался съ родными, и воротился на чортѣ въ Питеръ какъ-разъ въ срокъ. И вить какъ измучилъ нечистаго! чуть-чуть рогъ ему не обломалъ! Снялъ онъ съ него крестъ и не успѣлъ еще въ карманъ спрятать, глядь — а ужъ чорта нѣтъ! и слѣдъ простылъ! Съ той самой поры и не видалъ солдатъ чорта; забралъ онъ бѣсовскія деньги и зажилъ себѣ припѣваючи.

Есть еще другая сказка о томъ, какъ чортъ выучился маршировать и выдѣлывать ружьемъ всякія штуки, и пошелъ заниматься въ солдаты. Одинъ бѣдной мужикъ заложилъ ему свою душу и поставилъ его замѣсто себя въ рекруты. Плохо пришлось дьяволу, однѣхъ палокъ сколько обломали объ его спину, а тутъ еще бѣлые ремни носи на-крестъ: просто, хоть удавиться! Крѣпился-крѣпился, не выдержалъ и бѣжалъ со службы; не польстился и на душу.

Въ приведенномъ нами разсказѣ, равно какъ и въ легендѣ: «Солдатъ и Смерть», въ яркихъ чертахъ выступаетъ народный юморъ, что по нашему мнѣнію придаетъ имъ особенно-живой интересъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену печистой духъ, преобладаетъ шутивно-сатирической тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочныхъ героевъ: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ; то попадаетъ онъ подъ кузнечные молоты, то обмѣриваетъ его мужикъ на цѣлые груды золота.

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

См. въ *Kinder-und Hausmärchen*, ч. II, стр. 85. — Передаемъ еще одинъ разсказъ о труженникѣ и демонѣ-соблазнительѣ:

Жилъ въ лѣсу труженникъ, тридцать лѣтъ трудился онъ Богу, и сколько не старалась нечистая сила—никакъ не могла его смутить. Стали черти промежь себя думать, чтобы такое ему сдѣлать; думали-думали, и вотъ какъ ухитрились. Оборотился одинъ нечистой странникомъ и пошелъ мимо кельи труженника, а другой ему на встрѣчу, напалъ на него словно разбойникъ и давай душить. Труженникъ услыхалъ шумъ и крики, схватилъ топоръ и бросился на помощь; только глядь: пустился разбойникъ бѣжать отъ него въ сторону, а другой чортъ, что былъ странникомъ, лежитъ да охаетъ, едва духъ переводитъ. «Помоги, умоляетъ, доброй человѣкъ! возьми въ свою келью, пока съ силами соберуся. Совсѣмъ было задушилъ окаянной!» Взялъ его труженникъ въ свою келью; пожилъ нечистой день и два, и говоритъ старцу: «спасѣнное твое дѣло! много въ немъ благодати! Хочется и мнѣ потрудиться; оставлю жену и дѣтей и пойду къ тебѣ подъ начало». Вотъ стали они вмѣстѣ трудиться, дни и ночи стоятъ на келѣнахъ и кладутъ поклоны. Еще старецъ кой-разъ устанетъ и вздремнетъ, а новой труженникъ совсѣмъ не знаетъ устали. Прошло сколько-то времени, и сталъ нечистой говорить старцу: «не добро намъ вмѣстѣ трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или другъ дружку осудишь. Давай, перегордимъ келью на-двое и станемъ жить всякой въ своей половинѣ». Такъ и сдѣлали. Разъ какъ-то захотѣлось старику посмотреть, что дѣлается у сосѣда; крѣпился онъ, крѣпился, и не выдержалъ. Взлѣзъ на перегородку и просунулъ голову; смотреть: стоятъ на столѣ бутылки съ виномъ и разныя скоромныя ѣствы, а за столомъ сидитъ чудная-чудная красавица. «А, такъ ты за мной подсматривать! сказала нечистой; схватилъ его за бороду и перетаскилъ на свою сторону.» Выбирай теперь любое за свою провинность: хочешь—вина выпей, или мяса съѣшь; хочешь—блюду сотвори. А не то, братъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ;

у меня коротка расправа!» Какъ быть? думаетъ старецъ; что мнѣ сдѣлать? Если мяса съѣмъ—теперь постъ, будетъ большой грѣхъ; если блудъ сотворю—грѣшнѣе того будетъ; выпью лучше я вина. Выпилъ одинъ стаканъ, и самъ ни знаетъ, отъ чего вдругъ повеселѣлъ; а чортъ ужъ другой ему подставляетъ. Выпилъ и другой, и третій, и забылъ про свое спасеніе: наѣлся скоромнаго и блудъ сотворилъ. «Пойдемъ теперь воровать! говорить нечистой. За-одно ужъ грѣшнить; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!» Пошли ночью въ деревню, залѣзли въ кладовую, и ну забирать чтò подъ руку попало. Чортъ нарочно какъ застучить: такого грохоту надѣлалъ, что хозяева проснулись, тотчасъ схватили старика и посадили его въ тюрьму. А чортъ въ ту-жъ минуту невѣдомо куда пропалъ. На утро собрался народъ и присудилъ повѣсить вора: «этихъ старцевъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только норовятъ въ клѣтъ забраться!» Привели вора на базарную площадь, встали на висѣлицу и накинуди петлю на шею; вдругъ откуда не взялся нечистой, сталъ къ нему подъ ноги и началъ его поддерживать. «Что, спрашиваетъ, небось испугался?»—Какъ не испугаться! говоритъ старецъ; смерть моя приходитъ. «А ну, посмотри: не увидишь ли ^тчего?» — Вижу: обозъ идетъ. «А великъ?» — Да такъ великъ, что одинъ конецъ ужъ давно проѣхалъ, а другаго еще и не видать! «Съ чѣмъ обозъ?» — Со старыми, дырjавыми лаптями. «Это, братъ, тѣ самые лапти, чтò мы оттоптали въ трудахъ и хлопотахъ, чтобы какъ-нибудь тебя смутить. Не видишь ли еще чего?»—Вижу: болото огнемъ горитъ, а въ огнѣ котлы кипятъ. «Тамъ и мы съ тобой будемъ жить!» сказалъ дьяволъ и столкнулъ старца съ своихъ плечъ. Такъ и погибъ онъ на висѣлицѣ смертію грѣшника. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Въ собраніи рукописей Царскаго, въ сборникѣ начала XVIII вѣка, находится между прочимъ: «Слово рѣчемо о бражникѣ, како вииде въ рай Божій» (начало: «Бѣ нѣкій человекъ бражникъ, пьющъ въ праздники Господня до обѣда, а за всякимъ ковшемъ Господа Бога прославляя») ¹⁾. Легенда эта живетъ и въ устахъ народа. Одинъ разскащикъ такъ передавалъ намъ прѣніе бражника съ апостоломъ Петромъ: пришелъ бражникъ къ райскимъ вратамъ, у которыхъ стоялъ съ ключами апостоль Петръ. «Пусти меня въ рай!» — Нельзя, говоритъ апостоль, ты пьяница. «Не стыдно-ль тебѣ говорить это? Ты самъ отрекался отъ Господа, а вотъ теперь по милости его держишь ключи отъ рая.» — См. также «Русскую Бесѣду» 1859 г., № 6.

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій. Она представляетъ весьма близкій варіантъ «Приклада о гордомъ цесарѣ Евинянѣ» (въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній») ²⁾. Въ народѣ повѣсть эта разсказывается въ такомъ видѣ:

¹⁾ Рукописи славян. и русс. И. Н. Царскаго, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 532.

²⁾ Ibidem, стр. 496, 610. Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 185, 196—7. Равнымъ образомъ и легенда о царевичѣ Евстафій (№ 23) носитъ на себѣ слѣды книжнаго происхожденія.

ГОРДЫЙ БОГАЧЪ.

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ панъ, такой богатой, что карбованцы мѣрялъ коробами, золото четвериками, а въ мѣдныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земли, лѣсовъ, покосовъ—нечего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая-жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ бѣднѣе насъ грѣшныхъ; а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой силѣ. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ въ церкви Божіей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зачѣмъ туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотреть, что такое тамъ дѣется, и вотъ на праздникъ Господень пошелъ панъ вмѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглядываютъ по сторонамъ да хохочутъ. Сталъ дьяконъ читать: «богатые обнищаютъ и взалкаютъ...»—какъ бѣжить къ нему панъ, вырвалъ изъ рукъ книгу и хватъ дьякона по лысинѣ: «какъ смѣешь ты, дурень, такія слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взалкать? Ахъ ты, кутейникъ! погоди-жь, я тебѣ покажу, какъ надо мною смѣяться!.. Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такія рѣчи, то я такъ поподчую тебя на конюшнѣ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь! Подай чернилицу». Дьяконъ не живъ, не мертвъ со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а попъ въ олтарѣ спрятался и тресется бѣдненькой словно въ лихорадкѣ. Принесъ дьяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучь! говорить панъ, что замаваю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялась буря, молнія поминутно блещетъ, громъ все сильнѣй и силь-

нѣе, а потомъ какъ ударить — Господи, твоя воля! — всѣ, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились на полъ. Только панъ съ папеею стоять да хохочуть. Прибѣжалъ староста: «бѣда! говорятъ, господской домъ горить!» Принялись тушить; да пѣтъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все начисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станетъ дякопъ читать въ церкви и только дойдетъ до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ, — всякой разъ, откуда что возьмется, загромить да и загромить на небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собрали народу — человекъ съ двѣсти будетъ, да и собакъ столько-же. Съли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисецъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся-бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летитъ на конѣ, а звѣрь еще быстрѣе ¹⁾). Вотъ близко, вотъ нагонитъ, не тутъ-то было! Уже и полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — а онъ все гонится за краснымъ звѣремъ. Настала черная ночь, въ лѣсу хоть глазъ выколи — ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, не отклякнутся-ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумитъ. Затрубилъ въ другой и въ третій разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторяетъ: тру-тру-тру! Ёдетъ панъ дальше; уже сдается ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявыя шумятъ верхушками. Уже

¹⁾ *Вариантъ:*пустилъ панъ стрѣлу — мимо,пустилъ другую — не пала,пустилъ третью — и та не угодила.Поскакалъ онъ за звѣремъ, быстро несется на конѣ...

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ едва на конѣ сидитъ. Вдругъ блеснулъ огонёкъ. Панъ снова заигралъ въ трубу, чтобъ вышли къ нему на встрѣчу, коли есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и сдѣлалось. Выскочили изъ-за деревьевъ человѣкъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по-пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снопъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голой, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся: вокругъ огня сидятъ разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Чтожь вы, сволочь, барина не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай подбивать его батогами. «Полно! снова заревѣлъ атаманъ; отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; намъ онъ больше не нуженъ, а волкамъ пригодится: лакомой будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоитъ панъ сутки, стоитъ и другіе — нѣтъ мочи терпѣть: внутри огнемъ палитъ, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покаяться; на умѣ одно держитъ: какъ ворочусь домой, сейчасъ-же соберу крестьянъ и пойду душить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!

Недалеко отъ Волчей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ пастухи и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобъ усесться самимъ подъ сосною и плестъ въ холодку лапти. Какъ-же они удивились! стоитъ у сосны голой человѣкъ; по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говоритъ одинъ пастухъ; посмотри-ка: человѣкъ привязанъ въ чемъ мать породила, и весь-то избитой, весь-то въ крови! Пойдемъ, отвяжемъ его; можетъ, еще живъ!» — Чтожь? отвяжемъ, говоритъ другой. Съ этимъ словомъ

они подошли къ соснѣ и распутали веревки. Панъ то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ: «эй, ты молодець! сними-ка свою сермягу да подай сюда. Хоть твой нарядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодяи, съ кѣмъ вы дѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ!... Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на баряпа: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человѣче, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; я тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одѣжѣ. «Ахъ ты, хамское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину?... Вотъ я васъ! дайте дѣ до дому добраться.» Расходился панъ, и ну тащить съ пастуха свитку (верхняя долгополая одежда). «Такъ вотъ оно что! сказалъ пастухъ; тебя съ привязи спустил, а ты и кусаться лѣзишь! Вотъ-же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою (кнутомъ). Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ: шлёпъ да шлёпъ, шлёпъ да шлёпъ. Какъ припустилъ панъ въ сторону, откуда ноги взялся. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ ни выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идутъ старцы (нищіе, странники). Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостиной. Дорогою онъ разсказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатить своимъ обидчикамъ и какъ наградить старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы (мѣшки) стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскіе хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь! сказалъ панъ; развѣ не видите, хамы! что вашъ господинъ идетъ?» — Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ! «Врѣте, скоты! я — вашъ панъ!»

— Ну, братъ, погоди маленько! Панъ полѣзь было драться, да куда! схватили его за руки и повели къ пани. Какъ услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ея мужемъ, разгнѣвалась и приказала выстѣчь его плетьюми и зарыть живаго въ землю. Чтò ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а схоронили его заживо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обвиняють и взалкають», и при чтеньи дякона уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Та-же мысль, которая дала содержаніе настоящей легендѣ, выражена и во многихъ духовныхъ стихахъ (см. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 183—5, 208 и 211):

Ссылаеть Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, все мпловивыхъ,
 По его по душеньку по Лазареву.
 Вынимали душеньку честно и хвально,
 Честно и хвально въ сахарны уста;
 Да приняли душу на пелену,
 Да вознесли-же душу на небеса...
 Сослалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его по душу по богачёву;
 Вынули его душеньку не честно, не хвально,
 Не честно, не хвально, скрозь рёберъ его.
 Да вознесли-же душу вельми высоко,
 Да ввергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоё злую муку, въ геенскій огонь.

27. КУМОВА КРОВАТЬ. — 28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

Подробности, встрѣчаемыя въ этихъ двухъ легендахъ, нередко соединяются въ одинъ рассказъ: грѣшникъ, утраченный тѣмъ огненнымъ ложемъ, которое ожидаетъ его по смерти и о которомъ упоминаетъ первая легенда, предается покаянію и подвергаетъ себя той трудной эпитимѣ, о которой читаемъ во второй легендѣ. Таковы редакціи польская и литовская, на которыя сейчасъ будетъ указано; но прежде приведемъ бѣлорусской вариантъ:

Быу панъ и пани. Гэтый панъ ѣхау дарогой и заблудзюу у лѣсѣ. Заблудзюу у лѣсѣ и споткаусе (встрѣтился) съ чортомъ, и просе ягò, кабъ јонъ показау ямù дарогу. Той чортъ сказау ямù: «дай мнѣ на письмѣ, што у дванадцаць годоу оддаси мнѣ то. чаго дома не покидау.» Јонъ дау картачку (письмо, росписку). Пріѣхау панъ дамоу, ажъ ягò жонка родзила сына. Ну, дыкъ той панъ узаяся за галаву, што у дванадцаць лѣтъ треба аддаць сына у пекла (адъ). Якъ пришло время, сынъ и каже: «я пайду у пекла, кабъ чортъ аддау мнѣ тую картачку, што бацька дау ямù.» Узая јонъ вады свяцонай и кеѣншку (книжку — здѣсь разумѣется: евангеліе), и приходзе до пекла, и зачау той вадой свянциць. Ажъ выходзе чортъ, вытаетца, хто тутъ такій? Јонъ каже: «я иду по тую картачку, што ты узая у бацьки.» Дыкъ яны и аддали ямù. сказали: идзи сабѣ! Јонъ идзе дамоу пиразь (черезъ) лѣсѣ, ажъ у тымъ лѣсѣ стоиць хатка, а у тэй хатцѣ разбойникъ. Пытаетца разбойникъ: «гдѣ ты быу?» Јонъ кажець ямù: «у пеклѣ». Гэтой разбойникъ каже ямù: «верниси изноу у пекла, пытайсе тамъ, што мнѣ будзе, што я цѣлый вѣкъ усѣ людзей рѣжу». Јонъ стау з' нимъ спиратца (спорить): «не пайду у пекла!» — Якъ ты не пайдзешъ? я усихъ людзей бую, дыкъ

и тебе забью, кали не пайдзешь. Ну, јонъ пашоу у пекла взнаю и пытаетца, што гэтому разбойнику будзе, што јонъ людзей рѣже? Черти сказали яму: «якъ јонъ людзей рѣже, такъ и ягò рѣзаць будуць». Јонъ вернуусе съ пекла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: «якъ ты людзей рѣзау, такъ и тебе рѣзаць будуць!» Дыкъ јонъ просе выснавадаць ягò. Той мальчикъ каже: «я не кеѣндзь (священникъ) тебе спавядаць». — Кали не будзешь спавядаць, я тебе зарѣжу! Ну, јонъ зачау спавядаць ягò. Разбойникъ каже, кабъ покуту (эпитимья, покаяніе) задау. Јонъ пашоу у лѣсъ з' нимъ, знашоу сухую яблыну и кажець: носи съ своей хатци воду у губѣ (во рту) на колѣняхъ и поливай яе, ажъ поки япа ни отживецъ и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забну, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ поѣхау дамоу до своего бацьки. Бацька одлау ягò учитца; јонъ выучнуса и высвяцинуса на кеѣндза (посвятился въ пошы). Ђдзе јонъ дамоу са школы празъ той лѣсъ, идзѣ быу разбойникъ, и чуе — яблыки пахнуць; стау шукаць (искать), и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць, — ажъ подъ тѣй яблыной ляжиць умершій разбойникъ. Јонъ узду ягò, павѣзъ съ собой и сховау (схоронилъ) подъ церковой.

Г. Кулишъ внесъ малоросійскій варіантъ этой легенды въ сказаніе о странствованіи по тому свѣту (Записки о южной Руси, т. I, стр. 309—114): Былъ гайдамака, долго грабилъ онъ народъ, убивалъ стараго и малаго, а послѣ одумался, пошелъ исповѣдаться; ни одинъ попь не рѣшился наложить на него очистительной эпитимьи. «Дали почуѣвъ, що есть десь такій піпъ, що ще маленькымъ батько продавъ ёго вечістому, за те, що помігъ у дорозі вїрятовати вòза съ калюжи; такъ вінъ и въ пеклі вже бувъ... Идѣ, ажъ той піпъ и иде ёму назустрічь. Питаётца: чи ти бóувъ у пеклі? — Бувъ. — А чи бачивъ же ти тамъ мою дúшу? — Бачивъ. — Щòжъ

вона тамъ рѣбить? — Гадъ рука́ми зъ я́ми до я́ми но́сить, а чортї́ о́стями її́ поганя́ють». Сталь каяться гайдамака, тридцать лѣтъ трудился онъ — и выросла яблоня, на ней все серебряныя яблоки, а два золотыхъ. Приѣхалъ попъ. «Ну, каже, трусей! Струсу́въ гайдама́ка я́блуню — усі́ сері́бні я́блука обсы́пались, а дво́е золоты́хъ висіть... — Оце́-жъ твої́ два грі́хї висіть, що ти отця́ її́ ма́тірѣ убі́въ!» Такъ и умеръ гайдамака, непрощенный въ этихъ двухъ грѣхахъ, и мучится онъ на томъ свѣтѣ горше всехъ другихъ грѣшниковъ: «усі́мъ бѣде колі́сь шлі́га, а ё́му не бѣде!»

Въ польскомъ народномъ разсказѣ о разбойникѣ Мадей (Повѣсти и преданія народовъ славян. племени, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—135) и въ литовскомъ о студентѣ, который ходилъ на небо и въ адъ (*Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Weimar, 1857 г., стр. 75—79*), покаяніе грѣшника не остается неуслышаннымъ, и Господь прощаетъ ему все тяжкія преступленія. Разбойника ожидала на томъ свѣтѣ страшная постель: раскаленная рѣшетка, вся изъ иглъ, острыхъ ножей и бритвъ; снизу пылалъ неугасимый огонь, сверху капала горящая сѣра. Ужаснулся Мадей и обрекъ себя на трудное покаяніе: воткнулъ въ землю свою убіійственную палицу и преклонилъ колѣна, съ обѣтомъ — не сходить съ мѣста, пока не получитъ отъ Бога прощенія. Прошло много, много времени: изъ палицы выросла яблоня, разцвѣла и дала обильные плоды. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей узналъ въ немъ того самаго мальчика, который нѣкогда ходилъ въ адъ, и умолялъ его дать ему разрѣшеніе грѣховъ. Въ то время, какъ исповѣдывалъ онъ свои старыя грѣхи, — яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и уносились на небо. «Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго онъ за-

мучилъ страшнымъ образомъ; но боялся признаться въ беззаконіи. Наконецъ Господь услышалъ исповѣдь сокрушеннаго сердца. Яблочко мгновенно превратилось въ сизаго голубя, который исчезъ въ слѣдъ за другими.» См. также *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 176—8. Это преданіе о превращеніи душъ, убитыхъ Мадеемъ, въ голубей тѣсно связано съ древне-языческимъ представленіемъ души человѣческой въ образѣ птицы, о чемъ подробнѣе смотри въ статьѣ моей, помѣщенной въ приготавливаемомъ г. Калачовымъ 3-мъ томѣ Архива историко-юридич. свѣдѣній о Россіи ¹⁾).

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Въ народныхъ стихахъ и легендахъ пьянству произносится строгое осужденіе, какъ такому пороку, который потемняетъ человѣку рассудокъ и вызываетъ его на всевозможные грѣхи и преступленія. По свидѣтельству напечатанныхъ нами легендъ и лубочныхъ картинъ пьяницы пойдутъ въ муку вѣчную, и вмѣстѣ съ сатаною будутъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. «Нѣкоторый человѣкъ піяница (читаемъ подъ однимъ лубочнымъ изображеніемъ) пропился на кружалѣ до пага и рече: не знаю что пропить! аще бы былъ купецъ, продалъ бы душу свою. И приде къ нему діаволь во образѣ человѣческомъ. и рече ему: что, человѣче, думаеши?—А то я думаю: не знаю что съ себя пропить! аще бы купецъ—продалъ бы душу свою. И даде діаволь ему денегъ. Піяница сълъ и началъ пити, не помышляше о душѣ своей. И приближися вечеръ. Тогда

¹⁾ Въ Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности (СПБ., 1832 г., изд. 2-е, стр. 299—345) народная легенда о кающемся разбойникѣ передѣлана г. Олвинымъ въ повѣсть, но весьма неудачно.

рече діаволь: аще кто купитъ коня, подобаеть ему взяти и узду. А вы, сторонніе люди!—свидѣтели: кушилъ азъ у сего чловѣка душу, то подобаеть взяти мнѣ и тѣло. И напале на людей страхъ велій. Діаволь же взялъ піаницу и потащилъ во адъ на мѹку вѣчную». ¹⁾ На опойцахъ черти возять на томъ свѣтѣ дрова и воду (см. № 27 «Кумова кровать»). Самая выдумка выеиживать хлѣбное вино приписывается дьяволу. Въ сатирической «Повѣсти о многоумномъ Хмѣлю» встрѣчаемъ слѣдующее преданіе: «Въ древнее время былъ чловѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ чловѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь скверну чловѣческихъ дѣлъ очистить и сотворитъ потопъ на землѣ. И послалъ къ нему. Ною Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ною сотворитъ ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію созидалъ ковчегъ тринадцать мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаеть... Дьяволь сказалъ женѣ Поевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой? Она же сказала ему: крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны. Дьяволь же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ. вѣется по деревьямъ; имя ей хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напои, и онъ повѣдаеть тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаеть. И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пиши ради, и сказалъ женѣ своей: жено! дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить. Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: итѣ ли еще? Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочитъ; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: куда, господине мой, ходишь и что творишь? Ной и разсказалъ ей все... На утро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ

¹⁾ См. легенду «Пустынникъ» (№ 21) и другую зубочн. картину: «О піявствѣ сказать безъ примѣсу—отъ мастеровыхъ вдался бѣсу».

плакать. И явился ему ангелъ Господень, и сказалъ ему: не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ» ¹⁾). Въ сборникѣ Боричевскаго (Народ. слав. рассказы, стр. 167—182) находимъ любопытный бѣлорусской рассказъ такого содержания: жилъ-былъ бѣдной мужикъ; взялъ онъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику пообѣдать; хватъ—а хлѣба нѣту! «Чудное дѣло! сказалъ мужикъ; никого не видалъ, а краюшку кто-то унёсъ. А, на здоровье ему! авось съ голода не умру.» Пришелъ чортъ въ цекло и рассказалъ обо всемъ наибольшему дьяволу. Не понравилось сатанѣ что мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще сказалъ ему на здоровье! И послалъ онъ назадъ чорта: «ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото—у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлѣбъ; въ мокрое, дождливое лѣто засѣялъ по отлогимъ горамъ—у другихъ все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за работу: давай затирать да виспиживать горькуху, и такъ умудрился! Послѣ отъ него все переняли дѣлать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по бѣлому свѣту!

Подобный-же рассказъ о происхожденіи хлѣбнаго вина существуетъ и между татарами нижегородской губерніи, съ такимъ дополненіемъ: приготавливая вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисьей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Отъ того если человѣкъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у

¹⁾ Русск. Вѣстникъ 1856 г., № 13, стр. 21—23 (статья г. Буслаева). Сличъ съ легендою о Ноѣ Праведномъ (№ 14). См. также Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, Пышина, стр. 204—5.

него гладенькой, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотритъ; а много выпьетъ — съѣдается у него свирѣпой, волчій правъ; а еще больше выпьетъ — и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ.

Кромѣ того, поселяне наши отъ души вѣрятъ, что нечистой всегда подстерегаетъ пьянаго и готовъ затащить его въ болото или въ трущобу. Одному, напримѣръ, мужику случилось позднимъ вечеромъ ворочаться домой съ веселой пирушки. На встрѣчу ему незнакомой. «Здоровъ будь!» — Здравствуй! Слово за слово — «зайдемъ ко мнѣ, говоритъ встрѣчной; обогрѣмее и выпьемъ по чаркѣ, по другой.» — Отчего не выпить! Пришли. Взялся мужикъ за чарку, и только перекрестился — глядь! стоитъ по горло въ омутѣ, въ рукахъ колъ держитъ, а товарища какъ не бывало!

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Легенда эта распадается на двѣ части. Вторая ея половина, содержащая въ себѣ рассказъ о садовникѣ Иванѣ Шолудивомъ, есть не что иное, какъ вариантъ весьма распространенной въ народѣ сказки, героемъ которой является Незнайка. Первая же половина носитъ чисто-легендарный характеръ, и составляетъ отдѣльное цѣлое. — Въ собраніи В. И. Даля находится апокрифическая

ПОВѢСТЬ О СЫНѢ КРЕСТНОМЪ, КАКО ГОСПОДЬ КРЕСТИЛЪ МЛАДЕНЦА УБОГАГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ: живяше нѣкій убогій человекъ во всякомъ убожествѣ, и по времени

¹⁾ Очевидно выписана изъ какого-нибудь рукописнаго сборника; но къ сожалѣнію свидѣній объ этой рукописи не сообщено.

жена его роди сына... Рече жена мужу своему: «поди позови воспріемника, кто-бъ крестиль чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто-же къ нему не пдетъ; скудости ради гнушаются. Онъ-же поиде въ домъ свой горько плакася, и встрѣте его иѣкоторый мужъ лицемъ свѣтелъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спросиша его: «чадо! что зло плачуши? повѣждь ми; азъ печаль твою излѣчу и на радость приложу». Той-же рече ему: «како мнѣ не плакати! родися у меня сынъ, не изыщу къ себѣ—кто-бъ былъ воспріемникомъ и крестиль его; никто не иде, и скудости моей ради гнушаются мною». Той-же пресвѣтлый мужъ рече ему: «гряди, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждать; азъ воспріемникомъ граду и окрещу твоего дѣтища». Убогій же поклонися ему до земли... Прииде тотъ свѣтлый мужъ-нарѣченный кумъ, рече іерею: «отче святыи! азъ хочу воспріемникомъ быть и окрестить сего младенца». Приемъ отъ іерея благословеніе. и окрестиша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златицы... Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопрошиша родителя своего: «есть ли у меня отецъ крестный?» Мать его рече ему: «чадо! отецъ твой тако безумень: сотворилъ твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позвалъ и о имени его не повѣдалъ; и мы его по сіе время не имамъ знати». Младенецъ-же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И прииде праздникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ прииде въ церковь и ста въ такомъ мѣстѣ, идѣ-же Спасителевъ образъ; зрять на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помыслиша: «даждь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго; не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися». Отпѣли утреню, и прииде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украшенъ лицемъ, аки солнце сіяюще, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлый мужъ младенцу:

«сыне мой крестный, Христосъ воскресе!» И поцѣловалъ младенца и даша ему два яйца. Младенецъ-же отвѣща: «воистинно воскресе!» Тако-жъ мужъ вопроша младенца: «знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенецъ рече ему: «отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рекъ ему свѣтлый изрядный мужъ: «азъ есмь отецъ твой крестный»... Младенецъ-же прииде въ домъ свой и пача съ родителями своими христосоватися, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуся и между собою глаголаху: «таковыхъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтица своего: «кто ихъ тебѣ даде?» Онъ-же рече: «отецъ мой крестный даде мнѣ». — Како тебѣ отца крестнаго знати?... Младенецъ рече имъ съ клятвою: «воистинно далъ мнѣ отецъ мой крестный». Егда младенецъ поиде къ литургіи и виде въ церковь, и ста въ томъ же мѣстѣ, зря на Спасителевъ образъ, со слезами и со всякимъ умилениемъ моляшеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! даждь ми видѣти домъ отца моего крестнаго». Отпѣли литургію Божію, и виде младенецъ: церковное небо растворилось и много грядущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во золотыхъ ризахъ... И предстоящему народу никому невидимо взяша его на высоту и вознесоша даже до... девятаго неба. И младенецъ ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «чадо! не убойся, не опалимъ тя пламеніемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенецъ, яко палата украшена, въ ней-же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу слявшае. И введоша его во другую палату, и видѣ младенецъ, яко палата украшена лѣнотою паче первыя, въ ней-же сѣдшае пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерицею и содѣано въ ней двѣнадцать престоловъ, украшены серебромъ и золотомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посредѣ единъ престолъ превыше

всѣхъ, преодѣявъ багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, непрестанно славяща Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. И видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Иисуса Христа; на немъ порфира царская, въ рукѣ держить скипетръ, судить дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «поди, сыне мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю». И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволилъ изыти въ иную палату. Младенецъ-же одѣяйся во порфиру царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и вземъ въ руцѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творить добрыя дѣла и худыя, и рай и мѹку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судить дѣла человѣческія:

1-й с у д ѣ .

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковь, хотяше святую церковь ограбити, и рече: повели, Господи, церкви обрушиться и подавить грабителей. И того часу церковь подавила ихъ безъ покаянія.

2-й с у д ѣ .

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяше нѣкоторую обитель разбити, и рече: повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубятъ святую обитель. Того-часа корабль погрузишася въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3-й с у д ѣ .

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣкотораго купца, богатаго человѣка, во храминѣ жена его отъ мужа своего творяше блудъ съ прелюбодѣями, и рече: повели, Господи, сей храмилѣ

обрушится и подавити прелюбодѣевъ. И того часа повалилась храмина, и съ ними много неповинныхъ безъ покаянія подавила.

4 й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ градѣ люди творять много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: повели, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалитися сквозь землю. И того часа бысть такъ: погибоша множество неповинныхъ безъ покаянія.

Господь-же умилосердися надъ народомъ, не хотя созданія своего безъ покаянія погубити, и внидоша во святую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдяща на престолѣ: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судитъ дѣла человѣческія. Господь рече ему: «сыне крестный! немилостиво судили. Посидѣлъ ты на моемъ престолѣ четверть часа, и погубилъ ты безъ покаянія народу на землѣ три ты тысячъ человѣкъ; аще-бъ ты еще тако-же время посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оставилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азъ, Господь, творецъ всѣмъ человѣкомъ, ... не хочу смерти грѣшника и ожидаю покаянія...» И взыде Господь на престолъ свой, и приеъмъ отъ крестна сына порфиру царскую и вѣнецъ и возложи на себя, и приеъмъ въ руцѣ скипетръ, и сяде на престолѣ своемъ, и нача судити дѣла человѣческія. И повелѣ двумъ ангеломъ сына своего крестнаго снести съ высоты небесныя... Тогда ангели его приняша и понесоша въ домъ родителя его. Родители-же вопроша его: «гдѣ толикое время былъ еси послѣ обѣдни?» Онъ повѣдаше: «азъ былъ въ домѣ отца моего крестнаго». Они-же не поняша ему вѣры: «чадо! неправду глаголешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаеши домъ его?» И рече имъ съ клятвою: «вонистивно я былъ у него!»

Легенда оканчивается такъ: мальчикъ ради душевнаго спасенія покидаетъ родительскій домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, мощи труженника были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

Народная нѣмецкая сказка: «Der Schneider im Himmel» имѣетъ близкую связь съ этою апокрифическою повѣстью. Портной приходитъ къ дверямъ рая и упрасиваетъ апостола Петра впустить его на небо. Сначала тотъ не соглашается; но послѣ — тронутый чувствомъ состраданія — отворяетъ для него райскія врата: портной долженъ тихо и смиренно уѣсться въ уголку за дверями, такъ чтобы Господь не замѣтилъ его прееутствія и не разгнѣвался. «Der Schneider gehorchte, als aber der heilige Petrus einmal zur Thüre hinaus trat, stand er auf, gieng voll Neugierde in allen Winkeln des Himmels herum und besah sich die Gelegenheit. Endlich kam er zu einem Platz, da standen viele schöne und köstliche Stühle und in der Mitte ein ganz goldener Sessel, der mit glänzenden Edelsteinen besetzt war; er war auch viel höher als die übrigen Stühle, und ein goldener Fuss-schemel stand davor. Es war aber der Sessel, auf welchem der Herr sass, wenn er daheim war, und von welchem er alles sehen konnte, was auf Erden geschah.» Портной сѣлъ на золотое кресло, взглянулъ на землю «und bemerkte eine alte hässliche Frau, die an einem Bach stand und wusch, und zwei Schleier heimlich bei Seite that. Der Schneider erzürnte sich bei diesem Anblicke so sehr, dass er den goldenen Fuss-schemel ergriff und durch den Himmel auf die Erde hinab nach der alten Diebin warf... O du Schalk, sprach der Herr, wollt ich richten wie du richtest, wie meinst du dass es dir schon längst ergangen wäre? ich hätte schon lange keine Stühle, Bänke, Sessel, ja keine Ofengabel mehr hier gehabt, sondern alles nach den Sündern binabge-

worfen. Fortan kannst du nicht mehr im Himmel bleiben, sondern musst wieder hinaus vor das Thor: da sieh zu wo du hinkommst. Hier soll niemand strafen, denn ich allein, der Herr.» (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 35.)

Есть также легенда о крестницѣ Пресвятой Дѣвы: въ прекрасномъ сборникѣ норвежскихъ сказокъ (Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Albjörnsen und Jörgen Moe, ч. 1, № 8) находимъ одну подъ заглавіемъ «Die Jungfrau Maria als Gevatterin». У одного бѣднаго челоуѣка родилась дочь; долго некаль и просилъ онъ, чтобы взялся кто-нибудь окрестить его ребенка; всѣ знали, что онъ бѣденъ, и никто не соглашался. Тогда предстала ему прекрасная жена, въ великолѣпномъ одѣяніи, и сама пожелала быть у него кумою. Она окрестила дѣвочку и взяла ее съ собою. Прошло много годовъ; дѣвочка выросла и поумѣла. Однажды крестная мать собралася въ путь. «Ты можешь, сказала она крестницѣ, ходить по всему дому; не входи только въ эти три комнаты.» Любопытная дѣвушка нарушила приказаніе, и заглянула въ одну запретную комнату, но едва отворила она дверь, какъ вдругъ улетѣла оттуда звѣзда. Воротаясь домой, крестная мать хотѣла прогнать виновную, но дѣвушка такъ горько плакала и такъ упрашивала, что она смягчилась и простила ее. Но и послѣ того не выдержала крестница испытанія, и заглянувъ во вторую запретную комнату, видѣла, какъ улетѣлъ оттуда мѣсяцъ: и на этотъ разъ ей удалось вымолить себѣ прощеніе. Наконецъ рѣшилась она отворить дверь и въ третью комнату, и только отворила, какъ улетѣло оттуда солнце. Тогда крестная сказала ей: «выбирай какое хочешь наказаніе: или будешь ты нѣмою, но за то красивѣе всѣхъ женщинъ, или сохранишь даръ слова, но сдѣлаешься самою безобразною». Дѣвушка выбрала первое. Нѣмая — она должна была покинуть свой счастливый приютъ и искать себѣ другаго пристанища. Долго шла она тем-

нымъ лѣсомъ, и когда настала ночь—вѣзла на дерево, возлѣ котораго протекалъ источникъ; сѣла на его вѣтвяхъ и крѣпко заснула. На другое утро рано пришла за водой служанка изъ королевскаго замка, и только хотѣла почерпнуть—глазамъ ея представился прекрасный образъ дѣвушки, отражавшійся въ чистомъ зеркалѣ источника. Это я! подумала она, бросила ведро, воротилась домой и сказала: «я слишкомъ хороша, чтобы таскать воду!» Пошла другая служанка, и съ нею случилось тоже. Пошелъ самъ королевичъ, желая узнать—въ чемъ дѣло. Онъ увидѣлъ красавицу, взялъ ее во дворецъ и сдѣлалъ своей женою. Когда родилось у нихъ первое дитя, въ то время невидимо явилась ей крѣстная: разрѣзала ребенку палець, вымазала родильницѣ его кровью ротъ и руки, а самаго ребенка взяла съ собою. Старая королева стала говорить своему сыну: «жена твоя вѣдьма! ты видишь—она пожрала свое собственное дитя», и настаивала, чтобъ ее немедленно предать сожженію. Но принцъ такъ сильно любилъ свою подругу, что не въ силахъ былъ разстаться съ нею, и потому простилъ ее. Тоже самое случилось и со вторымъ его ребенкомъ, и съ третьимъ. Что могла сдѣлать несчастная, обвиняемая въ смерти своихъ дѣтей? Она была нѣма, и ни одного слова не могла вымолвить въ свое оправданіе. Королевичъ приговорилъ наконецъ свою жену къ страшной казни сожженія, и вотъ повели ее на костеръ... Въ ту самую минуту явилась ей крѣстная мать. «Я—Дѣва Марія, сказала она; и какъ тебѣ было тяжело лишаться своихъ дѣтей, такъ мнѣ было тяжело твое непослушаніе, когда ты выпустила звѣзду, мѣсяць и солнце. Но теперь ты ужъ довольно наказана!» Тутъ возвратила она своей крестницѣ и даръ слова и тронныхъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ все они жили въ радости и счастіи.

Подобные-же рассказы встрѣчаются и у другихъ народовъ: см. *Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 179 — 181. Между валахскими сказками (*Walachi-*

sche Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 2) есть одна слѣдующаго содержания:

Жилъ бѣдной дровосѣкъ. Съ горя и нищеты думалъ онъ уже повѣситься на деревѣ, какъ явился чортъ. «Что ты хочешь дѣлать?» спросилъ нечистой. — Хочу повѣситься, отвѣчалъ бѣднякъ; я не въ силахъ болѣе таскать дрова. Чортъ обѣщалъ ему доставить много золота и серебра, если онъ обѣщаетъ уступить ему то, что первое встрѣтитъ его вечеромъ при возвращеніи домой. Дровосѣкъ согласился. Когда подходилъ онъ къ своей избѣ, на встрѣчу къ нему выбѣжала дѣвочка, его единственное дитя, и съ радостью сказала: «скорѣй, отецъ! посмотри, что за чудо сотворилъ Господь съ нами: подстилка, насланная для козъ, и клочки пряжи, брошенные на-земь, — все превратилось въ чистое золото». На другой день поутру повелъ дровосѣкъ свою дочь на то самое мѣсто, гдѣ являлся ему чортъ; тамъ приказалъ ей дожидаться своего прихода и оставилъ ее одну. Дѣвочка сѣла на травѣ и прождала до вечера. Болзнь овладѣла ею, и она готова была заплакать; въ то время явилась святая Дѣва Марія и спросила: кого она ждетъ? Потомъ прибавила: «о мое дитя! твой отецъ не воротится, онъ за богатство уступилъ тебя дьяволу, который возьметъ тебя и унесетъ съ собою». Горько заплакалъ въ ужасѣ бѣдной ребенокъ. «Смотри, дочь моя! сказала Богоматерь, утѣшая дѣвочку; я начерчу около тебя кругъ, за который ты не должна выходить. Когда я удалюсь, адъ пошлетъ за тобою своихъ слугъ, но будь мужественна — они тебѣ ничего не сдѣлаютъ.» Затѣмъ Св. Дѣва начертила кругъ и исчезла. Тогда приблизились безобразные демоны, но все ихъ успія были напрасны: они не могли переступить таинственнаго круга; когда снова явилась Св. Дѣва, они ни минуты не могли вынести ея сіянія и тотчасъ-же разсѣялись въ разныя стороны. Св. Дѣва, взяла дѣвочку за руку, привела въ чудесный садъ, среди котораго

стоялъ великолѣпный домъ, и дала ей четыре ключа. «Этими ключами, сказала она, ты можешь отворить все двери и гулять по всемъ комнатамъ; только не входи, дитя мое! въ ту комнату, что отпирается этимъ деревяннымъ ключемъ.» Но дѣвочка нарушила заповѣдь, отворила дверь въ запретную комнату и видѣла, какъ Богоматерь исцѣляла раны своего божественнаго сына. Въ гнѣвѣ изрекла Св. Дѣва: «да разверзнется земля и да поглотитъ неблагодарную!» — Нѣтъ, сказалъ Спаситель, пусть она заплатитъ за это другимъ наказаніемъ. Св. Марія привела ее въ мрачную пещеру, строго запретила ей произносить хоть единое слово, и удалилась. Долго жила она въ этой пещерѣ. Случилось однажды — охотился вблизи королевичъ, зашелъ печаянно въ пещеру и увидѣлъ дѣвушку. На все вопросы его, она не отвѣчала ни слова; не смотря на то, пораженный ея красотою, королевичъ женился на ней. Черезъ годъ она родила ему двухъ прелестныхъ золотыхъ малютокъ. Ночью, когда и мать и няня спали, пришла Св. Дѣва и унесла одного ребенка. Когда няня проснулась и увидѣла, что дѣтская постелька пуста, она сильно испугалась королевскаго гнѣва; поймала гуся, вызолотила его, посадила на постель, и донесла, что жена королевича — злая вѣдьма, что она родное свое дитя превратила въ гуся. Король сильно разгнѣвался на свою невѣстку и пришелъ къ ней въ комнату, чтобы разузнать все дѣло; но тщетно, онъ ничего не добился отъ несчастной матери, кромѣ слезъ. На слѣдующую ночь Пречистая Дѣва взяла и другаго ребенка; проснувшись, няня сдѣлала тоже, что и прежде. Тогда король созвалъ судъ, и приказалъ судить королеву. Рѣшено было замуровать ее живою въ каменную стѣну. Приговоръ былъ исполненъ. Уже положили послѣдній камень надъ ея головою, уже отчаянье проникло въ ее измученную душу, — въ то время явилась Пречистая Дѣва, возвратила ей дѣтей, дала позволеніе говорить и надѣлила

вицею. Цѣлые три года пробыла королева въ каменной стѣпѣ; наконецъ принцъ не могъ долѣе противиться своей любви, разрушилъ стѣну и нашелъ свою жену и дѣтей. Съ тѣхъ поръ они жили мирно и счастливо.

Пользуясь собраніемъ В. И. Даля, приводимъ отсюда русской народной разсказъ, въ которомъ тоже содержаніе передается почти съ тѣми-же подробностями и обстановкою:

Жилъ-былъ мужикъ; до того обѣднялъ, что остался у него одинъ сундукъ, и тотъ порожній. Что теперь дѣлать? держитъ онъ въ умѣ; вѣтъ нечего, купишь нѣ на что! Кажись, родную-бъ дочь свою продалъ, да кому ее надобно? Только подумалъ, какъ вдругъ входитъ въ избу Пречистая Дѣва и говоритъ: «здравствуй, мужичекъ! продай мнѣ свою дочь». Что за диво! полу-маль мужикъ, еще ни слова не говорилъ, а ужъ ей вѣдомо! «Отчего не продать! сказалъ онъ; купи — твоя будетъ. — Взялъ мужикъ деньги и отдалъ дочь. Пресвятая Богородица привела ее въ высокіе хоромы, и говоритъ: «оставайся здѣсь и живи съ миромъ. Если соскучишься — вотъ тебѣ ключъ, отвори эту дверь и ступай гулять: тамъ тебѣ будетъ весело». Дѣвочка отворила дверь и вошла въ большой-большой садъ: какихъ только цвѣтовъ и деревьевъ въ немъ ни было! Цѣлой мѣсяцъ пробыла здѣсь дѣвочка, и все не могла насмотрѣться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дѣва другой ключъ: «будетъ скучно — отвори эту дверь и полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка другую дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ птицъ, точно со всего свѣта сюда собраны. Вѣкъ бы глядѣлъ на нихъ — не наглядѣлся, вѣкъ бы слушалъ ихъ сладкое нѣніе — не наслушался. Опять прошло много времени, и даетъ ей Пречистая Дѣва третій ключъ: «будетъ скучно — ступай въ эту дверь, полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка третью дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ звѣ-

рей: все звѣри ласковые да красивые; стала она играть съ ними, и на ихъ скачки, на ихъ прыжки долго не могла налюбоваться. Послѣ отдала ей Пресвятая Богородица все ключи, и говорить: «позволяю тебѣ вездѣ ходить и все смотрѣть; только туда не ходи, гдѣ мѣдной замѣкъ на двери виситъ». Вотъ дѣвочка и стала про себя думать: «что это такое — вездѣ я хожу, на все я смотрю, а тамъ не была, гдѣ мѣдной замѣкъ виситъ? Дай хоть немножко загляну!» И только чуть отворила дверь, какъ ударило оттуда пламя, и она едва успѣла убѣжать въ сторону. «Гдѣ ты была, что видѣла?» стала спрашивать Пречистая Дѣва. — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, отвѣчала дѣвочка. «Если ты не признаешься, я сдѣлаю тебя и глухую, и нѣмую.» — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, повторила дѣвочка. Пречистая Дѣва сдѣлала ее глухую и нѣмую, и отвела въ густой и темной лѣсъ.

Долго ходила она по лѣсу, притомилась, приустала, и залѣзла въ дупло отдохнуть. На ту пору охотился тутъ царской сынъ; наѣхалъ онъ на дупло и увидѣлъ дѣвочку. Засмотрѣлся на ея красоту и сталъ спрашивать: кто она и какъ сюда попала. Сколько ни спрашивалъ, она ни слова ему не промолвила. Тогда царевичъ велѣлъ своимъ людямъ взять ее съ собою, и привезъ ее во дворецъ. Дѣвочка выросла и крѣпко полюбилась царевичу: захотѣлъ онъ на ней жениться, сказалъ отцу и матери; они и говорятъ ему: «любезной сынъ! мы съ тебя воли не снимаемъ; а совѣтъ нашъ такой: что за охота брать за себя нѣмую? женись-ка лучше на царевнѣ, али королевнѣ». Но царевичъ такъ неотступно упрямалъ, что дѣлать нечего — и отецъ и мать согласились, и дали ему свое родительское на вѣки нерушимое благословеніе. У царя не пиво варить, не вино курить; веселымъ пиркомъ да за свадебку, отирадиовали и стали жить въ радости. Ровно черезъ годъ родила молодая сына; по въ ту-же ночь, какъ скоро за-

спули вѣв крѣпкимъ спомъ, пришла Пречистая Дѣва, разбудила жену царевича, и сказала: «я разрѣшаю твой языкъ, признайся только, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» — Я ничего не видала. Тогда Пречистая Дѣва сдѣлала ее опять глухою и пѣмою, взяла ея ребенка и унесла съ собою. На утро спрашиваетъ царевичъ о сынѣ; мамки и няньки переполошились, некали-пскали, думали-думали, и ничего не нашли, ничего не придумали. Царь съ царицею стали ему говорить, что жена его—злая вѣдьма, сама изгубила свое милое дѣтище, и чте слѣдуетъ казнить ее. Царевичъ началъ слѣзно упрашивать своихъ родителей, и они сжалились на его слезы и простили невѣстку. Черезъ годъ родила она другаго сына; ночью явилась Пречистая Дѣва, и унесла съ собою и другаго ребенка. Еще черезъ годъ родился у царевича третій сынъ, и съ нимъ случилось тоже самое. Тогда царь сильно разгнѣвался и приказалъ казнить царевичеву жену жестокою казнію. Повели ее казнить; ужъ все готово: и топоръ, и плаха! Въ то самое время явилась Пресвятая Богородица съ тремя хорошенькими мальчиками, и сказала: «признайся, что видѣла ты въ горницѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» Тутъ только призналась царевичева жена, и Пресвятая Дѣва простила грѣшницу, разрѣшила ей языкъ и отдала дѣтей. Послѣ того царевичъ сталъ съ своею женою жить, да поживать, да добра наживать, а какъ умеръ его отецъ — онъ сдѣлался царемъ, и правилъ народомъ долго и милостиво.

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Вариантъ этой легенды напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1840 года (см. «Шесть малороссійскихъ простона-

родныхъ балладъ» Л. Боровиковскаго — № 2, смѣсь; стр. 50 — 51):

«Славный у старыхъ пановъ былъ Ярёмка-кузнецъ: бывало, сдѣлаетъ серпъ-ли, къ дверямъ рукоятку-ль, задвижку, ключокъ-ли, завѣски-ли къ скринѣ — ну такъ вѣдь прехитро украситъ рѣзбой да насѣчкой, что, ей, заглядѣнье! Вотъ такъ бы сидѣлъ да глядѣлъ бы!... Ну, а кузница-то у Ярёмки: право, и хата другая не будетъ просторнѣй и краше... Подлѣ горнила, на самой на печкѣ, висѣлъ на холстѣ намалеванный чортъ, повѣшенный кверху ногами, ну да и списанный точно! Кто ни посмотритъ, узнаетъ: чортъ да и чортъ тебѣ! чорный, съ рогами, съ предлиннымъ хвостомъ, съ бороною, съ калиткою денегъ въ когтяхъ и съ людскими грѣхами. Чорта Ярёмка повыначкалъ грязью и дегтемъ, очи проклятыя выжегъ, всего искололъ, изцараналъ. Если Ярёмка куётъ — ужь онъ такъ норовитъ, чтобы къ чорту спиной повернуться... А если и глянетъ, бывало, на чорта, то вѣрно, чтобъ плюнуть на чортову харю.» Чортъ разозлился и рѣшился отомстить. Вотъ панялся въ кузницу новой работникъ, цыганъ, и какой работникъ! Десять противъ него не сработаютъ; Ярёмка только смотритъ да деньги считаетъ. Приѣхалъ однажды къ Ярёмкѣ хромой атаманъ. Цыганъ предложилъ ему сковать ногу. Атаманъ согласился. «Цыганъ пригораздилъ къ жаровиѣ хромую ногу; ударилъ молотомъ, сыркнулъ водою, посыпалъ пескомъ. Атаманъ лишь вышелъ изъ рукъ кузнеца — да въ присядку!... Съ этой поры къ кузнецу приносили не ломъ да желѣзо, а увѣчье, педугъ да калѣчество.» Много перековалъ цыганъ: стариковъ и старухъ въ молодыхъ, калѣкъ въ здоровыхъ, безобразныхъ въ красавцевъ. «Какъ-то работникъ-цыганъ отлучился; а баринъ Ярёмкинъ, дряхлой старикъ, приходитъ къ Ярёмкѣ съ приказомъ — перековать его въ молодцы. Недолго думалъ кузнецъ: завязалъ его въ мѣшокъ, под-

ложилъ угольковъ въ жаровню, и бросивъ въ горнило, самъ принялся раздувать. Отчаянный крикъ и стоны господскіе скоро затихли. Вынулъ Ярёмка съ огня обгорѣлыя кости... Цыганъ проналъ безъ вѣсти! Ужь палачъ и Сибирь ожидаютъ Ярёмку.» Велѣлъ онъ позвать священника съ молитвою; вотъ священникъ прочиталъ молитву, сталъ кропить святою водою и прямо попалъ въ намалеваннаго чорта. Вдругъ откуда ни взялся — пришелъ цыганъ, вызвалъ Ярёмку и сказалъ: «что хочешь надо мной дѣлай, глумись и ругайся, только не кропи святою водою! Сейчасъ приведу твоего барина». Скоро явился баринъ молодець-молодцомъ! Ярёмку простили, а работникъ его сгинулъ безъ вѣсти. Ярёмка снялъ чортовъ портретъ и швырнулъ въ огонь: съ той поры чортъ почернѣлъ еще хуже, и любимымъ мѣстомъ его стали кузнечныя трубы.

Смотри также легенду «Пустынный и дьяволъ» (№ 20, b).

Въ вѣмецкой сказкѣ «Das junggeglühte Männlein» (Kinder-und Hausmärchen, ч. 2, № 147) совѣзмъ иначе обставлено преданіе о перековкѣ дряхлыхъ стариковъ въ юношей, полныхъ силъ и здоровья; здѣсь оно связывается со Христомъ и апостолами. Однажды шелъ Господь по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Дѣло было къ вечеру, и они попросились почевать къ кузнецу. Случилось, что въ то же время пришелъ туда за милостиной бѣдной нищій, совѣзмъ-согнувшійся отъ старости и недостатка силъ. «Господи! сказалъ св. Петръ, даруй ему, чтобы онъ самъ могъ добывать своей хлѣбъ.» Господь приказалъ кузнецу развести огонь: «я желаю, говорилъ онъ, помолодить этого больного старика». Кузнецъ положилъ въ горнило горячихъ угольевъ, св. Петръ принялся за мѣха, и когда все было готово, взялъ Господь стараго нищаго, положилъ его въ горнило на самой жаръ и раскалилъ до-красна; послѣ того бросилъ его въ воду, далъ охладиться горячему тѣлу и благословилъ: и тотчасъ возсталъ нищій здоровымъ,

сильнымъ, молодымъ, какъ будто ему было только двадцать лѣтъ. На другой день тоже самое повторяетъ кузнецъ съ полуслѣпою, сторбленною старухою, но его опытъ оказывается неудачнымъ.

Любопытно то цѣлебное и животворное свойство, какое въ этой легендѣ и во многихъ другихъ народныхъ сказкахъ, приписывается водѣ и огню: это повѣрье, по своему происхожденію, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ, когда обожались стихіи и когда знахарство (лѣченіе больныхъ) входило въ область религіозныхъ священнодѣйствій. Съ принятіемъ христіанства многое изъ этихъ старинныхъ представленій—въ массѣ народа, по преимуществу живущей преданіемъ, было удержано, и сказалося въ ея поэтическихъ созданіяхъ, между тѣмъ какъ самая обстановка черѣдко заимствовалась изъ иного міра. Такъ было у всѣхъ народовъ, такъ было и у славянскихъ племенъ. (Слѣди съ легендами, помѣщенными въ этомъ сборникѣ подъ № № 4 и 5.)

Norwegische Volksmärchen (ч. 1, № 21) передаютъ сказаніе о кузнецѣ отчасти сходно съ нѣмецкою легендою, напечатанною братьями Гриммами, отчасти съ своеобразными дополненіями:

Кузнецъ заключилъ съ чортомъ договоръ, что ровно черезъ семь лѣтъ готовъ отдаться ему, если на все это время нечистой сдѣлаетъ его первымъ мастеромъ въ кузнечномъ пекуствѣ. Однажды какъ-то Христосъ и св. Петръ, странствуя по землѣ, зашли къ этому кузнецу. У него была мать-старуха: съ сторбленною спиною, съ сморщеннымъ лицомъ, она едва ноги передвигала отъ дряхлости. Господь взялъ ее, положилъ въ горнило и началъ ковать — и старуха сдѣлалась молодою и красвою. Кузнецъ попробывалъ тоже сдѣлать, но ему вовсе не удалась хитрая работа. Раздраженный тѣмъ, что чортъ плохо ему помогаетъ, онъ вздумалъ его проучить. «Прав-

ду ли говорятъ люди, спросилъ кузнецъ нечистаго, что ты можешь на столько умалить себя, на сколько захочешь?» — Правду. «А ну, полѣзай въ этотъ кошель!» — Изволь! сказалъ чортъ, сдѣлался маленькимъ и влѣзъ въ кошель. Но едва онъ влѣзъ туда, какъ въ ту-же минуту кузнецъ затянулъ кошелекъ, завязалъ, положилъ въ горнило и давай поджаривать нечистаго. Чортъ кричать, молить пощады! Не тутъ-то было. «Я не могу тебя избавить, сказалъ кузнецъ; пословица говоритъ: куи желѣзо, пока горячо!» Бросилъ кошелекъ на наковальню и ну ударять по немъ большимъ молотомъ. Вдоволь натѣшился надъ чортомъ и выпустилъ его: чортъ выскочилъ и давай Богъ ноги! Прошло довольно времени; взялъ кузнецъ свой молотъ и пошелъ искать дороги въ адъ. Шелъ, шелъ, и добрался до перекрестка, гдѣ тропинка раздѣлялась на-двое: одинъ путь велъ на небо, другой въ пекло. Здѣсь повстрѣчался онъ съ портнымъ. «Доброй день! сказалъ кузнецъ; ты куда идешь?» — На небо; а ты куда? «Ну, братъ, мнѣ съ тобой не по дорогѣ: я иду въ пекло.» Распрощались и пошли каждой своею дорогою. Вотъ пришелъ кузнецъ къ адскимъ воротамъ. «Кто идетъ?» спрашиваетъ чортъ, поставленный на стражѣ. — Я тотъ самый кузнецъ, у котораго есть кошель и молотъ. Какъ услыхалъ это дьяволь, сейчасъ велѣлъ запереть двери на все на девять замковъ. «Видно, здѣсь итъ для меня квартиры, подумалъ кузнецъ; пойду въ рай.» Пустился въ дорогу, и достигъ райскихъ воротъ въ то самое время, какъ св. Петръ впускалъ на небо портнаго; но попалъ ли туда кузнецъ — неизвѣстно¹⁾.

Въ «Москвитянинѣ» 1843 года (№ 1, стр. 132 — 140) г. П. К. передалъ со словъ одного казака народную сказку:

¹⁾ О странствованіи портнаго на небо см. нѣмецкую сказку въ *Kinder- und Hausmärchen*, № 35.

«Коваль Захарко». Чортъ позавидоваль доброму и работающему ковалю и сталъ отзывать отъ него всѣхъ, кто только ѣхаль къ нему съ работою. Захарко съ горя продался чорту; но съ того времени былъ столь милостивъ къ бѣднымъ и столь набожепъ, что свыше дано ему было во власть два слова: *стань* и *сядь*. Когда наступилъ срокъ и явилась за нимъ нечистая сила, онъ одному чорту сказалъ: *стань!* а другому: *сядь!* и оба они не могли уже тронуться съ мѣста. Самого сатану посадилъ онъ въ кожаный кошель и разбилъ молотомъ на наковальнѣ. (Слпчи съ легендою: «Солдаты и Смерть» — № 16, с.)

32. ВОЛКЪ.

См. Народн. русскія сказки, выпускъ IV, стр. 44—47, 155 — 158, и легенду о бѣдной вдовѣ (№ 3).

Въ сказкѣ «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ», записанной казакомъ Луганскимъ, волкъ обращается съ своими просьбами къ этому святому. Георгіи Храбрый между простолюдинами почитается покровителемъ стада и начальникомъ волковъ, которымъ раздаеть приказанія: гдѣ и чѣмъ кормиться. Народныя поговорки говорятъ: «Св. Юрій коровъ запасаетъ», «Егорій да Власъ всему богатству глазъ», «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ». Существуетъ повѣрье, что волкъ ни одной твари не задавитъ безъ Божьяго дозволенія. Подъ Юрьевъ день, и осенью, и весною, въ курской губерніи ничего не работаютъ изъ шерсти, опасаясь, чтобы волки не поѣли за то овецъ¹⁾. Отъ одного поселяннина слышали мы такой рассказъ:

¹⁾ Зооморф. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1832 г., № 3, стр. 47—48; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 93; Мажъ 1844 г., т. XIV.

Пасли два пастуха овечье стадо; захотѣлось одному водицы испить, и пошелъ онъ черезъ лѣсъ къ колодцу. Шелъ, шелъ, и увидѣлъ большой, вѣтвистый дубъ, а подъ нимъ вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тутъ дѣлается», сказалъ пастухъ и влѣзъ на самую верхушку дерева. Глядь — ѣдетъ св. Георгій, а въ слѣдъ за нимъ бѣжитъ многое множество волковъ. Остановился Георгій у самаго дуба; началъ разсылать волковъ въ разныя стороны, и наказываетъ всякому, чѣмъ и гдѣ пронитаться. Всѣхъ разослалъ; собирается ужъ ѣхать: на ту пору тащится хромою волкъ и спрашиваетъ: «а миѣ-то что-жъ?» Егорій говоритъ: «а тебѣ вонъ на дубу сидитъ!» Волкъ день ждалъ, и два ждалъ, чтобы пастухъ слѣзъ съ дерева, такъ и не дождался; отошелъ подальше и схоронился за кустъ. Пастухъ оглядѣлся, спустился съ дуба — и бѣжать! а волкъ какъ выскочитъ изъ-за куста: схватилъ его и тутъ-же съѣлъ.

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ.

Сличи съ началомъ сказки: «Лиса-лѣварка» (Народн. русск. сказки, вып. IV, № 7) и съ рассказомъ, помѣщеннымъ въ *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz* (ч. 2, стр. 175 — 6) о бѣднякѣ, у котораго было много дѣтей: выросъ дубъ до самаго неба; бѣдной мужикъ влѣзъ на верхушку и давай стучаться. «Посмотря, сказалъ Господь апостолу Петру, кто сюда стучится?» — Кто тамъ? спросилъ св. Петръ. — Я, бѣдной человекъ, у котораго много дѣтей. Апостоль Петръ далъ ему два хлѣба. Въ другой разъ мужикъ выпросилъ себѣ булку; а въ третій разъ былъ прогнанъ палкою. — Чудесныя жорновки, которые даютъ своему хозяину сколько угодно блиновъ и пироговъ, напоминаютъ собою сказочную скатерть-

самобранку (Tuch deck dich). Норвежская сказка упоминает о такой-же мельнице:

Въ старое время было два брата: богатой и бѣдной. Наступалъ праздникъ Рождества Христова; у бѣднаго не было ни куска мяса, ни хлѣба въ домѣ; онъ пошелъ къ брату и сталъ просить у него ради Христа. Богатой не очень обрадовался такому посѣщенію. «Сдѣлай то, что прикажу тебѣ, сказалъ онъ, и я тебѣ дамъ цѣлой окорокъ.» — Хорошо, отвѣчалъ бѣдной. Тогда богатой бросилъ ему окорокъ и сказалъ: «возьми и убирайся къ чорту!» — Я обѣщаль, долженъ и выполнить, подумаль бѣднякъ, взялъ окорокъ и пошелъ въ адъ. Цѣлый день шель онъ, и наконецъ увидалъ старика съ длиною бѣлою бородою. «Здѣсь ли дорога въ адъ?» — «Здѣсь. Только послушай: когда ты прійдешь туда, всѣ черти и большіе и малые стануть покушать у тебя окорокъ; но ты не отдавай его за деньги, а проси въ обмѣнъ старую ручию мельницу, что у дверей стоитъ.» Бѣдной послушался и получилъ мельницу. Воротясь домой, онъ поставилъ ее на столъ, и приказаль молоть: все, что только онъ ей приказываль, сейчасъ-же давала чудесная мельница. Узналь о томъ богатой, пришелъ торговать мельницу, и купилъ ее за 300 талеровъ. Принесъ домой, и говорить женѣ: «ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготовлю». Жена ушла, а мужъ поставилъ мельницу на столъ и приказываетъ, чтобъ молола сельдь и молочной супъ. Начала мельница молоть сельдь и молочной супъ: наполнила всѣ чашки, чугуны, кадки; ужъ и подставлятъ печего, а она все мелеть. Какъ не останавливаль ее богатой, какъ не трудился — ничего не могъ сдѣлать; затошила она всю избу, запрудила цѣлой дворъ и потекло молоко съ сельдями въ открытое поле. Богатой бросился къ брату: возьми назадъ свою мельницу. Тотъ взялъ мельницу и еще въ придачу 300 талеровъ, и сталъ жить весело и счастливо. Захваль

къ нему однажды корабельщикъ и пожелалъ видѣть мельницу. «Можетъ ли она молоть соль?»—Можетъ. «Продай ее мнѣ.»—Куш. Сторговалъ за тысячу талеровъ, поставилъ ее на корабль, поѣхалъ въ море и заставилъ молоть соль. Тотчасъ-же посыпалась соль и наполнила цѣлое судно; сколько ни старался корабельщикъ—не могъ ее остановить: кучи соли росли выше и выше. и наконецъ потопили корабль со всѣмъ, что на немъ было. Тамъ, на днѣ моря, стоитъ чудная мельница и до сего дня мелеть соль: отъ того-то и солона морская вода.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

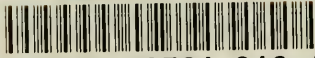
	Стран.
Предисловіе.	V—XXXII
1. Чудесная молотѣба.	3
2. Чудо на мельницѣ.	5
3. Бѣдная вдова.	—
4. Псѣзленіе.	15
5. Ночь-завидушіе глаза.	19
6. Превращеніе.	23
7. Пиво и хлѣбъ.	25
8. Христовъ братецъ.	30
9. Егорій Храбрый.	32
10. Пля-пророкъ и Никола.	39
11. Касьянъ и Никола.	42
12. Золотое стремя.	43
13. Пятица.	47
14. О Ное Праведномъ.	48
15. Соломонъ Премудрый.	53
16. Солдаты и Смерть	—
17. Видѣніе.	71
18. Потанька.	74
19. Поѣздка въ Іерусалимъ.	75
20. Пустынникъ и дьяволъ.	—
21. Пустынникъ.	79
22. Повѣсть о бражникѣ.	81
23. Царевичъ Евстафій.	82
24. Повѣсть о царѣ Аггеѣ и како пострада гордостію.	84
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго.	87
26. Ангель	88
27. Кумова кровать.	90

	Стран.
28. Грѣхъ и покаяніе.	91
29. Горькой пьяница.	97
30. Крестной отецъ.	99
31 Кузнецъ и чортъ.	104
32. Волкъ.	107
33. Пѣтухъ и жорновки.	109
Примѣчанія.	113

752

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 06561 210 1

